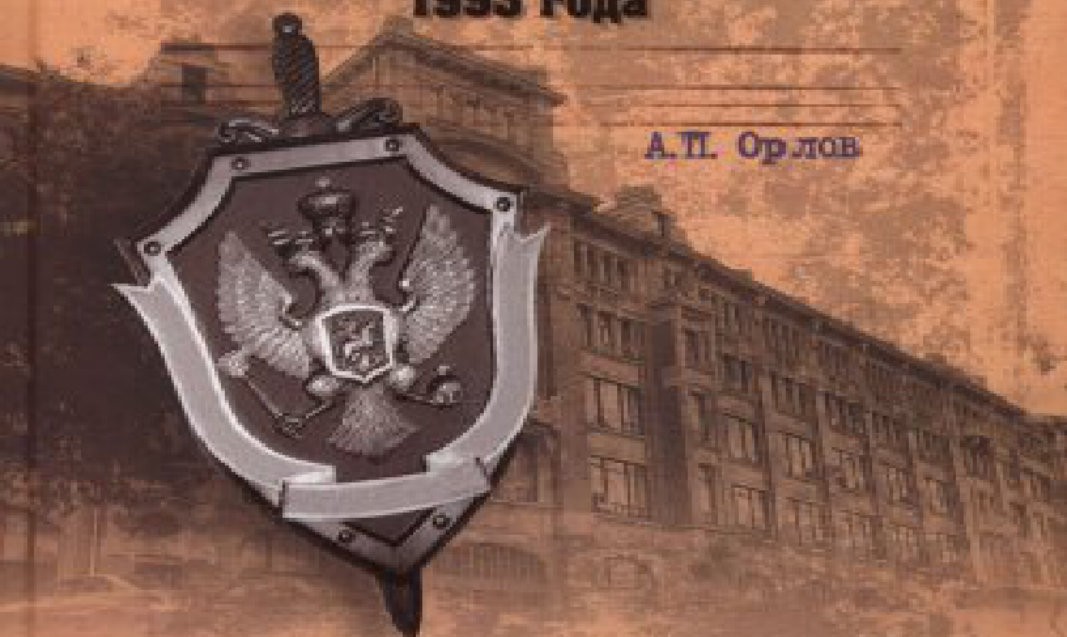
ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-023

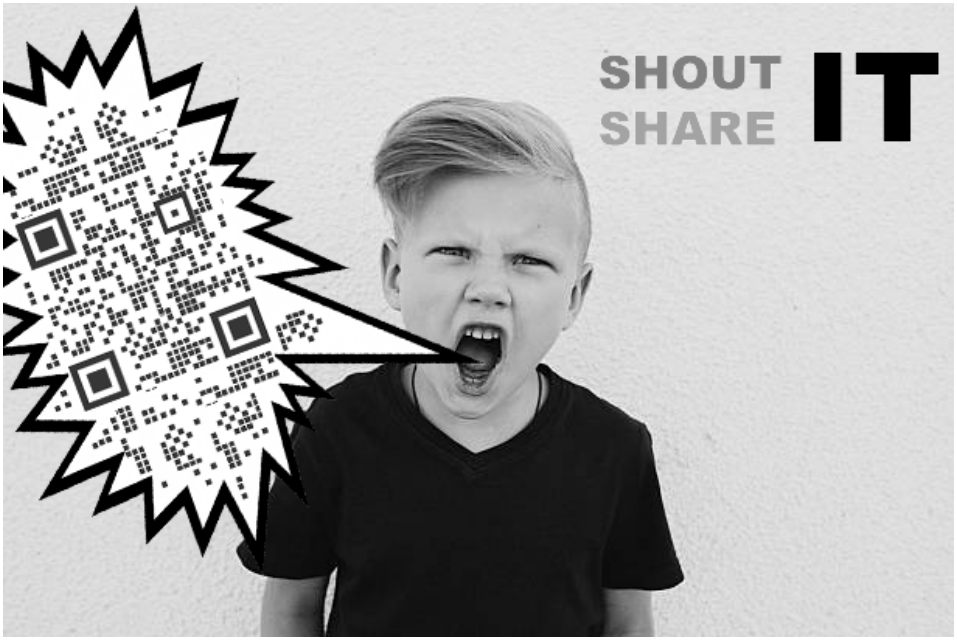
ДОКЛАДЫВАТЬ МНЕ ЛИЧНО!

Тревожные весна и лето 1993 года



А. П. Орлов

ХРАНИТЬ (годы) вечно ЛЕТ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории — ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды.

Автор и некоторые его коллеги сами находились в эпицентре происходящих событий, что предопределило документальный характер повествования. Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали вес возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их замыслы. По известным причинам имена и фамилии некоторых участников событий изменены, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминания участников событий и публикации в средствах массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Андрей ОРЛОВ
  - От автора
  - 13 марта 1993 года, суббота, день
  - 13 марта 1993 года, суббота, день
  - 13 марта 1993 года, суббота, день
  - 13 марта 1993 года, суббота, день
  - 13 марта 1993 года, суббота, день
  - 13 марта 1993 года, суббота, день

- ○ 13 марта 1993 года, суббота, день
- ○ 16 марта 1993 года, вторник, утро
- ○ 17 марта 1993 года, среда, вечер
- ○ 18 марта 1993 года, четверг, вечер
- ○ 18 марта 1993 года, четверг, вечер
- ○ 19 марта 1993 года, пятница, утро
- ○ 19 марта 1993 года, пятница, утро
- ○ 19 марта 1993 года, пятница, утро
- ○ 19 марта 1993 года, пятница, утро
- ○ 19 марта 1993 года, пятница, утро
- ○ 20 марта 1993 года, суббота, день
- ○ 20 марта 1993 года, суббота, вечер
- ○ 20 марта 1993 года, суббота, вечер
- ○ 20 марта 1993 года, суббота, вечер
- ○ 20 марта 1993 года, суббота, вечер
- ○ 21 марта 1993 года, воскресенье, утро
- ○ 23 марта 1993 года, вторник, утро
- ○ 23 марта 1993 года, вторник, утро
- ○ 23 марта 1993 года, вторник, утро
- ○ 28 марта 1993 года, воскресенье, день
- ○ 28 марта 1993 года, воскресенье, вечер,
- ○ 7 апреля 1993 года, среда, утро
- ○ 7 апреля 1993 года, среда, день
- ○ 9 апреля 1993 года, пятница, утро
- ○ 9 апреля 1993 года, пятница, утро
- ○ 13 апреля 1993 года, вторник, вечер
- ○ 13 апреля 1993 года, вторник, вечер
- ○ 14 апреля 1993 года, среда, утро
- ○ 21 апреля 1993 года, среда, утро
- ○ 1 мая 1993 года, суббота, день
- ○ 1 мая 1993 года, суббота, день
- ○ 1 мая 1993 года, суббота, день
- ○ 1 мая 1993 года, суббота, день
- ○ 3 мая 1993 года, понедельник, вечер
- ○ 3 мая 1993 года, понедельник, вечер
- ○ 14 мая 1993 года, пятница, вечер
- ○ 19 мая 1993 года, среда, день
- ○ 19 мая 1993 года, среда, вечер
- ○ 13 июля 1993 года, воскресенье, день
- ○ 18 июня 1993 года, пятница, день
- ○ 3 июля 1993 года, суббота, день
- ○ 27 июля 1993 года, вторник, утро
- ○ 27 июля 1993 года, вторник, день
- ○ 27 июля 1993 года, вторник, вечер

    - 19 августа 1993 года, четверг, день
    - 19 сентября 1993 года, воскресенье, вечер
    - 19 сентября 1993 года, воскресенье, вечер
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

Андрей ОРЛОВ
ДОКЛАДЫВАТЬ МНЕ ЛИЧНО!
Тревожные весна и лето 1993 года

От автора

В этой книге я попытался рассказать о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории — ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что, самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды.

Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали все возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их преступные замыслы. Поскольку тайная война с криминалом зачастую не оставляет документальных свидетельств, некоторые сюжеты были подвергнуты авторской реконструкции и базируются на моем личном восприятии и опыте, как одного из участников описываемых событий. Наряду с реальными действующими лицами, часть имен и фамилий которых мне пришлось изменить, в повествовании присутствуют собирательные образы, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминаний участников и публикаций в средствах массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи.

Обращаясь к сложной и полной противоречий обстановке 1993 года, я посчитал необходимым спустя два десятка лет рассказать об отдельных эпизодах, в которых довелось участвовать мне и моим коллегам по работе и службе. Ведь именно тогда закладывались основы противодействия нарастающей волне коррупции, преодоление которой и в наши дни является приоритетной задачей государства и общества. О

том, насколько интересным и убедительным получился мой рассказ, судить вам, читатель. Я же старался быть непредвзятым, честным и искренним.

А.Орлов

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

— Перед вами стоит очень важная задача. Первое — это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет пи в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь появились люди, которые передают служебные сведения на сторону… Или просто их продают… Надо что-то делать… И добиться того, чтобы в Администрации Президента и в Аппарате Правительства с этим был порядок. И второе. Это — коррупция. Есть информация, что некоторые чиновники берут взятки, за деньги лоббируют на самом высоком уровне правительственные решения… Вы должны докладывать мне лично, а я буду докладывать Борису Николаевичу о таких фактах. Вы меня понимаете, Андрей Нетрович?

Филатов[1] испытующим взглядом посмотрел на сидящего перед ним Орлова. Тот молча кивнул.

— Если вы получите информацию о… высших должностных лицах… но, только достоверную… то мы вместе с вами… или вы один будете докладывать непосредственно Президенту. Я это согласовал с Борисом Николаевичем… Вам все понятно?

Орлов серьезно посмотрел на руководителя Администрации Президента и, едва скрывая волнение, ответил:

— Да, Сергей Александрович, мне все понятно.

— Тогда зашипите мой прямой телефон… Да, и на дачу… Вы можете мне звонить в любое время суток, и, если у вас будет срочное дело, я вас сразу приму. Включайтесь быстрее в работу. Время для раскачки у нас нет. Письмо о прикомандировании я подпишу сегодня же.

— Все ясно. Я готов приступить к работе на следующей педеле. Обещаю вам, Сергей Александрович, что приложу вес силы, чтобы качественно решать задачи, о которых вы сказали, — как мог, проникновеннее произнес Орлов заранее заготовленную фразу, но, почувствовав ее банальность, смутился.

Филатов только поморщился и сухо сказал:

— Давайте, работайте. Надо помочь Президенту.

Разговор был окончен и Орлов, пожав протянутую руководителем администрации руку, вышел из кабинета. С начала беседы с одним из самых могущественных людей в государстве прошло каких-нибудь двадцать пять минут. А всего лишь час назад, сдерживая внутреннюю дрожь, он входил в

широкий дверной проем в стене рядом со Спасской башней Кремля, предъявив офицеру охраны свое удостоверение.

> **СТАТЬЯ: «Поступающая в Администрацию Президента информация позволяет сделать вывод о том, что коррупция в России превращается в общегосударственную политическую проблему. Оказались под угрозой экономические реформы и демократические преобразования.**
>
> **Коррупция пронизала все уровни госаппарата, включая самые верхние. Тревожит распространение этого явления среди работников правоохранительных органов. Фактически есть признаки того, что в определенных сферах реальная власть переходит к параллельной системе управления на криминальной основе. И в этом смысле государство может стать неуправляемым…»**
>
> ***(Статья С.А. Филатова, в 1993–1996 годах — руководителя Администрации Президента. «Независимая газета», 24 марта 1993 года).***

Чем ближе Орлов подходил к главному угловому подъезду известного кремлевского трехэтажного здания с зеленым куполом, тем все большее волнение охватывало его. Как-то так получилось, что до сих пор ему доводилось попадать в этот дом только через подъезд с тыльной стороны здания у Кремлевской степы. А теперь ему вдруг сказали, что он должен войти в святая святых российской власти через те самые двери, которые по меньшей мере два раза в день минует сам Президент.

Главный вход кремлевского дома, когда-то давно называвшегося Сенатом, затем зданием Правительства, а теперь именуемого просто первым корпусом, выглядел довольно скромно и, как казалось Орлову, не отличался особыми архитектурными достоинствами — несколько ступенек, образующих крыльцо с миниатюрным резным металлическим навесом, полукруглая арка с массивными дверями, расположенная чуть выше ниша, в углублении которой виднелись окна, завешанные белыми шторками, покрытые желтой краской стены со слегка нависающим карнизом. В общем, обычный старинный московский дом, построенный в классическом стиле. Не более того.

Неподалеку от углового подъезда, чуть в стороне, стояли две черные «Волга» с правительственными номерами. За тонированными стеклами угадывались силуэты водителей или,

быть может, охранников. День был солнечный, но довольно прохладный. На свободном пространстве площади чувствовалось дуновение холодного ветра, от которого Андрей даже немного поежился.

«Вот ведь, середина марта, а холодно, как зимой», — это последнее, о чем он подумал, прежде чем взялся за бронзовую ручку входной двери.

Орлов предъявил прапорщику охраны служебное удостоверение, которое тот долго изучал, будто пытаясь уличить посетителя в подделке или ином злом умысле. Потом долгим испытующим взглядом он посмотрел на Орлова, наверное, мысленно сличая его лицо с фотографией на удостоверении, и молча вернул документ, снисходительно буркнув:

— Проходите.

Прямо виднелась парадная лестница, покрытая темно-красным ковром. Ее ступени уходили вверх, создавая ощущение торжественности и парадности.

«Наверное, но ней и ходит Президент», — подумал Орлов. По памятуя о том, что ему сказали подняться на второй этаж на лифте, повернул направо и через несколько ступенек оказался перед лифтовой дверью, которая неожиданно тут же раскрылась и из нее вышел высокий мужчина с густой шевелюрой темных волос. На нем был надет аккуратный серый костюм с еле заметными серебристыми полосками и белая рубашка с бордовым галстуком. В руке он держал толстую черную кожаную папку.

— Здравствуйте! — сказал Орлов, сразу узнав многократно мелькающего по телевизору первого вице-премьера.

Но тот скользнул безразличным взглядом по незнакомому лицу, ничего не ответил, а только едва заметно кивнул. Впрочем, Орлов не был уверен в этом. Может быть, ему только показалось, что заместитель главы правительства ответил на ее приветствие.

Кабинет он нашел довольно быстро, немного пройдя по светлому коридору чуть вперед и прочитав на дверной табличке: «Филатов С.А.». Да, ему было нужно именно сюда, в этот один из самых важных кремлевских кабинетов, который занимал руководитель Администрации Президента Сергей Александрович Филатов, в начале 1993 года, может быть, самый влиятельный человек в окружении Ельцина.

Приемная была очень большой, можно сказать громадной. Три окна делали ее светлой и просторной. Рядом с массивной дверью в кабинет Филатова стоял стол секретаря, неподалеку от него множительный аппарат, тумбочки с какими-то бумагами и канцелярскими предметами, вдоль стен — диван, несколько тяжелых стульев, затянутых черной кожей, пара шкафов

«кремлевского» тина, металлический сейф. В центре холла, нисколько не делая его узким, возвышался круглый полированный стол с аляповатой вазой, из которой торчали стебли какого-то засушенного растения. Широкие подоконники были сплошь завалены бумагами, подшивками газет, пачками толстых справочников. Там же стояла кофеварка, высокий термос с удлиненным носиком, чайная посуда на пластмассовом подносе, несколько бутылок минеральной воды. Справа, напротив двери, ведущей в кабинет Филатова, виднелась приоткрытая дверь в смежную комнату, в которой, наверное, сидели помощники или референты.

Казалось, на вошедшего Орлова никто особенно не обратил внимания. Только светловолосый парень, сидящий за столиком рядом с входной дверью, оторвавшись от чтения какой-то книги, вопросительно поднял на Андрея глаза.

«Прикрепленный», — догадался Орлов. Так называются сотрудники Службы охраны, отвечающие за безопасность высших руководителей государства, проще говоря — телохранители.

Миловидная женщина средних лет о чем-то говорила по телефону, одновременно стуча пальцами по клавиатуре компьютера и поглядывая на экран монитора.

— Нет, нет, нет! Сергей Александрович сегодня занят! Припять не может! У него расписано все до двадцати двух часов! — громко возражала в трубку секретарша. — Еще раз говорю: я записала ваш звонок! Может быть, может быть! Позвоните завтра во второй половине дня! Всего хорошего!

Она положила трубку на один из многочисленных аппаратов, стоящих на боковом столике, и сосредоточенно стала смотреть на экран монитора, по-видимому, пытаясь уточнить для себя что-то в распорядке дня своего руководителя.

— Добрый день, — Орлов постарался как можно более любезно обратиться к секретарше.

— Здравствуйте, — сухо ответила та, не отрываясь от компьютера.

— Я… — начал Андрей. — Меня пригласили на беседу.

— Ваша фамилия? — секретарша наконец оторвалась от своею занятия и посмотрела на него. — Вы Орлов?

— Да! — несколько удивленно, но с каким-то облегчением ответил Андрей. — Мне назначено на три часа.

— Посидите! Сергей Александрович освободится, и вас пригласит! Вон там за столиком, — она кивнула головой в сторону круглот стола с вазой, за которым уже сидел грузный мужчина и сосредоточенно «изучал» газету.

Орлов тоже присел за стол, взял в руки яркий журнал. Затем

мельком взглянул на часы. Было пять минут четвертого. Андрей вдруг почувствовал, что уже совершенно не волнуется в ожидании встречи с Филатовым. То ли обыденная обстановка приемной сняла напряжение, то ли взяла верх привычка спокойно реагировать на незнакомую ситуацию, чтобы не допустить какой-либо оплошности.

«Прикрепленный», о чем-то тихо переговорив с секретаршей, подошел к Орлову.

— Вы из МБ? — спросил он, понизив голос.

— Да, — ответил Андрей.

— Хорошо, — парень кивнул, снова уселся за столик и продолжил прерванное чтение книги. Видно, удостоверившись в чем-то, он теперь уже совершенно не обращал внимания на нового посетителя. Дело в том, что аббревиатурой «МБ» обозначалось Министерство безопасности, которым именовались остатки ликвидированного более года назад КГБ СССР.

Подполковник Орлов был заместителем начальника Оперативного управления этого министерства. В очередной раз судьба ставила его перед сложным решением, когда, кажется, сам случай определял за него, как дальше ему жить и работать. Он шел на разговор с руководителем Администрации Президента страны, уже зная, что на него пал совершенно неожиданный выбор. И этот выбор должен был круто изменить ставшую уже привычной обстановку. Правда, тогда Андрей даже не мог себе представить, что ждет его в ближайшем будущем, что тем мартовским днем начнется новый отсчет событий не только в его служебной карьере, но и в самой жизни. Для сорокадвухлетнего офицера контрразведки наступал этап биографии, которым он мог бы впоследствии гордиться или которого должен был бы стыдиться всю последующую жизнь. Ранней весной 1993 года он этого не мог знать, как не мог знать никто, что ждет страну через каких-нибудь полгода.

* * *

В первом корпусе Кремля Орлов бывал неоднократно. Начиная с прошлой весны он в течение нескольких месяцев почти каждодневно приезжал сюда на совещания, которые проводил секретарь

Совета безопасности Юрий Владимирович Скоков[2]. Тогда все произошло также совершенно неожиданно. Орлова, который уже около двух месяцев осваивал новую должность заместителя начальника управления, в конце апреля вдруг вызвал к себе

министр безопасности Баранников[3].

От этой встречи Андрей не ждал для себя ничего хорошего. Прежде всего потому, что министру, конечно же, было известно о том, что Орлов, будучи помощником его предшественника, играл не последнюю роль в противодействии объединению органов госбезопасности и внутренних дел. Задуманная тогда Баранниковым авантюра — собрать под одной крышей чекистов и милиционеров — закончилась, как известно, неудачей, и амбициозному генералу армии оставалось только одно — возглавить самому оставшееся самостоятельным ведомство. Пользуясь безграничным доверием Президента, он чувствовал себя в кресле министра довольно уверенно и потихоньку начал подтягивать в Министерство безопасности своих людей, а также перекраивать на свой лад структуру министерства.

— Садись, — небрежно протянув руку вошедшему тогда в кабинет Орлову, буркнул Баранников. — Мне тебя представляют как способного работника. Я вынужден доверять мнению тех, кто тебя порекомендовал… Но…

Он замолчал, как-то по-недоброму глядя на Орлова. Слух Андрея резануло фамильярно-пренебрежительное «ты», которое не имело ничего общего с доверительностью или снисходительной доброжелательностью начальника к своему подчиненному.

— В общем, будешь работать у Скокова. Столько, сколько нужно. Надо ему помочь создать Совет безопасности. Там будут еще люди из МВД, из разведки, МИДа, Министерства обороны. Дело очень ответственное. Никого к нему подключать нельзя. Все делать будешь только сам. — Тут Баранников как-то особенно посмотрел на Андрея и, выдержав паузу, продолжил: — Будешь докладывать мне лично все, что будет серьезное. Понял? — И, не дожидаясь ответа, протянул руку и сказал: — Иди!

— Все понял, Виктор Павлович! — четко выговаривая слова, ответил Орлов. Потом, будто, вспомнив о чем-то, спросил: — А как же управление?

— Что? А от должности тебя никто не освобождал. Это тебе общественная нагрузка. Понял?

— Да. Разрешите идти?

— Иди!

— Есть!

Орлов повернулся почти так, как когда-то его учили в Добельской сержантской школе, и выппел из кабинета.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я всего три раза встречался с Баранниковым. Но первая встреча запомнилась

больше всего. Она состоялась в 1992-м, когда я был, можно сказать, в подвешенном состоянии. Меня временно назначили на должность главного инспектора Оргинспекторского управления, но держали „на подхвате“ — то подготовь такую-то бумагу, то поучаствуй в совещании, то направь шифровку… И вдруг звонок из приемной министра: „Вас срочно вызывает Виктор Павлович“. Я не мог даже представить, зачем! Быстро дошел до приемной, подождал пару минут, и меня пригласили в кабинет. Баранников, не поднимаясь из-за стола, протянул руку и буркнул: „Садись!“ Я сел.

Без какого-либо вступления он резко так сказал: „Я знаю, ты против меня вместе с Иваненко[4] развернул тут борьбу! — Он усмехнулся. — Я бы тебя выгнал, но… все говорят, что ты головастый парень. Поэтому я решил назначить тебя на должность заместителя начальника управления. К Погонию[5]. Знаешь его? — Я кивнул. — Работай! Но, если я что-нибудь узнаю про твое участие в интригах — вылетишь немедленно! Понял? — И, не дожидаясь ответа, бросил: — Иди!“»

(Из воспоминаний А.П. Орлова).

Через два дня после разговора с Баранниковым Орлов впервые вошел в кабинет Скокова на первом этаже главного кремлевского здания. *С* этого момента началась изнурительная работа у секретаря Совета безопасности — многочасовые обсуждения различных конфиденциальных вопросов текущей политики, принципов организации и формирования аппарата самого Совета безопасности, идей, которые должны лечь в основу первого послания Президента России Верховному Совету.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 23.4.92 г.

Доклад Президента до 1. VII… До сих нор — ЦК[6], СБ[7] — инструмент.

Процедура подготовки и принятия решения. Группа — по разработке концепции. Комиссия — работа по разделам. Принципы, логика документа (коррективы)…

Основа работы СБ — прогнозно-информационный, аналитический блок. СБ — ед. инструмент государственного управления в руках

Президента… Как сформировать СБ? Президент должен понять, что СБ нужен ему как воздух… СБ — под сильную президентскую власть.

Некоторые фрагменты: сохранение государственности, защита личности, обеспечение устойчивости системы управления государством.

СОВЕТ Б. — инструмент обеспечения страт. стабильности с учетом внутриполитических факторов» *(Из рабочего блокнота Л.П. Орлова. Запись 23 апреля 1992 года).*

Все бы ничего, но Орлова никто не освобождал от его прямых служебных обязанностей. Днем он продолжал руководить второй службой Оперативного управления — ставить задачи перед сотрудниками, связываться с территориальными управлениями, докладывать начальству отдельные вопросы оперативно-служебной деятельности, — и уже йотом, вечером, мчаться в Кремль, чтобы, сидя вместе с коллегами за длинным столом в бывшем молотовском кабинете[8], обсуждать самые острые вопросы внутренней и внешней политики государства.

ИНФОРМАЦИЯ: «В первые недели работы в группе у Скокова меня переполняло чувство собственной значимости. Неожиданно для себя оказавшись в центре разработки важнейших государственных решений, я ощутил своего рода азарт и неимоверный прилив сил. Но больше всего меня сначала занимали чисто внешние эффекты. Проноситься на черной „Волге“ через Лубянскую площадь по Ильинке и на глазах у гуляющей по Красной площади публики въезжать в ворота Спасской башни — это было потрясающе! Внутри все ликовало, и хотелось, чтобы все видели — это я, я еду в машине! Правда, въезжать непосредственно в Кремль получалось не всегда, и тоща я оставлял машину на Васильевском спуске. Да и с течением времени острота ощущений поубавилась. А к моменту перехода на работу в администрацию — вообще улетучилась» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Иногда Орлову казалось, что он случайно оказался в компании могущественного секретаря Совета безопасности, опытного разведчика, не раз бывавшего в длительных загранкомандировках, начальника одного из ведущих управлений МВД и руководителя ключевого департамента Министерства

иностранных дел. Нго собственных знаний и жизненного опыта явно недоставало для того, чтобы веско и аргументированно отстаивать свою позицию, на равных «состязаться» с более старшими и уж, конечно, с более искушенными в политике людьми. Поэтому Орлов чаще молчал, а уж если говорил, то только в тех случаях, когда не сомневался в правильности своей позиции и был уверен в точности приводимых фактов и доводов.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 5.5.92 г., 18.45. Основпая опора: армия, промышленность, территории.

1) Доклад Президента — как основной программный документ но вопросам внутренней и внешней политики.

2) Считать, что основой в подготовке… является МВК…[9]

3) Создать СБ в соответствии с Законом и Положением о СБ — приступить к формированию СБ на основе Временного положения. Обеспечить начало функционирования СБ с 20.5.92 г.» *(Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 5 мая 1992 года).*

Так продолжалось до самой осени, пока работа тайной группы не была свернута в связи с созданием аппарата Совета безопасности. За это время Орлов успел несколько привыкнуть к «коридорам власти», неоднократно на бордовых дорожках попадались известные ему но телевизионному экрану деятели — министры, политики, журналисты, бизнесмены. Однажды, когда они вместе с Виталием Федоровичем из Службы внешней разведки курили неподалеку от дверей кабинета секретаря Совбеза, вдруг в конце коридора появился Скоков в сопровождении коренастого круглолицего генерала.

— Вот, познакомьтесь, — сказал, лукаво улыбаясь, Юрий Владимирович, — представляю вам нового министра обороны и генерала армии[10]. Только что Борис Николаевич подписал указ. Можете поздравить. Вы будете первыми.

Генерал недоумевающим взглядом уставился на Андрея и Виталия Федоровича, напряженно пытаясь понять или вспомнить, что за люди перед ним. И тот и другой были явно ему незнакомы. «Может быть, это новые советники Президента или какие-нибудь недавно назначенные высшие чиновники администрации?» — именно этот вопрос читался в глазах Грачева.

— Это эксперты Совета безопасности, Павел Сергеевич, — наконец разрешил недоумение генерала Скоков.

Оба «эксперта» пожали руку генералу и сказали что-то вроде

«поздравляем!» или «желаем удачи!», тоща еще не зная, сколько драматических и даже трагических событий будет связало с именем нового министра обороны Грачева.

— Теперь целую неделю руки мыть не будем! — пошутил тоща Орлов.

* * *

Опять резко зазвонил телефон. Орлов очнулся от воспоминаний, бросил взгляд на женщину-секретаря, что-то шепчущую в трубку, прикрываясь рукой, светловолосого «прикрепленного», продолжающего читать книгу, толстяка с газетой, сидящего напротив. Филатов все не приглашал в кабинет, видно занятый беседой с каким-то важным посетителем. Андрей взглянул на часы — было двадцать минут четвертого. Начало аудиенции явно затягивалось.

«Почему большие начальники не могут придерживаться назначенного времени? — подумал Орлов. — Или они считают нас всех мелкими сошками, удел которых ждать и догонять?»

Наверное, если бы сейчас кто-нибудь внимательно посмотрел на Орлова, то заметил бы на его лице, кроме легких признаков волнения, досаду и нетерпение. Причем, чем дальше шло время ожидания, тем более явным становилось проявление этих чувств. С ним происходило то, что в обиходе называется «перегореть». Вместо волнующего предощущения важного для его жизни события Андрей все больше ощущал растущее раздражение, которое путало мысли и перемешивало заранее сконструированные ответы, которые он намеревался дать на возможные вопросы руководителя администрации.

Орлов опустил взгляд на разворот яркого журнала, который все еще держал в руках. Броская реклама нива — покрытая капельками росы кружка, наполненная доверху янтарного цвета напитком, ниспадающие белые хлопья иены, искусственные белозубые улыбки парней, для которых, кажется, употребление пива является единственным занятием и настоящим смыслом жизни, — все это только усиливало раздражение Орлова. Он закрыл журнал, отодвинул его на середину стола. Тучный посетитель, сидящий напротив, поднял глаза на Андрея, окинул его безразличным взглядом и опять погрузился в чтение газеты. Прерванные было воспоминания о работе со Скоковым снова всплыли в памяти.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 13.5.92 г., План: — до Пн. — концепция (принципы строительства…).

в Повестку дня:

— вопрос о границе;

— вопрос о гостайне;

— о налоговой службе;

— выработка правил поведения на территории экономически единого пространства и санкций за их нарушение;

— основные принципы внешней и внутренней политики;

— система жизнеобеспечения государства» ***(Из рабочего блокнота Л.П. Орлова. Запись 13 мая 1992 года).***

Из той засекреченной рабочей группы почти все перешли на работу начальниками управлений в аппарат Совета безопасности и только Виталий Федорович с Андреем остались в своих ведомствах — первый потому, что отказался променять службу в разведке на чиновничий кабинет, а второй… Второму просто не предложили перейти в Совбез[11]. И это было не случайно.

В один из поздних июльских вечеров, когда все уже изрядно устали от бесконечных обсуждений, Скоков вдруг, откинувшись в кресле, стоящем в торце длинного стола для заседаний, сказал:

— Вот мы говорим: «национальная безопасность»… «безопасность внешняя», «военная», «внутренняя», «экологическая»…

Перечисляем угрозы безопасности России… Все это верно… Но вот первое послание Президента, которое мы должны с вами сделать… Какая генеральная идея должна быть в нем? Каков должен быть стратегический курс государства? Вот — главные вопросы. Все остальные — производные от них. Двадцать третьего, в четверг, прошу каждого из вас подготовить тезисы по этим вопросам. Понятно? Каждый подумайте, что должно консолидировать наше общество? Какая идея должна лечь в основу этой консолидации? Докладывать будете мне лично на следующем совещании!

Было видно, что Скокова эти проблемы действительно очень заботили. Все, чем занималась группа в преддверии формирования Совета безопасности, лишь частично помогало ему в выстраивании собственной политической линии влияния на Президента, вокруг которого с некоторых пор буквально «вились» невежественные и нахрапистые советчики, обеспокоенные только одним — упрочением своего собственного влияния. Те, что год назад назывались соратниками Президента в борьбе за демократию и вместе с ним «защищали» Белый дом, к этому времени стали его близким окружением, обладающим реальными рычагами управления некогда могучего государства.

Это было время, когда в структурах власти стали появляться

личности, которые, дорвавшись до источников народного достояния, созданного предшествующими поколениями, будь то нефть, газ, уголь, оборонные заводы, лаборатории или конструкторские бюро, буквально впивались в жизненную плоть страны. Растаскивание по личным карманам государственных ресурсов, которые создавались веками, превращало страну в гигантский пирог, который, расталкивая друг друга, можно было делить, резать на куски, кромсать на мелкие части. Вместо роста благосостояния и повышения уровня жизни народа, которые сулили «прорабы перестройки» и «борцы против тоталитарного режима», страна вползала в самую дремучую плутократию, где кучка нуворишей уже готова была распоряжаться всем богатством бывшего СССР, да что богатством, — миллионами жизней граждан многонационального государства.

Скоков, прошедший трудную школу организатора оборонного производства и прикладной науки, возглавлявший некогда крупнейшее в Москве научно-производственное объединение «Квант», не мог не видеть масштабов того развала, который происходил в стране. Оказавшись на кремлевском Олимпе и став, но сути дела, одной из ключевых фигур, влияющих на Президента, он пытался остановить процесс деградации, все больше и больше входя в конфликт с некоторыми фигурами из президентского окружения.

Давая поручение подготовить каждому свое видение стратегического курса страны, Юрий Владимирович, наверное, хотел сверить свои взгляды с млением компетентных представителей «силового» и внешнеполитического блока, а может быть, и «нащупать» тот единственно верный путь, которым должно выбираться из трясины Российское государство.

— Ничего себе задачка! — только и сказал, выходя из кабинета Скокова, Виталий Федорович. — Ни много ни мало, «стратегический курс страны»!

Остальные только безнадежно вздохнули. Ведь всем приходилось напрягаться, невзирая на то, что на службе у каждого была масса дел, за всеми стояли большие коллективы сотрудников, и каждый нес ответственность перед своим собственным руководством. Тем не менее Орлов даже с некоторым воодушевлением воспринял поручение Скокова. Наконец-то он мог как-то проявить себя, показать на что он способен, попытаться убедить других в правильности именно своей точки зрения. Впрочем, когда Андрей на следующий день начал работать над тезисами, он вдруг убедился, что ему самому далеко не ясно, какие же позиции являются принципиальными и наиболее важными. Сначала он перечитал груду бумаг —

различных документов, докладов, сводок, каких-то записок. Даже полистал газеты. Но это практически ни на йоту не продвинуло его к цели. Каждый дул в свою дудку. Гайдар[12] боготворил либерализацию цен и приватизацию государственной собственности, которые загоняли страну в нищету; Бурбулис[13], нагромождая одну фразу на другую, твердил о какой-то «особой российской ментальности»; Руцкой[14] с прямотой старого вояки выступал за возвращение госзаказа; Хасбулатов[15], во всем обвиняя правительство и Президента, призывал к созданию парламентской республики. Что-то толковое предлагал Вольский[16], но в короткое время Андрей так и не смог найти материалы с их выступлениями. В общем, надо было думать самому.

Орлов корпел над текстом тезисов сам, никого не посвящая в эту работу. Он поступал так не только потому, что получил указание Баранникова ни с кем не делиться услышанным в Кремле, но и из-за тот, что не хотел никого втягивать в это немного странное занятие, чтобы не «подставить» кого-либо из подчиненных, если его позиция будет воспринята в Кремле как ошибочная или вредная.

Всю неделю он приезжал домой не раньше одиннадцати. Вконец измотанный за день круговертью дел и вечерними бденьями за подготовкой тезисов, Андрей успевал лишь поцеловать жену и мигом проваливался в тяжелый и беспокойный сон, который почему-то не снимал общей усталости. А на утро, наскоро позавтракав, он спускался вниз, где его уже ждала дежурная «Волга», и мчался на службу, чтобы успеть ознакомиться с шифртелеграммами, поставить задачи перед начальниками отделов, подготовиться к очередному совещанию у первого заместителя министра или начальника управления.

Он успел сделать все, что хотел, и, когда из-под матричного принтера, наполняющего кабинет монотонным скрежетанием, медленно выползли друг за другом четыре листа, ощутил подлинное удовлетворение. Текст получился компактным, но, как казалось Орлову, достаточно емким. Сначала он в нескольких строках дал сжатую оценку геополитической ситуации и социально-политической обстановки, отмстив при этом, что «кризис достиг наивысшего предела, за которым — необратимые процессы распада основ государственности и утрата национального суверенитета России». Затем он попытался сформулировать главную стратегическую задачу — «восстановление стабильности в государстве и обществе, возвращение гражданам России чувства уверенности в завтрашнем дне». Для этого, считал Орлов, «требуется

кардинальная переориентация целевых установок органов власти и управления».

ИНФОРМАЦИЯ: «Для меня это было чрезвычайно трудное задание. Нет, не потому, что был явный дефицит времени. Работать в экстремальном режиме я привык. Трудность заключалась в том, чтобы, с одной стороны, четко сформулировать свои предложения, ни с кем не советуясь и опираясь на собственное понимание обстановки, а с другой — не выглядеть ретроградом и противником демократических преобразований. В противном случае это могло мне стоить не только должности, но и самого нахождения на службе в органах…» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

На следующий вечер, когда рабочая группа снова собралась в Кремле, Орлова охватило лихорадочное возбуждение. Интуитивно он чувствовал, что сегодня должно произойти что-то серьезное, очень важное для него. Это не было ощущением студента перед экзаменом или соискателя ученой степени перед защитой диссертации. Нет, скорее всего, это напоминало состояние человека, решившегося на безрассудный и отчаянный поступок, после которого, как говорят, или грудь в крестах или голова в кустах. Андрей сознавал, что подготовленные им предложения, как бы это помягче сказать, не совсем в дугу. Они явно расходились с тем, что говорилось высшими должностными лицами государства, за что ратовали «Гайдары» и к чему призывали «демократические СМИ». Надежда была только на самого Скокова, который, как казалось Андрею, очень болезненно переживал углубляющийся развал народного хозяйства и, особенно, оборонного комплекса, человека разумного и явно небезразличного к интересам государства.

— Ну что, как домашнее задание? — слегка улыбнувшись, спросил Скоков. — Начнем? Кто готов первым?

В кабинете повисла напряженная тишина. Казалось, никто не хочет начинать трудный разговор. Первым нарушил тишину представитель МИДа:

— Юрий Владимирович, я думаю… вот тут я написал… главной стратегической целью России на сегодняшнем этапе… Я могу говорить только о внешнеполитическом аспекте проблемы…

Скоков одобряюще кивнул.

— Так вот, — продолжал дипломат, — стратегической целью России на международной арене должна стать сбалансированная внешняя политика, позволяющая…

Он говорил, как всегда, медлительно-плавно, весомо, выразительно и даже немного высокопарно, как будто делал сообщение на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Перебить или остановить такое выступление было просто невозможно, если не сказать больше — неприлично. Поэтому Скоков, видимо соглашаясь с тезисами, кивал, а у сидевших за столом появилась надежда на то, что этим выступлением все и ограничится.

После того как дипломат закончил свою пространную речь, они еще несколько минут пообсуждали внешнеполитические аспекты российской политики, после чего Скоков все-таки спросил:

— Ну а по поводу стратегического курса страны кто-нибудь что-то скажет?

Наступило продолжительное молчание, как это бывало когда-то на уроках в школе. Учитель водит пальцем по журналу и говорит: «Так, сейчас к доске пойдет… К доске пойдет…» В этот момент класс замирал. Так было и здесь, в кабинете Скокова. Орлов понял, что настал его черед. Он отбросил малодушную надежду отмолчаться и в этот раз.

«А, была не была!» — промелькнуло в голове у Андрея. — Можно мне, Юрий Владимирович?

— Пожалуйста, — Скоков с удивлением посмотрел на доселе чаще молчавшего Орлова. Видно было, что от него-то Юрий Владимирович не ожидал такой активности.

— Первая часть послания Президента, — начал Орлов, встав со стула и заглядывая в лежащие на столе листы бумаги, — должна содержать…

Он принялся кратко излагать оценку ситуации. Но Скоков тут же остановил ею:

— Нет; нет. Давайте сразу предложения.

— Хорошо… — Андрей как-то немного стушевался, перевернул лист и стал продолжать, сначала как-то неуверенно, а затем все более решительно и настойчиво. Было заметно, что он слегка волнуется.

— Предлагается принять программу социально-политической стабилизации…

При этих словах Орлов заметил, что Скоков слегка поморщился. Наверное, Юрию Владимировичу не очень понравилось броское название, которое Андрею казалось удачной находкой, пришедшей ему на ум глубокой ночью.

— … При этом, — продолжал он, — главными средствами достижения стабильности являются: гражданское согласие, консолидация активных сил общества на основе экономических преобразований и восстановление управляемости процессами

жизнедеятельности государства.

Скоков слушал внимательно, но пальцы его правой руки как-то совершенно беззвучно забарабанили по столу. «Не нравится», — с огорчением подумал Орлов, но продолжал излагать заранее подготовленные тезисы.

— Достижение гражданского согласия возможно только на основе взаимных компромиссов со стороны государственной власти и всех активных политических сил общества, равноправного диалога партнеров, а не политических противников. Это потребует…

— Подождите, Андрей Нетрович, — вдруг перебил Орлова Скоков. — Что вы говорите? Каких «партнеров»? Вы что, не знаете, что происходит? Что противостояние между законодательной и ис-полнителыюй властью достигло такого… — Чувствовалось, что он даже не может сразу подобрать нужного слова. —.. Вы же знаете все дестабилизирующие факторы! Одни желают реванша, другие готовы расшатывать государственный корабль до тех пор, пока он не развалится, третьи — поливают и тех и других ушатами грязи… А в это время Вольский и группирующиеся вокруг него люди готовят реальную альтернативу Президенту, С кем согласие?

Орлов не ожидал такого резкого отпора своей позиции, сначала с некоторым смущением молчал, слушая Скокова, а затем продолжил гнуть свою линию.

— Но, Юрий Владимирович, я считаю… Это мое мнение… Власть сегодня должна отказаться от противоборства с теми, кто не разделяет форм и методов осуществления экономической и политической реформ… Мы ведь сами понимаем, что реформами все то, что происходит, можно назвать только с большой натяжкой!

В кабинете воцарилась напряженная тишина. Произнесенные Орловым слова были столь прямолинейны, если не сказать, крамольны, что ставили в неловкое положение всех и, прежде всего, самого Скокова. Как один из самых близких к Президенту людей, выступающих за реализацию демократических реформ, он был просто обязан среагировать на пассаж Андрея. В противном случае, можно было предположить, что он разделяет эту точку зрения, явно противоречащую заявлениям государственного руководства.

Но Скоков промолчал. На лице его было написано явное напряжение, готовность в любую минуту остановить зарвавшегося члена рабочей группы, позволившего в святая святых — стенах президентского корпуса Кремля — ставить под сомнение правильность избранного курса реформ. Собственно говоря, это

была явным нонсенсом — в структуре, которая должна была разрабатывать мероприятия по поддержке продекларированных преобразований, зазвучали слова, в достаточно явной форме критикующие эту линию. Да и из чьих уст? Ладно бы высокого должностного лица или авторитетного политолога, к мнению которых можно было бы прислушаться или, но крайней мере, точку зрения которых следовало бы учесть. А тут — сотрудник Министерства безопасности!

И, тем не менее, Скоков продолжал молча слушать.

— Я считаю, что в Послании Президента должно быть объявлено, что в ближайшее время будет сформировано «правительство гражданского согласия» из числа пользующихся народным доверием политиков, видных хозяйственников, крупных бизнесменов, авторитетных представителей армии и правоохранительных органов, признанных деятелей науки и культуры…

— Все, все! Хватит! — Было видно, что терпению Скокова пришел конец. — Садитесь!

Он сделал жест рукой, побуждающий Орлова прекратить дальнейшее изложение своей позиции и показывающий, что больше он не хочет даже слушать, что говорит Андрей.

— Но, Юрий Владимирович, — Орлов попытался продолжить, еще не осознавая в полной мере, что его не желают дослушать до конца. — Я…

— Прошу вас, садитесь, — как-то враждебно произнес Скоков, не глядя на Орлова, и, обратившись к остальным присутствующим, холодно спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Андрей ощутил почему-то жгучее чувство стыда и горечи. Нет, это было не сожаление о том, что его рассуждения оказались не поддержанными Скоковым и вызвали у него раздражение. И дело было даже не в том, что Орлов вдруг отчетливо понял бесперспективность своей дальнейшей работы в группе. Со своими взглядами он вряд ли мог рассчитывать на понимание властей предержащих и их окружения. Его угнетало другое. Андрей всегда боялся оказаться несостоятельным, несоответствующим тем ожиданиям, которые связывались с результатами его труда. «Не оправдать доверия» — было для него не просто стыдно, а позорно. Болезненное самолюбие требовало неизменного признания его способностей, а тщательно скрываемое им чувство тщеславия требовало постоянного удовлетворения.

Свои предложения формулировал уже кто-то другой, а Орлов все стоял, держа в руке теперь уже совсем никчемные листки.

— Что вы стоите? Садитесь! Вас мы уже послушали! — Скоков теперь уже не безразлично, а явно раздраженно посмотрел на Андрея.

У Орлова появилось спонтанное желание тотчас уйти из этого кремлевского кабинета, плюнуть на вес эти бесконечные словопрения, недомолвки, намеки, досужие рассуждения, которые вряд ли могли привести к чему-либо путному. Но, естественно, сделать он этого не мог, и оставшееся время сидел не проронив ни слова.

> **ИНФОРМАЦИЯ: «Это было мое полное поражение. По существу, я впервые получил резкую отповедь своим взглядам на столь высоком уровне. Все мои мучительные размышления о том, что надо предпринять, чтобы страна не скатилась в пропасть, были резко отвергнуты. Я был не только посрамлен, но и уличен в невежестве, неспособности мыслить новыми категориями. Такого удара по самолюбию я не получал никогда ранее!»** ***(Из воспоминаний А.И. Орлова).***

Тем временем Юрий Владимирович перешел к формулированию собственного понимания стратегических целей государства. Видимо, не дождавшись от участников беседы каких-либо заслуживающих внимания предложений, он стал развивать свою позицию.

— Нам в России, безусловно, нужна сильная президентская власть. Только она может привести к построению подлинно демократического государства. Но реальность такова, что нам надо считаться с теми, кто против сильной власти Президента. Верховный Совет не воспринимает эту идею и всячески будет препятствовать ее реализации. И здесь самое главное — на чем консолидировать общество? Что должно объединить всех? Я думаю, только одно может объединить интересы всех — собственность!

Сказав это, Скоков обвел всех долгим испытующим взглядом, как бы пытаясь убедиться в полной поддержке сидящих за столом. Кто-то одобрительно кивал, кто-то внимательно смотрел на Секретаря Совета безопасности, всем своим видом демонстрируя благоговейное согласие с его высказываниями. И только Виталий Федорович с Андреем уткнулись в свои бумаги, по-видимому, не желая встречаться глазами со Скоковым.

— Всем должно быть ясно: какой у нас будет создал собственник — такой будет и власть. Это должно красной нитью проходить через вес Президентское Послание. Согласны? — Он

сделал паузу В ответ не раздалось ни слова. — Тогда давайте поговорим о структуре Послания…

В тот вечер они разошлись очень поздно, ближе к полуночи. Мидовец и начальник управления МВД сразу уехали на своих персональных машинах, а Орлов вместе с Виталием Федоровичем устало пошли к ожидавшим их на Васильевском спуске дежурным «Волгам» — каждой от своего ведомства. На подходе к Спасской башне опытный разведчик остановился и, взяв Андрея за локоть, сказал:

— Не переживайте, Андрей Нетрович. Я с вами полностью согласен. У них, видите, как — сейчас на первом месте собственность…

— Но, Виталий Федорович, скажите, как собственность может консолидировать общество? Да она, наоборот, его разъединит! Эго известно еще с древности! Ведь недаром люди во все века стремились к социальной справедливости! Имущественное расслоение — это как раз путь к обострению противоречий, основа для будущих…

— Не обижайтесь на Скокова. Он вынужден так говорить…

Проем в стене, через который, как правило, проходят все посетители, прибывающие но служебным делам, был уже закрыт, и они вышли из Кремля прямо через арку в Спасской башне, предъявив охране свои удостоверения.

* * *

Воспоминания о событиях более чем полугодовой давности отвлекли Орлова от происходящего в приемной Филатова. Прошло уже почти полчаса после оговоренного срока встречи с руководителем Администрации Президента, но Андрея Нетровича все не приглашали в кабинет. Напротив, за столом толстячок по-прежнему увлеченно читал газету. Рядом с входной дверью, все так же углубившись в книгу, сидел «прикрепленный». Секретарша решительно «отбивала» звонки, отсылая абонентов, одного за другим, то к замам или начальникам управлений, то на последующие дни, то, вообще отвечая, что обращение пе по адресу.

Вдруг дверь кабинета распахнулась, и из него вышел невысокий человек с «гуцульскими» усами.

«Шахрай»[17], — узнал Орлов начальника Государственно-правового управления, одного из самых активных радикальных демократов, которого не раз видел в дни августовских событий и после, когда он приходил к Иваненко, председателю Российского

КГБ, тогдашнему шефу Андрея.

Тот, не глядя на окружающих, быстрым шагом направился к двери и только перед тем, как распахнуть ее, обернулся, окинул безразличным взглядом приемную и, кажется, едва заметно кивнул сидящим за столом. Сразу после этого у секретаря раздался протяжный резкий звонок, та сняла трубку и тут же, повернувшись к Орлову, сказала:

— Заходите!

Когда Орлов открыл вторую дверь и попал из небольшого тамбура в кабинет, он увидел знакомого по программам теленовостей седовласого человека, сидящего за письменным столом. Он внимательно, не отрывая глаз, читал какой-то документ. Орлову даже показалось, что он не заметил прихода нового человека. Во всяком случае, Филатов, а это был именно он — руководитель Администрации Президента, не обратил никакого внимания на Орлова. Так продолжалось по меньшей мере около минуты. И чем дальше Андрей стоял неприкаянно около двери, не решаясь сделать шаг в сторону высокого начальника, тем большее чувство неловкости охватывало его.

Наконец Филатов, как бы спохватившись, оторвался от чтения документа, поднялся с кресла.

— Здравствуйте, — с едва заметной хрипотцой в голосе произнес Филатов. Он вышел из-за стола к сделавшему несколько шагов ему навстречу Андрею и, протянув руку, еще раз повторил: — Здравствуйте.

Руководитель администрации испытующим взглядом посмотрел на Орлова, затем, как бы приглашая cm присесть, кивнул на квадратный приставной столик, а сам снова вернулся на свое место и уселся в кресло.

Вблизи Филатов оказался более простым и располагающим к себе, чем на экране телевизора. Еще совсем недавно он постоянно мелькал на заседаниях Верховного Совета, каких-то официальных встречах, сидел в президиумах, беседовал с журналистами. Тогда он казался Андрею похожим на вузовского преподавателя, неожиданно для себя ставшего партийным функционером, и ассоциировался с шумным и многоголосым депутатским корпусом. Но последующее назначение Филатова руководителем администрации вместо Юрия Владимировича Нетрова[18], давнего ельцинского товарища, против которого ополчилась «новая демократическая команда», вводило бывшего заместителя руководителя парламента в самый ближний круг первого лица страны.

Лицу Филатова несомненное благородство придавала седая шевелюра, с уже явно обозначившимися залысинами на лбу. Его

нисколько не портил удлиненный, крупный нос и мелкие морщинки, собравшиеся в углах глаз. Открытый и широкий лоб, живые и внимательные глаза, доброжелательная улыбка — все это сразу же вызвало симпатию у Орлова.

— Андрей… — начал было Филатов и замялся, видно забыв отчество сидящего перед ним человека. Он даже начал шарить по столу рукой, пытаясь найти нужную бумажку, на которой были записаны данные Орлова, но Андрей опередит его.

— Андрей Нетрович, — помог Орлов.

— Ну, да. Мне, Андрей Нетрович, вас порекомендовал Сергей Вадимович… — Филатов упомянул известного председателя парламентского комитета по обороне и безопасности. — Степашин[19] сказал, что вы справитесь… с той работой, которую здесь надо разворачивать. Серёжа сказал мне про вас: «Это мой человек, можете доверять ему, как мне». Не подведете? Вы юрист?

— Нет, Сергей Александрович, я — историк. Но я прошел курсы контрразведки…

— Это я понимаю. А сейчас чем вы занимаетесь?

— Я — заместитель начальника Оперативного управления. Эго — своего рода штабная работа — планы всякие, докладные записки на имя Президента, взаимодействие с органами государственной власти, контроль за положением дел на территории… межведомственные мероприятия… Наше управление проводит…

Несмотря на то что лицо Филатова демонстрировало внимание, было заметно, что его мало интересуют дела Орлова в Министерстве безопасности. В глазах Сергея Александровича едва прочитывалось какое-то затаенное беспокойство, которое он не хотел или не считал возможным пока высказывать незнакомому человеку. Он терпеливо дослушал Орлова, пока тот рассказывал ему о своей работе, а потом прямо спросил:

— А как Баранников относится к предложению работать вам в администрации?

Этого Орлов не знал. Ему просто сказали, что министр был не против того, чтобы прикомандировать Орлова к администрации. Но что Андрей знал точно, так это то, что инициатива исходила не от Баранникова, который с подозрением и даже недоверием относился к сотрудникам своего предшественника на посту руководителя Российского комитета.

Орлов понимал, что за приглашением работать у Филатова стоит какая-то большая игра, в суть которой его пока не сочли возможным посвятить. Он осознавал лишь, что неизбежно оказывается меж двух огней — между двумя очень влиятельными фигурами в окружении Президента, фигурами противоречивыми,

которых объединяет только одно — стремление укрепить свое влияние на Ельцина, а следовательно — оттеснить конкурента. А то, что Орлов был сотрудником службы безопасности, придавало его положению нечто особенное, выделяющее его из множества других работников Администрации Президента.

> **ИНФОРМАЦИЯ: «Я тоща и представить себе не мог, насколько трудной окажется для меня работа в администрации. Прослужив в органах безопасности более десяти лет и уже имея опыт руководящей работы, я рассчитывал, что смогу быстро адаптироваться к новым условиям. Но обрушившиеся на меня „деликатные“ поручения Филатова и указания Баранникова опрокинули мои представления. Правда, именно с этих дней круг моего общения в Министерстве безопасности резко сузился, но при этом повысился в статусе. Начиная с 1993 года я, как правило, докладывал все вопросы лично первым руководителям ведомства — Баранникову, Голушко[20], Степашину, Барсукову[21], Ковалеву[22]…» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.**

Несмотря на то, что с Андреем было проведено несколько предварительных бесед, он так до конца и не понимал, зачем он нужен Филатову Не являясь доверенным лицом Баранникова на Старой площади, он вместе с тем оставался сотрудником спецслужбы и от нет могли в любое время потребовать исполнения каких-либо поручений министра. Если Филатов в борьбе за влияние на Президента хотел иметь свой собственный, независимый от Баранникова источник информации из Министерства безопасности, то он очень ошибался — в таких условиях Орлов не смог бы сделать и шагу, чтобы не подвергнуть себя риску быть уличенным в двойной игре. Если же Баранников, «отдавая» Орлова Филатову, рассчитывал, что тот станет его информатором в окружении своего конкурента, то он ошибался тоже — Орлов по своему характеру не был способен стать банальным стукачом.

Во всяком случае, вопрос Филатова о том, как Баранников отнесся к переходу Орлова на работу в Администрацию Президента, не был для Андрея неожиданным. Но ответить на него внятно Орлов, тем не менее, не мог. Поэтому он только односложно сказал:

— Не знаю, Сергей Александрович.

— Хорошо. Теперь давайте поговорим о том, что вы должны будете делать здесь. Перед вами стоит очень важная задача.

Первое— это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет ни в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь сеть люди, которые передают служебные сведения на сторону… Или просто их продают…

Когда Орлов вышел из кабинета Филатова, толстячок все также сидел за круглым столом с вазой и лениво читал газету, «прикрепленный» замер, уткнувшись в книгу, а секретарь продолжала свой бесконечный телефонный разговор с потенциальными посетителями. С того момента, как Андрей вошел в кабинет Руководителя Администрации Президента, прошло всего лишь двадцать пять минут. Но за это время в судьбе подполковника Министерства безопасности Орлова произошел очередной крутой поворот, определивший ему свое место в драматических событиях 1993 года.

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Рублево-Успенское шоссе.
Бывшая дача ЦК КПСС

— Господа, мы не должны упустить шанс получить пятьсот миллионов баксов. Это было бы просто глупо! Если уж сам Джохар сказал мне, что готов принять эту африканскую обезьяну!

— Он сказал это тебе в прошлом году!

— Какая разница, Боря? Что, в этом году заложников стало меньше? Вот, наш друг Раджаб, человек знающий, подтвердит…

Сидевший в кресле маленький, коренастый мужчина с восточными чертами лица в затемненных очках в металлической оправе еле заметно кивнул.

— Риска никакого! Пятьдесят процентов нам, пятьдесят — им! Африканец этот потом еще отвалит… У него денег немерено! Наш друг, этот бригадефюрер, сказал, что речь идет не менее чем о шестнадцати миллиардах! Игра стоит свеч, господа! В результате проведения операции мы можем получить такой канал финансирования для нашего движения, что… Тогда жидам-демократам и партократам-большевикам придет каюк! Тогда пробьет наш час и наступит «русское время»!

Столь откровенно нацистская тирада в устах молодого человека, вальяжно развалившегося в глубоком кожаном кресле, выглядела несколько странной. Да и сам вид его явно диссонировал с тем, что он говорил. Элегантный импортный костюм, белая рубашка с галстуком, аккуратная короткая стрижка, поблескивающая золотом печатка-перстень на правой руке, наручные часы с изящным браслетом — все это выдавало в нем скорее преуспевающего бизнесмена, нежели «пламенного борца за свободу» или политика с ультраправыми взглядами.

В большом зале старого цековского особняка находилось пятеро — только что настойчиво выступающий за проведение какой-то «операции» парень, которого все называли Григорием; лысый таджик в темных очках по имени Раджаб; Борис, высокий седовласый мужчина с простецким лицом, в отличие от остальных без галстука, в темно-синей водолазке под пиджаком. Двое других были явно вместе, правда, один, безликий человек в дорогом, ладно сидящем костюме, был, скорее всего, старшим по положению, «боссом», а второй — его помощником или охранником, а может быть, и тем и другим.

Двери гостиной были плотно прикрыты, как, впрочем, и окна, за которыми раскачивались голые ветки деревьев. Здесь за городом было ветрено и совершенно не чувствовалось

наступление весны.

Обстановка в комнате была, несомненно, старой и вызывающе помпезной — массивный книжный шкаф с секретером, за поблескивающими стеклами которого виднелись корешки полных собраний сочинений классиков, энциклопедических справочников и толстых альбомов с художественными репродукциями; громоздкий кожаный диван и несколько таких же кожаных кресел, произвольно стоящих вокруг стола, устланного тяжелой скатертью, испещренной тонким узором; большая мебельная горка с дорогой фарфоровой и хрустальной посудой. Над столом висела тяжелая пятирожковая люстра из темного металла, напоминающего бронзу. Пол же был устлан громадным, во всю ширину помещения, ковром, бледным и слегка потертым в отдельных местах.

На стенах висели картины в толстых, потерявших золотой блеск, багетовых рамах. Сюжеты с горными пейзажами и романтическими замками не оставляли сомнения в том, что это — картины немецкой школы мастеров XV–XVI веков или, но крайней мере, их хорошие копии. Все это придавало казенному помещению довольно интеллигентный вид, однако никоим образом не свидетельствовало об интеллигентности его обитателей.

— Вот ты, Григорий, предлагаешь взять бабки у этого африканца. А как ты объяснишь, ёханый бабай, своим людям, что русские националисты, защитники русского народа от засилья всяких там… — человек в водолазке сделал неопределенный жест рукой и брезгливо сморщил нос, — от них же и получают бабки на нужды своего движения?

— Да поймите же вы, политические лозунги — это одно, а реальная практика, борьба — совсем другое. Я усвоил это еще когда проходил основы марксизма-ленинизма. Для достижения целей нашей организации любые средства хороши. Сейчас всякий, кто нам даст «капусту» или окажет какую другую услугу — наш друг. Потому, что он помогает нам прийти к власти. И только тогда, когда мы будем сидеть не здесь, в этом провонявшем старьем сарае, а в Кремле и на Старой площади… только тогда мы откажемся от подачек всяких там африканцев или азиатов!

Выпалив все это, Григорий смутился. Он только тут вспомнил о Раджабе, сидящем напротив. Таджику вряд ли могли понравиться столь откровенные высказывания молодого человека, явно свидетельствующие о лицемерии собеседника и его людей. Но тот продолжал сидеть как ни в чем не бывало. Лицо таджика оставалось невозмутимым, и даже черные брови, придающие его

облику жесткое выражение, не шелохнулись. Он как будто и не слышал того, что сказал Григорий.

— Боря, сегодня главная задача — не упустить шанс и посадить наших людей на ключевые посты. Кто нам в этом поможет — спасибо! Мы их не забудем! Кто поможет деньгами — тоже спасибо, они вернут свое потом, когда мы станем сильными. И не только вернут, но и получат хороший навар! Это же рынок! Я правильно говорю, Михаил Юрьевич?

Он повернул голову в сторону «босса». Тот среагировал сразу же:

— Борис, вы не во всем правы! Я не разделяю радикальные идеи нашего молодого коллеги… — Михаил Юрьевич строго посмотрел на Григория, — и все-таки я абсолютно согласен с ним, что для приобретения необходимых рычагов влияния нам надо использовать все средства. И, конечно же, поменьше шума, трескотни, воплей… Мы же не на улице среди этот быдла, которое возомнило себя народом! Мы умные люди и должны действовать с умом! Впервые история распорядилась так, что к власти могут прийти талантливые, способные, предприимчивые люди. Их уже и так немало в бывших цековских кабинетах. Но — это так называемая первая волна радикальных демократов. Они, прямо скажем, в большинстве своем оказались не готовыми управлять этой страной. Новые кухарки! Да это и попятно! Одно дело — выступать против режима, защищать Белый дом от танков, громить символы тоталитаризма, и совсем другое — взять на себя руководство целыми отраслями производства, армией, правоохранительными органами… Здесь уже нужны другие люди! Со знаниями, опытом…

Это тирада была первой, которую услышали присутствующие из уст «босса». До сих пор он только молчал, внимательно наблюдая за перепалкой Григория с Борисом. Он говорил неторопливо, мягким голосом, чуть назидательно, как будто читал лекцию перед студенческой аудиторией. Все с благоговейным выражением смотрели на Михаила Юрьевича, демонстрируя ему своим видом глубокое почтение и уважение. А тот, нисколько не сомневаясь в подобной реакции, продолжал:

— Вот вы, Борис, говорите: не надо брать денег у этого африканца. Но почему? Если это поможет реализации ваших замыслов, то… простите, всякие там рассуждения о чистоте «русской идеи» остаются пшиком! Сначала надо добить коммунистическую гадину, укрепить позиции демократии в России, добиться того, чтобы собственность перешла в руки тех, кто может грамотно распорядиться ею, а потом уже рассуждать о национальных интересах и приоритетах!

Борис буквально внимал словам «босса», вежливо кивая и демонстрируя тем самым свое абсолютное согласие со словами Михаила Юрьевича. Он сидел скрестив на груди руки. На запястье одной из них красовались великолепные часы, скорее всего швейцарские.

— И даже, Борис, если вы со мной не согласны…

— Да что вы, Михаил Юрьевич! Я с вами полностью согласен! Я…

«Босс» хитро прищурился и погрозил ему пальцем:

— Не пытайтесь меня обмануть! Это невозможно! Ваши руки… — он еле заметно кивнул в сторону Бориса, — ваши руки выдают вас! Вы должны знать: если человек переплетает руки на груди — значит, он не согласен с собеседником!

Борис от неожиданности даже приоткрыл рот и туг же, будто спохватившись, убрал руки, неестественно наложив их перед собой на стол. То же самое проделал Григорий. И только Раджаб продолжал сидеть с невозмутимым видом. По лицу таджика нельзя было определить его отношение к словам Михаила Юрьевича. Оно оставалось непроницаемым на всем протяжении разговора. А руки он продолжал держать на коленях, ничем не выдавая своего состояния.

«Босс» даже рассмеялся от показавшейся ему, по-видимому, комичной сцены. Остальные тоже заулыбались, всем своим видом демонстрируя ему лояльность и уважение.

— Григорий, я надеюсь, ты пригласил меня не только для того, чтобы послушать вашу дискуссию на тему получения африканских инвестиций? — В голосе «босса» стали угадываться нотки раздражения. Но, видно, опыт общения с людьми и хорошее воспитание не позволяли ему открыто выразить свое неудовольствие. — А то, прямо скажу, у меня времени не так много. — Он взглянул на часы и добавил: — Ты говорил о каких-то бумагах…

«Босс» вопросительно посмотрел на молодого человека.

Григорий резко встал. На его лице отразилось некое подобие смущения. Чувствуя свою вину перед знатным гостем, он торопливо сказал:

— Конечно, Михаил Юрьевич, я пригласил вас не для того, чтобы вы слушали нашу с Борей перепалку! Я хотел вам показать… Я сейчас!

Григорий вышел из комнаты и через некоторое время появился в ней снова, держа в руках коричневую папку с завязками.

— Вот! Я хотел показать вам эти документы. Они из того сейфа… Я говорил вам. Помните?

«Босс» без особого интереса посмотрел на папку, как будто не понимая о каком таком сейфе говорит молодой человек.

— Это сейф со Старой площади. Мои ребята уволокли его еще тогда, когда мы несли охрану ЦК. Я же вам рассказывал об этом!

— Да, что-то припоминаю! — безразличным тоном проговорил Михаил Юрьевич.

— Вы же знаете: через некоторое время после путча всю цековскую охрану сменили. Мои парни стояли на каждом КПП. Конечно, коммунисты успели спрятать концы в воду… Да и эти… демократы, гам тоже неплохо поживились. Но нам все-таки удалось кое-что вывезти. Пока нас не турнули оттуда, сволочи! Мы уже…

— Я знаю, Григорий, ты мне говорил об этом. Правда, не рассказывал, что вам удалось «уволочь» сейф. А что в нем оказалось? Какие-нибудь тайные планы коммунистов или, может быть, «золото партии»?

«Босс» иронично посмотрел на Григория.

— Михаил Юрьевич, вы зря насмехаетесь! Кое-что интересное мы там обнаружили. Вот я вам и хочу показать…

— Что же? — Глаза «босса» сделались серьезными. Он перевел взгляд с лица Григория на папку, которую тот держал в руках. Это была довольно толстая панка с туго завязанными на бантик боковыми створками, оклеенная коричневым дерматином. Сверху черным тиснением выделялось: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Посередине папки белела наклейка с надписью, сделанной от руки темным фломастером и указывающей на тематику документов или материалов, хранившихся в ней. В глаза бросались два слова, исполненные в отличие от остального текста ярко-красным фломастером: «Сов. секретно».

— Вот, смотрите! — Григорий стал суетливо развязывать тесемки. Это ему удалось не сразу. Одна завязка долго не поддавалась — видно, затянулась на узелок, но когда и с ней ему удалось справиться, папка была раскрыта и на стол выпала пачка документов, сколотых между собой большой фигурной скрепкой, — квитанций, чеков, банковских счетов, договоров, каких-то списков с аккуратно выведенными цифрами со многими нулями.

— Мы, конечно, уже разобрались кос в чем, но, Михаил Юрьевич, без вас мы не сможем вытянуть из некоторых европейских банков…

— Подождите, Григорий! — «Босс» стал внимательно рассматривать содержимое папки. Чем дольше он перебирал

листки, тем серьезнее становилось его лицо. Более того, у него на щеках появился едва заметный румянец — явное свидетельство нахлынувшего волнения. От иронично-назидательного выражения лица не осталось и следа.

— Там… вы посмотрите… есть один контракт… — Григорий попытался привлечь внимание Михаила Юрьевича к одному из документов, но тот, не отрываясь, просматривал один за другим сколотые скрепкой счета, как будто это были не сухие платежные документы, а страницы увлекательною романа или повести.

— Да, да, — рассеянно проговорил «босс» и, будто очнувшись, оторвал взгляд от бумаг и серьезно посмотрел на Григория. — А… вы понимаете, что это такое? Вы оце… оцениваете, что оказалось у вас в руках?

Было видно, что Михаил Юрьевич буквально потрясен тем, что увидел. У него даже едва заметно стала подергиваться левая щека.

«Разнервничался старик! — с удовлетворением подумал Григорий. — А то все поучает, да надсмехается! Пусть знает, что мы тоже не лыком шиты!» Но вслух он произнес только одно:

— Видите, Михаил Юрьевич, с нами можно иметь дело! Мы можем быть равноправными партнерами. Потому, что у нас имеется информация! А это — самое главное в вашем деле. Ведь эти бумаги действительно очень ценные. Не зря же из-за них выбросились из окон один за другим два больших цековских начальника!

«Босс» еще раз посмотрел на кипу документов, потом перевел взгляд на сидящих за столом Бориса и Раджаба. Оба, за время, пока Михаил Юрьевич рассматривал бумаги, а Григорий пытался при этом привлечь его внимание к наиболее важным документам, не проронили іш слова, хотя по выражениям их лиц было видно, что они внимательно наблюдали за происходящей на их глазах сценой.

Поняв вопросительный взгляд «босса», Григорий ответил:

— Я же с самого начала вам сказал, что эти ребята — мои хорошие друзья. Надежные и… — Он хотел подобрать какое-то слово, но, не найдя его, продолжил: — В общем, я им доверяю. Раджаб еще в Таджикистане помогал нам, а Борис… Без Бориса мы бы не получили эту папку. Он с самого начала, как только прогнали коммунистов из зданий ЦК, стал моим помощником. Это ему удалось скоммуниздить этот сейф!

Па лице Григория засияла улыбка. Видно, ему самому понравилось, как к месту он употребил этот глагол. Он даже повторил его еще раз:

— Это Боря скоммуниздил у коммунистов сейф!

Однако словесный каламбур не произвел на «босса» никакого впечатления. Он продолжал внимательно рассматривать бумаги, как будто боялся, что их вырвут у него из рук и унесут в другую комнату.

— Михаил Юрьевич, я предлагаю обсудить наши совместные действия но…

Но «босс» не дал ему договорить. Он наконец оторвался от просмотра так заинтересовавших его документов, аккуратно положил их на стол рядом с открытой папкой и только тоща произнес:

— Гриша, пе будем впопыхах обсуждать серьезные дела! Давай встретимся завтра у меня и обсудим все по порядку!

— Завтра? Хорошо! — согласился Григорий, несколько удивленный вкрадчивым тоном, с которым произнес Михаил Юрьевич последнюю фразу, и особенно тем, что тот впервые назвал его «Гришей», как бы подчеркивая особое дружеское расположение к нему.

«Заинтересовался, зараза! — подумал Григорий. — Да, миллионы баксов любого заставят быть вежливым и внимательным!»

— Да, Гриша, прихвати завтра с собой эту папочку! Вместе подумаем, как лучше нам развивать наше партнерство!

— Конечно, Михаил Юрьевич!

Пока Григорий относил папку в соседнюю комнату и громыхал там дверкой сейфа, все сидели молча. Борис, не говоря ни слова, достал пачку сигарет и, не торопясь, закурил, пуская вниз струю табачного дыма так, что она топкой ниточкой выдувалась из уголка рта. Почти то же самое проделал Раджаб. Но прежде чем прикурить от золотистого цвета зажигалки, он неторопливо размял сигарету пальцами, продолжая демонстрировать свою невозмутимость.

Помощник «босса», наклонившись к его лицу, тихо произнес:

— Михаил Юрьевич, в три нас ждут в Никольском!

— Я помню, помню, — раздраженно ответил «босс». — Сейчас поедем, позвони… Ну ты знаешь кому! Скажи, что минут на двадцать задержусь!

— Есть! — как-то по-военному четко ответил помощник и скрылся за дверью.

Тем временем Григорий, упрятав папку в сейф, возвратился в комнату и только своим появлением разрядил воцарившуюся неловкость. Однако разговор после этого уже не клеился, Михаил Юрьевич сразу заторопился на важную встречу и вскоре уехал вместе с охранником. Спустя некоторое время уехал и молчаливый таджик Раджаб, пожав руки оставшимся и сохраняя

бесстрастно-невозмутимый вид. Напоследок, уже в дверях, он обернулся и сказал фразу, которая сначала показалась Григорию и Борису непонятной:

— О, Аллах! Избери меня и предпочти меня и не давай мне ни на миг полагаться лишь на самого себя!

Слегка кивнув, Раджаб вышел из комнаты и очень скоро на улице раздался шум мотора его «мерседеса», постепенно растаявший вдали.

— Все-таки странные люди, эти мусульмане! Залепят такое! Без полулитры не разберешь! — первым заговорил Борис. — Ты хоть понял, что он пробубнил?

— Ну вроде, что боится… как бы его не кинули. Не давай мне, Аллах, говорит, полагаться только на себя! Наверное, беспокоится, как бы мы его не обули! Что, мол, и на нас он тоже полагается. Я так думаю.

— Может, и так. А зачем он тебе, Гриша? Эти азиаты очень опасные люди. У них одно — на уме, другое — на языке. Сам знаешь ведь.

— Знаю. Но только… нужен он нам. Товар гонит серьезный.

— Наркота?

— Да нет. Сначала, правда, баловался, но теперь кое-что посерьезнее.

Борис с удивлением и даже некоторым испугом посмотрел на приятеля.

— Оружие? Да?

— Ну нет же! — раздраженно воскликнул Григорий. По всему было видно, что ему неприятна настойчивость товарища. — А что тебя это интересует? У тебя никаких дел с Раджабом нет! С ним встречаюсь я и это мои дела! Тебе знать о них необязательно!

— Ну уж нет! Мадрид твою Лиссабон в Португалии! Я что тебе — пенёк обсосанный? Ты за кого меня держишь? Сам перед этим… «Абрамом» расшаркиваешься, как… А со мной? Не доверяешь, да?

— Тихо, тихо, Боря! — Григорий сделал успокаивающий жест рукой. — Не психуй! Мы — друзья! Я тебе доверяю! И ты знаешь об этом! Просто…

— Что «просто»?

— Просто, я не хотел тебя напрягать. Знаешь, лишнее знать — себе дороже!

— А мне не надо лишнего! Я хочу знать то, что мне нужно! Лопухом я никогда не был, понял?

— Понял, Боря! Не пыли! А почему ты Михаила Юрьевича назвал «Абрамом»?

— А ты что, не знаешь, как его по паспорту?

— Не знаю! Я паспорт у него не проверял!

— Ну а я проверял!

— И как же его зовут?

— Моисей Юдович! Еврей он!

— Ну и что?

— Ты меня удивляешь все больше и больше! На своих сходках вы орете все время: «Россия для русских!», «Долой там всяких… инородцев!» Выступаете за «русскую идею», за «русский дух», а сами! То евреи, то таджики, то, ёханый бабай, черномазые какие-то!

Борис не на шутку распалился. Чувствовалось, что его просто прорвало. Наверное, он долго терпел и не высказывал все то, что накопилось за последнее время, а теперь, почувствовав, что Григорий что-то не договаривает, оскорбился до крайности и взорвался потоком упреков и претензий.

— Ну как же ты не понимаешь, Боря! Да, мы за «русскую идею» и против засилья инородцев! Но наша организация пока еще не настолько сильна, чтобы захватить власть. Нам нужны деньги! Очень много денег! Чтобы готовить боевые отряды, обучать молодежь, чтобы везде расставить своих людей. Ты что, не знаешь, что сегодня все везде покупается? Что каждой сопле надо дать в лапу, подмазать? А объекты для нашей организации, всякие там дачи, спортивные лагеря, залы для «качков», казармы? Если башлять нечем, то ничего этого и не достанется! По всей стране идет гигантский передел собственности. Если сейчас не подсуетиться, то завтра останешься на бобах. И никакая «русская идея» не поможет! Поэтому мне плевать, от кого я получу бабки! Хоть от черта лысого! Деньги не пахнут, понял?

— Это-то я секу. Но почему ты от меня хочешь что-то зажухать? Если я в доле — я хочу знать, что здесь делает этот таджик! Если я иду на стрёмное дело, я должен знать: с кем? Ты ведь не припухал в тюряге? А у меня уже три ходки! Это что-нибудь да значит! Поэтому я хочу знать, свой мужик этот Раджаб или…

— Свой, свой! — проговорил примирительно Григорий, не ожидавший такого напора со стороны Бориса. — Я знаю его еще с девяностого, когда таджики выступили против коммуняк. Тогда в Душанбе была большая заваруха и Раджаб со своими ребятами отлично сработали. Они не только «нарисовали» из сберкассы всю наличность, но и грабанули одну «ментовку»! У него в Таджикистане было все схвачено — и легавые, и начальники всякие, даже среди гэбэшников у него были свои люди!

— Ладно, Гриша, не бухти! Поживем — увидим! Так что за дело у тебя с ним?

Григорий нахмурился. Ему явно не хотелось раскрывать Борису подробности своих дел с Раджабом. Он, наверное, еще бы раз попытался свести разговор к заверениям о надежности своего азиатского друга, но, наткнувшись на колючий взгляд Бориса, нехотя произнес:

— Да, понимаешь… Ну, в общем, он… Ты «синяков» знаешь?

— Кого?

— «Синяков» с Урала! Знаешь?

— А-а! Артель эта! В Нижнем Тагиле? Знаю! Крестный Тимур там хозяин. Ну и что?

— Раджаб с ним в контакте. Ребята там одно дельце клёвое проворачивают…

— А какое дело-то?

— Они там металл надыбали. Сырье. Очень ценное сырье…

— Во дают! «Синяки» по металлу пошли!

— Так прибыльное же дело, Боря!

— Металл цветной что ли?

— Да нет! Всякие там разные… специальные металлы. Бериллий, цирконий…

— Не слышал. А для чего они?

— Да… для всяких там целей… На атомных станциях используют и еще…

Григорий замялся. Борис вопросительно посмотрел на него.

— … и еще в ракетах… — после некоторой паузы закончил он фразу.

— А-а! Теперь понятно! За эти штуки, должно быть, действительно можно состричь большие бабки.

— Конечно! Очень выгодная сделка получается. Только цепочку всю надо отработать.

— Что за цепочка?

— От завода до места хранения, потом транспортировка, охрана, подмазка, всякие посредники… Ну, сам знаешь, много чего надо… Вокруг крутятся разные… Сейчас через Раджаба все идет — ив Среднюю Азию, и к чеченцам, и в Европу… К нему в Таджикистан приехал эмиссар из Судана. Очень серьезный человек. Говорят, когда наши воевали в Афгане, он там был у моджахедов главным инструктором… Так он тоже очень хочет достать товар. Очень ба-а-альшие деньги предлагает.

— Так ты, Гриша, решил навар сделать на этом бизнесе?

— Да какой навар! Деньги для организации нужны! Я ж тебе сказал!

— Да, опасное дело! А цепочку-то эту ксивами и корками обставить надо. А то дело такое — зачалят в один момент!

— Да сделано уже все, Борь! Ребята получат настоящие ксивы

и спецталон на каждую машину!

— Липовые кевтухи! Да это — хренотень!

— Какие липовые! Ты что! Я ж говорю тебе, Борь, самые настоящие документы. Вот, посмотри!

С этими словами Григорий вытащил из внутреннего кармана пиджака темно-бордовое удостоверение и протянул его Борису. Тот взял его в руки, стал внимательно рассматривать.

На внешней стороне «красной книжечки» золотыми тиснеными буквами было написано: «Служба безопасности Президента Российской Федерации». Борис на мгновение оторвал взгляд от документа, посмотрел на Григория, усмехнулся и раскрыл удостоверение.

Внутри было все, как положено: российский герб, надпись «Администрация Президента Российской Федерации», четырехзначный номер, дата выдачи, мелкий витиеватый узор, какой бывает на банкнотах и облигациях, маленькие аккуратные мастичные печати, какие-то странные значки в верхней части удостоверения. Слева рядом с двуглавым орлом было напечатано: «Служба безопасности».

Согласно документу Григорий являлся начальником отдела этой самой службы, что и удостоверяла подпись руководителя администрации. Внизу мелким шрифтом было набрано: «Настоящее удостоверение подлежит возврату при оставлении должности». Борис удивленно посмотрел на Григория, повертел удостоверение в руках и протянул ему обратно.

— И что? Это не липа? Ты что опять там «состоишь в должности»?

— Нет, конечно!

— Значит, все-таки липа?

— Нет же, говорю тебе, удостоверение подлинное!

— А как оно…

Григорий, перебивая, торопливо ответил:

— Просто мы заказали для себя в типографии Администрации Президента… — Григорий сделал паузу, наверное, для того, чтобы насладиться впечатлением, которое должны были произвести на собеседника его слова, — …пятьсот чистых бланков удостоверений! И еще тысячу спецталонов для автомобилей. Теперь никакая легавня не пристанет! Ты понимаешь?

— Ёханый бабай! Как же это вам удалось?

— Элементарно, Ватсон! Наши люди везде есть! А за крупные бабки любой говнюк готов не то что такие документы сварганить, но и мать родную продать!

— Это точно! Теперь понятно, зачем тебе нужен этот таджик.

А то: «мои дела», «тебе знать не обязательно»! — Борис беззлобно передразнил Григория. — Ладно! Я пошел. Пока, товарищ начальник отдела Службы безопасности. Я буду у себя. Связь — как всегда. Понадоблюсь — брякнешь!

Через минуту Григорий остался один в комнате. Он постоял немного у окна, посмотрел на раскачивающиеся от ветра ветки деревьев за стеклом, подошел к массивному книжному шкафу с собраниями сочинений классиков, энциклопедиями и альбомами с художественными репродукциями, достал один из толстых томов в темно-синем переплете и сел в кожаное кресло у стола. Трудно было предположить, что молодой человек с аккуратной короткой стрижкой, похожий на преуспевающего бизнесмена, хочет освежить в памяти какие-то фрагменты из учения вождя пролетариата. Настолько нелепо смотрелась эта книга в холеных руках с поблескивающими золотым перстнем и наручными часами с изящным браслетом.

Разумеется, Григорий и не собирался освежать в памяти умные мысли одного из основоположников марксизма-ленинизма. Да, в общем, и в памяти его подобная информация не задержалась, хотя, как и большинство его сверстников, он прошел школу марксистско-ленинской учебы в одном из высших учебных заведений.

Пролистав том, он открыл его на какой-то одному ему известной странице. Оттуда выпал сложенный вдвое тетрадный листок. Григорий развернул его. Перед его глазами пестрели строчки небольшого списка, каждая из которых начиналась с порядкового номера, а оканчивалась фамилией и инициалами должностного лица. Это был перечень подразделений Администрации Президента — управлений, отделов и служб. Под номером «6» в списке фигурировало Главное социально-производственное управление, каких-нибудь полтора года назад называвшееся Управлением делами ЦК КПСС, а под номером «9» — Управление кадров — ключевой элемент структуры высшего органа управления государства, в котором творилось таинство назначений и увольнений высших должностных лиц не только президентской Администрации и Аппарата Правительства, но и чиновников высшего уровня всех российских министерств и ведомств.

«Хорошо, что там у нас тоже есть свои люди, — с удовлетворением подумал Григорий. — Через них мы сможем провернуть любые дела! Пара-тройка „наших“ человек в кадрах позволят нам проводить на должности среднего уровня наших людей. А может быть, и на более высокие должности».

Он оторвался от просмотра списка, поднял голову. Взгляд

Григория наткнулся на большую картину в дорогой багетовой раме, изображающую романтический замок среди высоких заснеженных гор. На переднем плане в воинственной позе стоял рыцарь, сжимающий громадный меч. На прямоугольном щите отчетливо виднелся крест с плавно загнутыми концами, поразительно напоминающий известный знак, ставший в двадцатом веке зловещим символом насилия. Какими путями забросила судьба старинное полотно в золотистом обрамлении в этот особняк с помпезной казенной мебелью? Достал ли ее какой-то интендант из трофейных фондов Великой Отечественной или преподнес в качестве подарка иностранный гость? А может быть, ее повесили на стену уже новые хозяева бывшей цековской дачи? Кто-то об этом наверняка знал. Но молодой человек с короткой стрижкой и блуждающим взором, рассматривающий картину, разумеется, не ведал о том. Впрочем, мысли Григория в этот момент были далеко.

«Национал-социалисты называли этот крест свастикой. А по-нашему — коловрат. А смысл-то один: знак этот — символ удачи. По-санскритски „свасти“ так и будет — „хорошая удача“. Да, похоже, удача скоро будет на нашей стороне», — так или почти так думал Григорий Рыбин, убирая тетрадный лист со списком в карман пиджака, где уже лежало еще пахнущее типографской краской удостоверение начальника отдела Службы безопасности.

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Улица Ильинка. У входа в ГУМ

Орлов миновал КПП у Спасской башни и направился в сторону Старой площади. Все это время его не отпускало нервное возбуждение. Разговор с Филатовым, особенно доверительная его часть, озадачил Андрея. Он был готов ко всему — к сложной и ответственной работе, к активным действиям по предотвращению утечки из высших эшелонов государственной власти сведений, составляющих государственную тайну, к участию в разработке самых разных режимных и организационных мер, которые поставили бы заслон на пути вражеских разведчиков. Но разговор о том, что его главная задача должна заключаться в борьбе с коррупцией среди высших чиновников государства, тем более подкрепленная обязанностью докладывать лично руководителю Администрации Президента или даже самому Ельцину, заставил Орлова задаться вопросом, а способен ли он нести такую трудную ношу. Можно сказать, что он не на шутку испугался и интуитивно почувствовал опасность предстоящей работы. И тем более он не был уверен в том, что сможет даже при поддержке министерства выстроить нечто подобное заслону на пути коррупции в высших эшелонах власти. А масштабы этой напасти, судя по серьезному настрою Филатова, были ужасающи.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Каждый день ко мне поступали оперативные материалы. Я видел, что происходит в стране, как она разворовывается, как растаскивается! Видел, кто принимает в этом участие! Я и мои товарищи задавались вопросом: почему на это пе реагирует руководство страны? Это было ужасно! Стыд и позор заключался еще и в том, что мои подчиненные… от которых ничего нельзя было скрыть, все понимали! Что оставалось делать мне? Закрывать глаза на все? Бубнить одно и то же, что, дескать, ничего не происходит? А государство буквально рушилось на глазах…» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992–1993 годах — начальника управления Министерства безопасности)*.**

С одной стороны, Орлов понимал, что ему явно не хватает практического опыта, тем более для работы в среде служащих госаппарата. С другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что в этой работе ему неизбежно придется опираться на

соответствующие подразделения Министерства безопасности, на опытных оперативников, профессиональных контрразведчиков, немалая часть из которых довольно скептически относилась к новой власти и не доверяла ей. А она, власть, платила им тем же. Конечно, Орлов был готов полагаться на свои собственные силы, но их было, безусловно, недостаточно. Отсутствие же реальной поддержки со стороны министра безопасности Баранникова делало его работу не только проблематичной, но и рискованной.

— Андрей, привет! Куда бежишь? — прервал знакомый голос с хрипотцой тягостные раздумья Орлова. Он повернул голову туда, откуда донесся возглас и увидел… Пашу Русских[23]. Тот стоял у массивной арки входа в ГУМ и потягивал сигарету.

— А ты чего здесь делаешь? — в свою очередь спросил Андрей и заулыбался, не скрывая радости от встречи с товарищем.

Паша, Павел Алексеевич, в прошлом был сотрудником военной контрразведки, уже почти целый год прикомандированным к Государственно-правовому управлению от Министерства обороны. Умница, талантливый аналитик и юрист, одновременно с этим редкий шалопай и разгильдяй, способный на самые неожиданные поступки, человек с тонким чувством юмора, из уст которого, как из рога изобилия, лились шутки, усмешки, хохмы и разного рода словесные изыски, нередко на грани приличия, любитель выпить и подурачиться — все это был подполковник Русских. Как уживались в одном человеке столь противоречивые качества — одному Богу известно.

Среднего роста, с лицом, на котором богатая мимика дополнялась хитрым взглядом и кривой усмешкой, с хаотической походкой и практически всегда мятыми брюками, хранившими только одно воспоминание о стрелках, Паша никак не отождествлялся с хрестоматийным образом офицера военной контрразведки. Он скорее походил на легкомысленного младшего научного сотрудника из заштатного НИИ, которого начальство старалось держать подальше от исследовательской работы и отправляло постоянно то на уборку картошки в подшефный колхоз, то на овощную базу, то на закупку канцтоваров для коллег но работе.

ИНФОРМАЦИЯ: «Паша Русских — незаурядная личность. Его отличают гибкий ум и завидные аналитические способности, умение разобраться в юридической казуистике и молниеносная реакция. Но не только это правилось мне в нем. Потрясающее

чувство юмора и кладезь всяких каламбуров, зачастую совершенно неприличных, — вот что делало его эпицентром мужских кампаний. Бесцеремонный, ипогда даже цинично-грубый, он шокировал окружающих. Например, однажды, когда мы вместе с ним собирались сесть в лифт и находившийся в нем тучный человек сделал приглашающий жест рукой, Паша ничего лучше не придумал, как тут же выпалить: „Мы на грузовом лифте не ездим!“ А это был достаточно известный деятель» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

Андрей был рад этой неожиданной встрече. И не только из-за того, что они с Павлом не виделись несколько месяцев, но и потому, что чувствовал после встречи с Филатовым безотчетную потребность поделиться переполняющим его чувством тревоги. Паша как никто другой мог понять новые ощущения и охватившее Андрея смятение, так как сам уже почти целый год работал в высоком здании на Ильинке, в котором размещалась команда президентских правовиков, легко подмявшая под себя безликое Министерство юстиции и ставшая, по сути, одним из главных инструментов реализации установок Ельцина.

— Ты оттуда? — Паша еле заметно кивнул в сторону Спасской башни. — Из-за «стены»?

— Да. Был на беседе у Филатова.

— Сергея Александровича? — Паша наклонил голову в сторону и чуть вперед. Он так делал всегда, когда хотел высказать какую-то новую и казавшуюся ему важной мысль. — Непростой человек! И, между прочим, очень влиятельный. Он предлагал тебе чего-то? На работу звал?

— Да. И я дал согласие.

— А кем, если… не секрет?

— Не секрет. Первым замом начальника отдела в кадры. Режим, предотвращение утечки информации, ну и такое… всякое…

— Понятно. Давай покурим.

— Давай.

Орлов достал из бокового кармана пиджака пачку «Явы» в мягкой упаковке и протянул ее товарищу. Они с удовольствием затянулись, время от времени пуская в стороны клубы сизого дымка.

— А ты знаешь, что здесь оперативной работой нельзя заниматься? — лукаво прищурившись, спросил Павел.

Уже неплохо зная особенности его характера, Андрей

постарался угадать за вопросом какой-либо подвох. Но ни в тоне, ни в самом вопросе он ничего такого не почувствовал.

— Знаю. Я и не собираюсь заниматься.

— А как же ты будешь выявлять каналы утечки? Это может дать только… Ну, ты сам знаешь!

— Паша, я буду работать как официальный сотрудник. Пусть оперативной работой занимаются те, кому положено, — Главное управление охраны, Министерство безопасности…

Павел как-то странно усмехнулся и привел фразу из известного кинофильма, смысл которой дошел до Орлова значительно позднее:

— Оставь свои патроны, Абдула: нечем будет застрелиться.

> **ИНФОРМАЦИЯ: «Пашины каламбуры и сентенции не всегда были уместными, а иногда они даже ставили собеседника в неловкое положение. Он мог, например, поиздеваться над внешним видом или манерой говорить, мог перефразировать любое высказывание и на ходу придумать кличку или прозвище. Некоторые обижались на него, но большинство, в том числе и я, воспринимали его остроумные изыски как проявление таланта и в некотором роде чудачества» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.**

С Пашей Андрей познакомился около года назад, когда ему, заместителю начальника Оперативного управления Штаба Министерства безопасности, поручили поработать с депутатами. Время было сложное. Еще свежо было дыхание событий августа девяносто первого, когда в одночасье рухнуло все, что составляло основу громадной страны. Вакханалия развенчания прежних идей, низвержения авторитетов и памятников, захвата и растаскивания государственного и партийного имущества бывшего СССР — все это держало сотрудников органов госбезопасности, раскассированных на несколько самостоятельных структур, в состоянии сильнейшего напряжения и ожидания грядущей расправы. Одни оголтелые политики-горлопаны приходили на смену другим, призывая то уничтожить «ГБ»[24], то искоренить «чекизм», то изгнать из органов всех профессионалов и заполнить кабинеты на Лубянке «новыми кадрами демократической волны».

Шло следствие по делу ГКЧП[25], вершился суд над КПСС, одно за другим проводились разными комиссиями «расследования деятельности органов госбезопасности». Сотни сотрудников увольнялись, не желая стать жертвой очередной

перетряски кадров, разуверившись в том, что еще совсем недавно казалось абсолютно ясным и вполне надежным.

В довершение всего Верховный Совет принял решение о парламентской проверке Министерства безопасности и Службы внешней разведки, для чего была создана специальная комиссия, состоявшая в основном из депутатов. Трудно сказать почему, но именно на подполковника Орлова пал выбор, когда Баранников определял, кто должен «опекать» эту комиссию в Министерстве безопасности — обеспечивать ее членов документами и материалами, организовывать встречи с сотрудниками, предоставлять место для совещаний и всяких других дел. Очередной «шорох» пошел по всему министерству — депутаты шерстили служебные бумаги, «допрашивали с пристрастием» руководителей среднего звена, добиваясь от них подробностей оперативно-служебной деятельности, с многозначительным видом дефилировали по коридорам Лубянки, устланным красными дорожками, заставляя шарахаться в разные стороны подавленных ожидаемой очередной реорганизацией сотрудников.

ДОКУМЕНТ: «Список членов временной парламентской комиссии по выполнению Постановления ВС РФ „О парламентском контроле за деятельностью органов государственной безопасности и Службы внешней разведки“

1. БЕЛОБОРОДОВ Андрей Георгиевич, председатель Комиссии

2. АРЖАННИКОВ Николай Михайлович (Комитет по правам человека)

3. БОЛЬШАКОВ Борис Терентьевич (Комитет по вопросам обороны и безопасности)

4. ВАРОВ Владимир Константинович (Комитет по законодательству)

5. ИСПРАВНИКОВ Владимир Олегович (Высший экономический совет)

6. КОЖОКИН Евгений Михайлович (Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям)

7. КОНСТАНТИНОВ Илья Владимирович (Комитет по вопросам экономической реформы и собственности)

8. ЛЫСЕНКО Владимир Николаевич (Комитет по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного

мнения)

9. НАТАПОВ Семен Аропович (Комитет но законности, правопорядку и борьбы с преступностью)

10. ПИСКУНОВ Александр Александрович (Комитет но вопросам обороны и безопасности)…»

Время шло. Неумолимо приближался срок доклада итоговой справки на заседании Верховного Совета, а дело двигалось из рук вон плохо. Вороха бумаг, груды исписанных наспех листков, масса всяких справок и докладных записок не укладывались в логичный и целостный завершающий документ. Противоречия во мнениях, слабое знание профессиональных проблем госбезопасности большинством участников проверки, бесконечные и бесплодные обсуждения самых разных вопросов заставляли руководство Верховного Совета беспокоиться о том, чем же завершиться вся эта кутерьма. Сергей Вадимович Степашин, негласный руководитель проверки и председатель парламентского Комитета по обороне и безопасности, сам ставший впоследствии главой ведомства, всерьез заволновался исходом широко разрекламированной политической акции. Выйти на Верховный Совет с несуразными выводами и откровенно слабыми предложениями было невозможно.

Справедливости ради надо сказать, что в числе членов комиссии было немало толковых людей, но то ли они утратили интерес к судьбе органов госбезопасности, то ли были озабочены какими-то своими делами, но вышедшая из-под депутатского пера справка оказалась настолько слабой, что Сергей Вадимович решил негласно подключить к ее доработке кого-то из действующих сотрудников Министерства безопасности. Он вызвал Орлова, которого знал еще по российскому КГБ, в Дом Советов[26] на Краснопресненской набережной, протянул ему пачку разнокалиберных машинописных листков и сказал:

— Андрей, займись. Тебе же поручено работать с комиссией. Вот давай и поработай теперь как внештатный эксперт.

— Да вы что, Сергей Вадимович, как я могу это делать? Я же сотрудник министерства! Меня же Баранников в бараний рог согнет, если узнает!

Председатель парламентского комитета засмеялся на откровенный каламбур Орлова:

— Ничего, не согнет. Не дадим!

— Но…

— Ладно, Андрей, ты же видишь, что справка — дрянь! Надо сделать так, чтобы не стыдно было вынесли на заседание Верховного Совета. А осталось всего… — Он бросил взгляд на

висящий на стене красочный календарь с видом белоснежного здания на берегу Москвы-реки, — осталось всего две недели! Берите вместе с Пашей все материалы и… Срок вам — пять дней. К среде все должно быть готово! Понятно?

— Понятно! — без особого энтузиазма ответил Орлов и спросил: — А Паша, это кто?

— Как? — Сергей Вадимович с удивлением посмотрел на Орлова. — Ты не знаешь Пашу Русских?

— Нет, не знаю. Фамилию вроде слышал, а…

— Ну, Андрей! Если ты Пашу не знаешь, то… Да его знают все!

— А я не знаю! — упрямо ответил Орлов. — Не пересекались мы!

— Не пересекались! — почти передразнил тот. — Паша — это умнейший человек! Военный контрразведчик. Сейчас работает в Администрации Президента, в ГПУ[27]. Великолепный юрист, аналитик и вообще очень хороший парень! Вот берите все и вместе доработайте! Я уже ему поручил состыковаться с гобой.

— Но, Сергей Вадимович, как я могу… Надо же доложить Виктору Павловичу[28]. Если он узнает, что я… что мы… — поправился Орлов —…занимаемся этим за его спиной… нам достанется на орехи!

— Андрей, не трусь! — председатель комитета недовольно поморщился. — Никто ничего не узнает. О том, что вы с Пашей займетесь справкой, буду знать только я, да еще, может быть, Белобородов. Он, как председатель парламентской комиссии, конечно же, должен быть в курсе. Но Белобородов — наш человек! Он не продаст.

Так Орлов получил тайное поручение готовить итоговую справку комиссии, осуществлявшей парламентскую проверку Министерства безопасности. А уже через два часа он познакомился с Пашей Русских, еще не зная, что эта встреча станет началом дружбы, связавшей их обоих почти на целый десяток лет тесными узами взаимного доверия и привязанности.

Буквально за три дня и одну ночь они подготовили совершенно новый документ, написав большую часть его с чистого листа. Переворошив десятки справок и прочитав сотни документов, они поняли, что совершенно бесполезно пытаться связать воедино все разрозненные материалы, а скорее всего, надо делать что-то совершенно новое, убедительное для депутатского корпуса и, безусловно, полезное для органов.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Орлова я тогда не знал. Пришлось навести справки. Потому что идти на

такую авантюру, как сочинить справку о парламентской проверке Министерства безопасности, кос с кем было нельзя. Узнал, что он но образованию историк, о нем хорошо отзывались. Естественно, если бы я ему не доверял, мы бы не стали соучастниками этой авантюры! Я доверял ему, а он доверял мне» *(Из воспоминаний ПЛ. Русских, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).*

Орлов поражался, как Павел, не заглядывая ни в какие бумаги, прямо из головы «шпарил» одну фразу за другой, стуча двумя пальцами по клавиатуре компьютера. Из Паши как из рога изобилия лились оценки и выводы, предложения и рекомендации, которые он тут же превращал в текст. Безусловно, сказывался его опыт работы в одном из ведущих подразделений Управления военной контрразведки, а также в ГПУ, но главными были все-таки природные качества очень тонкого аналитика и юриста от Бога. Его неординарные способности и парадоксальность суждений поначалу вызывали у Орлова даже некоторое ощущение, похожее на чувство собственной неполноценности. Он понимал, что сильно уступает Паше в знании вопросов оперативной практики, явно «плавает» в юридических формулировках и, конечно же, выглядит более косноязычным по сравнению с коллегой.

Но комплексовал Орлов недолго. Да с Пашей и нельзя было долго комплексовать. Простота в общении и значительная доля самоиронии, а одновременно с этим исключительная работоспособность и готовность взять на себя самое трудное в любом деле, умение работать быстро, не рассусоливая и не втягиваясь в продолжительные дискуссии о том, как оценивать те или иные обстоятельства, — все это очень импонировало Андрею. Проработав над итоговой справкой комиссии несколько дней, они стали понимать друг друга с полуслова и очень быстро почувствовали взаимную симпатию.

Все происходило не в большом кабинете Орлова, где постоянно звонили телефоны оперативной связи и «кремлевки», куда все время заглядывали сотрудники своего и других управлений, несмотря на настойчивые возражения секретарши. Здесь работать было просто невозможно. Поэтому Орлов, доложив ситуацию своему начальнику Якову Федоровичу Погонию, переместился в свободный кабинет, расположенный тут же на этаже. Там, заперев дверь и обложившись грудами бумаг,

они часами строчили на компьютере, попеременно садясь за клавиатуру, «Справку о парламентской проверке Министерства безопасности Российской Федерации».

ВОСПОМИНАНИЯ: «У Андрея был большой угловой кабинет с окнами на „Детский мир“ и крыши домов, расположенных где-то позади главного здания министерства. Но работали мы с ним в другом кабинете… Мы с Андреем быстро нашли общий язык… Пятеро депутатов, членов комиссии, пьянствовали где-то в одной из соседних комнат, а у нас лежала на столе стопка бумаг. Это были их соображения. Я помню эту стопку. Мы посмотрели и… отложили эти бумажки. Полная хренотень! Сначала сформулировали проблемы, которые надо решать, что следует обязательно сохранить в министерстве, а что надо модернизировать… И начали тюкать на компьютере, за короткий срок настрочили не то 16, не то 17 листов! Сделали всю справку… Работали с утра до позднего вечера, почти до ночи, смолили сигареты…» *(Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).*

— Слушай, мы — как Ильф и Нетров, — пошутил Андрей.

— Не обольщайся, скорее всего, мы как Моцарт и Сальери, — с явной долей сарказма ответил Павел.

— А кто… Моцарт?

— Ну не я же! — Русских засмеялся своим «издевательским» смехом и без всякого перехода серьезно сказал:.— Андрей, надо воспользоваться моментом и провести в докладе то, что нужно… показать, что Министерство безопасности… хотя в его работе есть некоторые недостатки…

— Я бы сказал шероховатости, — в тон Павлу добавил Андрей.

— Да, шероховатости… Надо нам четко записать, что Министерство безопасности способно эффективно противодействовать иностранным разведкам. Что оно — надежный инструмент защиты интересов государства, общества и личности. А то договорились до того, что военную контрразведку передать в Минобороны! Это же надо додуматься до такого!

— И Штаб этот. Я хоть и сам в нем нахожусь, но… Паша, ты же понимаешь, — пустая надстройка, что называется, излишнее структурное звено. Баранников механически приволок это из

МВД[29], как будто… здесь дивизия внутренних войск!

— Андрей, надо сделать все для того, чтобы после этой проверки хотя бы накаты прекратились. Комиссия проверила. Да, выявила некоторые недостатки, но в целом… Понимаешь?

— Да, конечно же, Паша. Иначе и нет смысла этим заниматься. Написать, что все плохо и что Министерство безопасности — прямой наследник КГБ, который так и не разрушен… значит привести к окончательному разгрому органов госбезопасности! Некоторые этого только и ждут. Кстати, мне кажется, что кое-кто из комиссии тоже на это рассчитывает.

— Да, разгромить контору хотят многие, особенно те, кто был ее клиентами! Да и Бакатин[30]2 приложил руку…

— И не только Бакатин!

Весь кабинет был как в тумане — за пять дней, пока они работали над справкой, он, казалось, насквозь пропитался табачным дымом и стойким запахом кофе, который «соавторы» пили в неограниченных количествах. Не только простенькая стеклянная пепельница была завалена окурками, но и две консервные банки, стоявшие на окне, топорщились десятками бычков, дело до которых доходило тогда, когда заканчивались сигареты, а бежать в магазин или палатку не было времени и желания.

Орлов успевал только утром зайти в кабинет, быстро просмотреть почту — письма, шифровки, оперативные сводки — написать на них резолюции с поручениями, передать все это секретарю и наконец уединиться с Павлом в кабинете, номер которого знала только секретарша.

К назначенному сроку справка была готова, а еще спустя некоторое время Орлов и Русских уже сидели в зале заседаний Верховного Совета и слушали доклад председателя парламентской комиссии депутата Белобородова, который четко поставленным голосом излагал основные положения справки. «В ходе проверки нарушений не установлено», «трудности из-за финансирования», «неурегулированность структурно-функционального построения» — из его уст звучали фразы, которые должны были убедить негативно настроенных к органам госбезопасности депутатов в том, что если и есть какие недостатки в деятельности Министерства безопасности, то они вполне устранимы при поддержке того же Верховного Совета.

— Или министр нас обманывает или его надо увольнять за профнепригодность! — резко говорил про Баранникова один депутат.

— А у меня есть сведения, что на Кубе в борьбе с диссидентами участвуют представители Министерства

безопасности! — возмущался другой депутат только ему одному известным фактам.

— Моя озабоченность усилилась после вашего доклада, — непонятно о чем говорил третий депутат.

Но резко критических голосов в адрес чекистов было немного. Уверенный тон докладчика, грамотные ответы членов комиссии й представителей Министерства безопасности «перенастроили» возникшую было в обсуждении критическую тональность на конструктивную поддержку деятельности органов безопасности. Прошло меньше года после августовских событий, когда каждый считал своим долгом пнуть ногой «прислужников тоталитарного режима», и вдруг теперь под сводами зала высшего законодательного органа страны зазвучали слова поддержки:

— Надо поддержать органы. И хватит реорганизаций, ведь они отражаются на рядовых работниках, на тех, кто «пашет»! — восклицал председатель Верховного Совета.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: Из выступления Р.И. Хасбулатова при обсуждении доклада Парламентской комиссии но проверке МБ:

«В справке отмечается слабая работа с территориальными подразделениями (они перенесли несколько реорганизаций)… Надо поддержать органы, но надо уменьшить их численность и штаты. В.П.[31] **надо ориентироваться на серьезные выводы и критику»** ***(Из рабочего блокнота А.П. Орлова).***

— Считаю необходимым обеспечить финансирование офицеров, прапорщиков и работников Министерства безопасности в соответствии с действующими нормативами! — призывал один депутат улучшить материальное положение сотрудников органов, которые уже несколько месяцев не получали определенные для них нормы денежного довольствия.

— Имейте в виду: борьба с терроризмом сдерживается прежде всего из-за того, что Верховный Совет не разработал соответствующие законодательные акты! — самокритично заявлял другой депутат.

В общем, то заседание запомнилось Орлову и другим немногочисленным чекистам, присутствовавшим в зале Верховного Совета, резкой сменой настроения по отношению к органам безопасности — от скептически-враждебного до конструктивно-поддерживающего. После многочасовых дебатов по предложению Хасбулатова положительное решение по докладу было принято за основу ста тридцатью девятью голосами против семи. А уже вечером, когда депутаты, сытые и довольные, снова вернулись в

зал, постановление было принято почти единогласно.

На лице министра безопасности Баранникова, о чем-то переговаривавшегося с председателем комиссии, сияла улыбка. Довольно радостные лица были и у других членов комиссии — то ли от того, что закончилось очередное трудное заседание, то ли в результате признания положительной работы, которую они успешно завершили. Особенно была заметна удовлетворенность так благополучно завершившимся обсуждением на лице председателя Комитета по обороне и безопасности. Складывая бумаги в большую кожаную нанку, Сергей Вадимович со смехом что-то говорил Хасбулатову, а тот, кивая головой, невозмутимо посматривал в зал, будто пытался еще раз убедиться в том, что принятое решение одобрено большинством депутатов.

ДОКУМЕНТ: Постановление Верховного Совета РФ от 14 июля 1992 года № 3299-1 «О результатах парламентской проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации»

«Рассмотрев результаты парламентской проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

1. Принять к сведению информацию Временной комиссии Верховного Совета Российской Федерации по контролю за формированием органов государственной безопасности и правоохранительных органов о результатах проведенной проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации.

2. Министру безопасности Российской Федерации Припять меры к устранению вскрытых комиссией недостатков в работе органов государственной безопасности и сообщить о принятых мерах Президиуму Верховного Совета Российской Федерации до 15 сентября 1992 года.

3. Рекомендовать Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос о распространении на военнослужащих, членов семей военнослужащих, рабочих и служащих Министерства безопасности Российской Федерации порядка и норм выплаты денежного довольствия (заработной платы), а также прав, льгот и преимуществ, предусмотренных действующим законодательством для военнослужащих, членов семей военнослужащих,

рабочих и служащих Министерства обороны Российской Федерации.

4. Считать основными направлениями деятельности Министерства безопасности Российской Федерации, наряду с противодействием разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, пресечение коррупции, преступлений против государства, а также выявление в соответствии с Законом Российской Федерации „О безопасности“ угроз безопасности в военной, экономической, социально-политической и других сферах и осуществление мер но их ликвидации.

Министерству безопасности Российской Федерации обратить особое внимание на организацию обеспечения высших органов государственной власти и управления аналитической информацией с целью максимального содействия выработке решений по обеспечению государственной безопасности Российской Федерации.

Учитывая важность данного направления работы, рекомендовать министру безопасности Российской Федерации взять под непосредственное руководство проведение информационно-аналитической работы в центре и на местах в соответствии с Законом Российской Федерации „О безопасности“ и Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2398-1.

5. Совету безопасности Российской Федерации организовать разработку целевых установок Министерству безопасности Российской Федерации для обеспечения более эффективного решения задач, стоящих перед органами безопасности, и согласовать эти установки с Верховным Советом Российской Федерации.

6. Обязать министра безопасности Российской Федерации завершить по согласованию с Комитетом Верховного Совета Российской Федерации но вопросам обороны и безопасности реорганизацию структуры центрального аппарата Министерства безопасности Российской Федерации, исключив из нее дублирующие управленческие звенья.

Назначение на руководящие должности в центральном аппарате Министерства безопасности

Российской Федерации производить по согласованию с Комитетом Всрховпого Совета Российской Федерации по вопросам оборопы и безопасности.

7. Продлить до 30 декабря 1992 года срок полномочий Временной комиссии Верховного Совета Российской Федерации но контролю за формированием органов государственной безопасности и правоохранительных органов.

8. Контроль за выполнением настоящего Постановления возложить на Комитет Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации

Р.И.Хасбулатов

Москва, Дом Советов России

14 июля 1992 г.

№ 3299-1»

После того как все поднялись со своих мест и стали расходиться, Орлов и Русских подошли к возвышению, на котором стоял большой стол и трибуна. Спускаясь в зал, Сергей Вадимович заметил их, подошел, протянул руку обоим:

— Хорошо поработали. Молодцы! Спасибо!

От человека, довольно скупого на похвалу, такие слова должны были означать что-то вроде почетной грамоты или благодарности, особенно, если учесть, что председатель Комитета по обороне и безопасности сам приложил немало усилий, чтобы рассмотрение результатов парламентской проверки Министерства безопасности завершилось благополучно.

— Для дела старались! — Паша, как всегда, наклонив голову, с ехидцей смотрел на Сергея Вадимовича. — Времени было мало, а то бы мы еще обосновали, что… название «КГБ» вернуть надо! Министерство безопасности! Что это такое? Вот…

— Ладно, ладно, Паша, не хохми! — перебил его Сергей Вадимович. — Нам еще много надо что сделать, чтобы система заработала по-настоящему! — и, заговорщически подмигнув Орлову, спросил:

— Так, Андрей?

Орлов и Русских, конечно же, не относили положительные результаты обсуждения в Верховном Совете доклада парламентской комиссии только на свой счет. Активная позиция ее председателя и многих членов комиссии, авторитет Степашина, лояльность Хасбулатова и, разумеется, твердость

Баранникова в отстаивании интересов своего ведомства — все это предопределило успешное завершение столь сложного дела. Но Андрей и Павел чувствовали, что в этом есть и их немалая лепта. Пять дней работа в кабинете, погруженном в сизый табачный дым и пьянящие запахи черного кофе, не прошли даром и мучительно подбираемые слова, ложащиеся в строки и абзацы «Справки о парламентской проверке Министерства безопасности Российской Федерации», все-таки достигли желаемого результата.

> **ВОСПОМИНАНИЯ: «Я очень был доволен совместной работой с Андреем. У нас было ощущение, что мы спасаем систему и даем новый импульс для ее развития… Мы с пим ругались, спорили… Все, что мы написали, прозвучало потом в Верховном Совете. Получилось! Я этой бумагой, которую мы тоща сочинили, горжусь! Это был своего рода посыл обществу»** ***(Из воспоминаний П. А. Русских, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).***

В тот день вечером Андрей с Пашей выпили по стакану водки, закусив яблоком — единственным, что обнаружилось в кабинете у Орлова из еды. Наверное, и того и другого переполняли примерно одни и те же чувства — удовлетворение от хорошо выполненной работы и некоторое огорчение от того, что об этом, скорее всего, никто не узнает. Впрочем, подобное чувство Андрей испытывал потом много раз и даже со временем привык к нему. Хотя, конечно же, для каждого человека важно не только успешно сделанное им дело, но и общественное признание его труда, которое придает ему чувство уверенности в своих силах.

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 705

Через несколько минут, преодолев два поста проверки документов, Орлов уже поднимался в лифте на седьмой этаж высокого здания из стекла и бетона, спрягавшегося за помпезными фасадами бывшего ЦК КПСС.

— …Да их там еще навалом! Выбирай что хочешь! — светловолосая девчушка в шубке, стоящая боком к Андрею, щебетала что-то своей подружке.

— Там, наверное, одни классики… На что они мне?

— Нет же, Светка, я присмотрела там такие альбомчики… Про Париж там… ну еще, знаешь, про… Это… Как там? Всякие выставки… А фотографий сколько!

— И что, все разрешили брать?

— Да, пожалуйста! Шкафы-то старые надо освобождать. Вот эти книжки и вынесли в коридор. Сказали, кому надо, пусть разбирают..

— А где это?

— Да у нас в третьем подъезде!

Весь этот диалог происходил, пока лифт поднимался на седьмой этаж. Но даже и этого короткого времени Орлову хватило понять, что обрывок разговора двух девушек, по-видимому, работающих в этом здании, касается бывшего партийного имущества — книг, фотоматериалов, альбомов, которые в одночасье вдруг стали совершенно ненужными и бесполезными. Новая власть, занявшая апартаменты прежних хозяев, не нуждалась в осколках прошлого, тем более, что они не представляли какого-либо практического интереса. «Экспроприировав» все материальные ценности и документальные материалы, новый чиновный люд, занявший кабинеты в комплексе зданий бывшего ЦК, не забыл и о многочисленной обслуге, которой тоже надо было дать поживиться за счет прежних владельцев кабинетов. А в цековских шкафах накопилось немало! Во всяком случае, многие сотрудники администрации пополнили свои библиотеки редкими книгами и живописными альбомами.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Помню, когда я в начале девяностых вселился в свой кабинет, но коридорам еще ходил испуганный персонал бывшего ЦК. Они все были подавленные, опущенные… У одной стены стоял узкий стеллаж. Там было очень много книг — не только полные

собрания сочинений Ленина, но и разные книги, которые давали в ЦК на проверку как контрольный экземпляр. Я как-то смотрю: уборщицы складывают всю эту литературу в большие зеленые мешки. Спрашиваю их: „Куда вы все это, в библиотеку?“ „Какую библиотеку, — отвечают они, — на свалку!“ А **в сейфе я тоща нашел последнюю Программу Компартии…»** *(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).*

* * *

— Андрей Нетрович, ну наконец-то! — воскликнул высокий немолодой человек с седой шевелюрой, когда Орлов вошел в один из кабинетов седьмого этажа.

— Был? — он перешел сразу почему-то на «ты». — Был у Филатова? Ну как? Когда выходишь на работу?

Голос хозяина кабинета был не просто радушный, а подчеркнуто благожелательный, как будто человек, которому он принадлежал, только и ждал, когда Орлов появится на пороге его кабинета.

Это был прекрасный и просторный кабинет с громадными окнами во всю стену, большим письменным столом и длинным столом для заседаний с рядами стульев по бокам. Вдоль противоположенной окну стены стояли книжные шкафы с зеленоватыми шторками под стеклами, маленький столик с графином и стаканами. На широком низком подоконнике стоял десяток горшков с цветами, среди них было несколько цветущих кактусов и каких-то других цветов, названия которых Орлов не знал.

Но самым замечательным в кабинете был удивительный вид из окна — на башни и соборы Кремля, крыши домов Китай-города, стеклянную галерею ГУМа, силуэты высотных зданий вдалеке. С такого ракурса Андрей еще не видел ни Спасскую башню, ни здание Правительства с развевающимся над его куполом трехцветным флагом, пи колокольню Ивана Великого. Да и фотоснимков, изображающих Москву с этой точки, он тоже не мог припомнить.

— Какой у вас вид из кабинета, Нетр Васильевич! Чудо!

Эго было первое, что ответил Орлов на вопрос седовласого хозяина кабинета, являвшегося начальником Отдела контроля за защитой государственных секретов Управления кадров Администрации Президента. Именно к нему и был назначен

Орлов первым заместителем — на должность, которая была введена специально но указанию Сергея Александровича Филатова.

Петр Васильевич Романенко, которому было около шестидесяти, когда-то служил в органах госбезопасности и, выйдя на пенсию, стал работать в администрации, осуществляя руководство отделом, главной целью которого было предотвратить утечку важной государственной информации из высших эшелонов власти, какими являлись Администрация Президента и Аппарат Правительства, занявшие в девяносто втором году комплекс зданий на Старой площади. Под его началом работало несколько человек, в основном выходцев из режимных служб разных союзных министерств и правоохранительных органов — серьезных, зрелых, уравновешенных людей с солидным профессиональным опытом и знанием премудростей, мало известных широкому кругу.

Учитель истории и литературы по образованию, Нетр Васильевич еще в хрущевские времена отслужил срочную службу в армии, немного поработал в Грозненском горкоме комсомола, а затем пришел на службу в органы и более двадцати лет проработал в Чечено-Ингушетии. От этого периода жизни у него остался неисчерпаемый кладезь бытовых наблюдений и интересных историй, любопытных жизнеописаний и чекистских сюжетов. Потом он прошел Афганистан, многократно бывал за границей, где выполнял разные непростые задачи, суть которых, наверное, так навсегда и останется тайной за семью печатями. Уйдя на пенсию после беспокойных лет перестройки, кое-ще грозящей превратиться в перестрелку, он захотел, как и многие люди в его возрасте, найти тихую заводь, где можно было, особенно не напрягаясь, поработать, но оставаться при этом на виду, пользоваться уважением и хранить печать многозначительности.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В моем кабинете и кабинете начальника управления поначалу продолжали висеть портреты Ленина, оставшиеся с цековских времен. Никто ни от меня, ни от Дим Димыча не требовал их снять. Я был удивлен. Потом, вроде, волна какая-то пошла, звонит начальник управления и приглашает нас с Романовым к себе: „Зайдите посмотреть, какую я хорошую картину у себя повесил“. Смотрим, а в той рамке, в которой был портрет вождя, вставлена картина, изображающая какой-то город. Мы намек, конечно, поняли… Через некоторое время я сделал

то же самое…» ***(Из воспоминаний ПЛ. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).***

На Старой площади за полгода до прихода туда Орлова Романенко оказался с легкой руки его бывшего начальника, ставшего впоследствии первым заместителем министра. Дело было следующим образом. Однажды Нетру Васильевичу, работавшему преподавателем в специальном учебном заведении, позвонил Голушко[32] и пригласил к себе на разговор. Когда Романенко предстал перед очами первого заместителя министра безопасности, тот его без обиняков спросил:

— Хочешь поработать в Администрации Президента? *Я* на днях разговаривал с Нетровым[33]. Тот мне посетовал, что у него на Старой площади творится форменный бардак: повсюду валяются и пропадают важные документы, а на службу приходят совершенно непонятные люди… Кто орал громче всех на площади, теперь стал чиновником… Надо во всем этом хозяйстве как следует разобраться. Найди, говорит, мне кандидатуру человека, который был бы из вашей системы, но при этом уже не ваш. Чтобы был не солдафон и легко вписался в нашу среду. Я сразу назвал твою кандидатуру.

— Я себя не вижу в этом качестве. — Нетр Васильевич с удивлением посмотрел тогда на своего бывшего начальника. — Это не мое!

Голушко еле заметно нахмурился:

— Твое не твое! Ты что, не видишь, какая ситуация? Ты всю жизнь проработал в органах. Неужели тебя не волнует, что будет с нашей страной?! У тебя есть опыт. Так давай поможем навести порядок! Думаешь, они не найдут другого человека? Найдут, только какою? Ты меня не подведи. Я твою фамилию уже назвал. Сходи на беседу, подумай.

А уже через пару дней Романенко вместе с начальником Управления кадров оказался в кабинете Нетрова в Кремле. Тот без долгих преамбул сразу объяснил цель назначения на должность:

— Мы в Управлении кадров создали специальный отдел, и вы, если мы примем решение, должны будете организовать здесь оперативную работу. Это необходимо для того, чтобы прекратить утечку важной информации. Представьте, мы сидим здесь, обсуждаем что-то, а через некоторое время информация уже в газетах! А о документах я уже не говорю! Валяются где попало! Да и не мешало бы разобраться, кто у нас здесь работает!

— Вы знаете, — возразил Нетр Васильевич, — я этого не

смогу сделать. По положению я не имею права проводить здесь оперативную работу. Это могут делать только два ведомства — Министерство безопасности и МВД. — Сказав это, он увидел на лице Нетрова тень раздражения. «Пс нравится!» — отметил про себя Нетр Васильевич и добавил — Эту работу я могу организовать только совместно с Министерством безопасности.

— Вот это я и имел в виду! Хорошо? Кроме вас у нас есть еще несколько кандидатур. Если мы остановимся на вашей — вас известят.

На этом аудиенция была закончена. Нетр Васильевич решил, что, скорее всего, не понравился Нетрову и с облегчением отправился восвояси. Но, как оказалось, все было иначе, и уже через несколько дней он был назначен начальником отдела в Управление кадров Администрации Президента.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Отдел кадров был преобразован в Управление кадров. Именно тоща пришел к нам в администрацию Романенко. Его тоща не сразу утвердили, сомневались… Не кондовый чекист, интеллигентный человек, контактный, умел расположить к себе человека, поговорить. Любил Есенина, читал его стихи… Но, мне казалось, что он иногда был чрезмерно подозрительным. Выбирал из анкеты казавшиеся ему сомнительными факты и на этом акцептировал свое внимание. А потом убеждал руководство, что этого человека не надо принимать на работу. Трудился он спокойно, неспеша, без большого напряжения. Любил беседы на отвлеченные темы…» ***(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

— Андрей Нетрович, я очень рад, что ты пришел. А то я тут один… — Нетр Васильевич сделал какой-то неопределенный жест рукой, видно, призванный показать, как тяжело ему приходится стоять на защите государственных интересов. — Тут такие люди! Приходится работать, как говорят, во враждебном окружении.

— Ну уж вы, Нетр Васильевич, скажете… Все-таки это ж — администрация!

— Что ты, Андрей Нетрович! Здесь такое творится! Если тебе вес рассказать — не поверишь! Никакого порядка! К секретам допускают кого не лень! Иностранцы повсюду шастают! А в Аппарате Правительства! Ужас просто! Взятки! Информацию сдают! За деньги готовы продать мать родную!

— Да, Филатов мне говорил об этом. Он…

— А что Филатов! Да он ничего и не знает! Вот Дим Димыч докладывает кое-что ему, а так… В общем, теперь нам вместе будет легче. А Сергей Александрович разрешил обращаться прямо к нему?

— Да. Сказал, чтобы я докладывал все непосредственно ему. Даже телефон прямой дал. И домой… и на дачу тоже. А Дим Димыч, это кто? Румянцев?

— Он самый. Дмитрий Дмитриевич Румянцев. Его все так зовут здесь — «Дим Димыч». За глаза, конечно. А ты к нему пойдешь? Доложиться-то надо!

— Конечно, Нетр Васильевич. Сейчас прямо и пойду. Мы договорились с ним по телефону, что после разговора с Сергеем Александровичем… Надо же познакомиться с начальником!

— Давай, иди! Может, позвонить, узнать, на месте ли он?

— Не надо, Нетр Васильевич, я сам.

— Да, кстати, Андрей Нетрович, а ты стихи любишь? — без всякой связи спросил Романенко.

— Что? Стихи?

— Ну да! Стихи любишь читать? Есенина, Пушкина, Лермонтова, может быть?

— М… мм… Люблю, — неуверенно ответил Орлов. — А что?

— Ну, ладно! Потом! Давай! Ни пуха! — Нетр Васильевич вдруг вплотную приблизился к Орлову и полушепотом проговорил: — Дим Димыч очень влиятельный человек! К нам… — он пристально посмотрел на Андрея, — ну… к органам он относится хорошо. Но сам себе на уме. Кого не взлюбит… Но я думаю, ты, Андрей Нетрович, должен ему понравиться!

Орлов улыбнулся показавшемуся ему очень странным напутствию Нетра Васильевича и вышел из кабинета.

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 735

— Румянцев, — рукопожатие высокого черноволосого мужчины было крепким и уверенным.

Несмотря на то что Орлов уже много слышал о начальнике Управления кадров Администрации Президента, под руководством которого ему теперь предстояло работать, первое впечатление о нем оказалось неожиданным. Он был готов увидеть высокого чиновника, преисполненного чувства собственной значимости, крутого и грозного человека, одним росчерком пера которого решалась судьба любого сотрудника администрации. Его воображение рисовало образ типичного представителя советской номенклатуры, вовремя успевшего впрыгнуть в «демократический поезд» и теперь распоряжающегося судьбами людей но своему разумению и произволу. Во всяком случае, все, что Орлов слышал о Румянцеве, создавало в его воображении именно такой портрет начальника Управления кадров.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Дмитрий Дмитриевич — незаурядный человек. Умный, целеустремленный, принципиальный, способный самостоятельно решать сложные задачи, но властный. Аргументированно отстаивал свою точку зрения. Бывал довольно резок с подчиненными. Основательно погрузился в кадровую работу, улавливал новые идеи, видел перспективу. Имел исключительный авторитет в Администрации Президента. Большинство начальников управлений советовались с пим но любым, не только кадровым вопросам…» ***(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

ВОСПОМИНАНИЯ: «Румянцев встретил меня настороженно. Правда, сразу стал обращаться на „ты“. Сначала мне он показался похожим чем-то на американского президента Билла Клинтона. Но потом в ходе разговора, когда он стал употреблять разные острые словечки, этот образ быстро улетучился. Своей открытостью и деловым подходом Дмитрий Дмитриевич произвел на меня очень хорошее впечатление» ***(Из воспоминаний П.В.***

Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).

С первых же минут разговора Андрей почувствовал, что перед ним, безусловно, сильная и незаурядная личность. Высокий, широкоплечий, с пышной шевелюрой густых черных волос, Дмитрий Дмитриевич производил впечатление уверенного в себе и в своих силах человека. Несколько грубоватые черты лица нисколько не портили его внешности, придавая ей мужественный оттенок, который обычно так нравится женщинам и вызывает уважение у мужчин. Движения его были непринужденными, но достаточно энергичными, речь неторопливая и образная, перемежающаяся время от времени всякими разными грубоватыми словечками, что не делало ее вульгарной, а придавало ей даже некоторую доверительность.

— Мне звонил Сергей Александрович. То, что вы приходите сюда — очень хорошо. А то мы с Нетром одни тут колупаемся. Как договорились с Филатовым? Когда выходите?

— Завтра.

— Отлично. Кабинет вам, мне доложили, подготовлен. Так что за работу! Все вопросы решайте с Нетром Васильевичем. Если что-то серьезное, то — ко мне.

Заметив, что при этих словах Орлов как-то странно посмотрел на него, Дмитрий Дмитриевич спросил:

— Что-то не так?

— Нет, все так. Но… — Орлов немного замялся, — но Сергей Александрович сказал, что… но некоторым вопросам я буду замыкаться на него…

— Э-э, Андрей Нетрович, это — ваши дела! Что касается режима, вы — первый зам. начальника отдела — работаете вместе с Нетром Васильевичем и со мной. Докладывайте основные проблемы мне лично! А что касается отдельных поручений Филатова, то это, пожалуйста, — с ним. Котлеты и мухи отдельно. Договорились?

В голосе Румянцева Орлов уловил еле заметные нотки раздражения.

«К чекистам относится хорошо, но все равно ведет себя настороженно, — отметил про себя Орлов. — Такие люди, как он, не любят, чтобы что-то решалось, минуя их».

— Все понял, Дмитрий Дмитриевич. — Орлов пожал протянутую Румянцевым руку и по привычке спросил: — Разрешите идти?

Проговорив это, Андрей немного смутился. Здесь, в шикарном кабинете начальника Управления кадров

Администрации Президента, сугубо штатского человека, слова, принятые в армейской среде, прозвучали явно неуместно.

Идя но длинному коридору, устланному красной ковровой дорожкой, Орлов невольно прокручивал в памяти все, что ему было известно о Румянцеве.

«Пятьдесят два года. Окончил институт. Защитил кандидатскую. Работал на производстве, был директором крупного КБ. В восьмидесятые годы — в Бюро по машиностроению у Силаева[34], а когда тот стал председателем Правительства перешел к нему в Совмин начальником отдела кадров. Очень влиятельный. Многие считают, что от Румянцева зависит любое назначение, причем не только чиновников Администрации Президента, но и министров, руководителей всяких ведомств. С Филатовым у него отношения непростые, но Румянцев никогда не говорит об этом даже в узком кругу. Достаточно осторожный и предусмотрительный. Волевой и жесткий, иногда высокомерный. Многие боятся его. Говорят, что он может быть очень резким, даже обложить матом. После того как Филатов поручил ему контролировать режим, постоянно требует наведения порядка в работе с документами, проведения мер по предотвращению утечки служебной информации. К чекистам относится, в отличие от многих руководителей „демократической волны“, лояльно. Никакой компрометирующей информации о нем у ребят из Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией нет. Вот, пожалуй, и все, что мне известно о Румянцеве», — пронеслось в голове Орлова, пока он шел в другой конец коридора, где находился его новый рабочий кабинет.

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Из окна 763-го кабинета открывался совершенно другой вид, чем из кабинета Нетра Васильевича. Здесь уже не было видно ни кремлевских башен, ни куполов Ивана Великого, ни силуэта с зубцами московских высоток. Это был как бы вид во двор: напротив — современное здание вычислительного центра, справа и слева — крыши прилегающих домов, среди которых где-то внизу терялись Никитников и Ипатьевский переулки.

Сам кабинет был небольшим, но довольно уютным. Конечно, это даже близко не было похоже на его кабинет на Лубянке, где помимо громадного рабочего стола имелся длинный стол для заседаний, а стена была сплошь заставлена стеллажами и шкафами для книг. Да и «предбанника» здесь тоже не было — секретарь Андрею теперь не полагался. Должность-то но местным меркам была не очень высокая. Зато на приставном столике красовалось сразу пять телефонных аппаратов светло-желтого цвета — городской, внутренний, прямой с Румянцевым, оперативной связи (дань специфике работы Орлова) и, конечно же, «кремлевка», крутящийся диск которой украшал миниатюрный металлический герб Советского Союза. Это было ровно на два аппарата меньше, чем на Лубянке. Там у Орлова имелся еще аппарат ВЧ, но которому можно было связываться с другими городами, а также положенный только большим начальникам телефон АТС-1. Здесь же такие аппараты имелись только у руководителей более высокого ранга.

Не успел Орлов еще как следует осмотреться, как в дверь постучали. Затем она открылась, и на пороге появился худощавый человек с испуганным лицом.

— З-здравствуйте, — чуть заикаясь, произнес он.

— Здравствуйте, — вставая из-за стола, ответил Орлов.

— Я помощник к-коменданта этого здания. Вы — Андрей Нетрович, новый сотрудник, да?

— Да, — сказал Орлов и с некоторым удивлением отметил про себя: «Надо же! Только сел в кабинет, а уже все знают, как меня зовут!»

— Вас все удовлетворяет? Мебель, конечно, старенькая, но…

Орлов с недоумением посмотрел но сторонам. Мебель совершенно не казалась старой. Более того, светлое дерево, из которого она была сделана, придавало ей вполне приличный вид.

— Нет, что вы! Все нормально. Спасибо, мне ничего не надо.

Но человек, казалось, и не думал уходить. Он суетливо оглядывал комнату и, похоже, хотел о чем-то поговорить с Орловым.

— Садитесь, пожалуйста, — Орлов сделал жест рукой, указывая на стул у приставного столика. — Может быть, что-то от меня требуется? Я готов…

— Да нет-нет, Андрей Нетрович! Я просто хотел узнать, как вы устроились и не надо ли вам чего-нибудь.

Орлов хотел еще раз ответить, что его вес устраивает, как человек, неожиданно перейдя на шепот, спросил:

— А вы «оттуда»? — он кивнул на аппарат оперативной связи. Разумеется, здесь, в бывшем здании ЦК, знали, что такие телефонные аппараты имели прямой вход в есть Министерства безопасности и могли свидетельствовать только об одном — человек, которому поставили телефон оперативной связи, был сотрудником органов безопасности.

— Вы из Комитета? — переспросил помощник коменданта.

— Да. Ну и что? — не скрывая своего удивления, ответил Орлов. — Я — прикомандированный сотрудник. Буду отвечать за соблюдение режима в администрации.

— Очень хорошо! — как-то неестественно радостно произнес помощник коменданта. — Правильно, очень правильно! Надо наводить здесь порядок! А то…

— Что, много нарушений? — с заинтересованностью спросил Орлов.

— Очень. Очень много нарушений. Я тут работаю уже двенадцать лет. Такого, как сейчас, не было никогда!

— А что… Какие нарушения?

— Да всякие! Ходят сюда все кому не лень. Проходной двор! Раньше, попробуй войди… Порядка ни в чем нет. Воровство! Тащат из кабинетов. Размножают документы на ксероксах без разбору! Иностранцы заняли несколько комнат. Сидят как у себя дома! В общем…

Он махнул рукой, так и не завершив фразы, всем своим видом показывая, как ему не нравятся порядки в администрации.

— Знаете, давайте через некоторое время поговорим с вами обо веем подробно. Я вот чуть-чуть освоюсь здесь и мы…

— Андрей Нетрович, всегда к вашим услугам. Если что — запишите мой телефон. — Он продиктовал четырехзначный номер внутренней связи.

Орлов протянул руку помощнику коменданта. Тот энергично пожал ее, приговаривая:

— Очень рад, очень рад.

Он сделал было уже шаг к двери, как вдруг остановился и

уперся взглядом в одну точку. Орлов проследил взглядом, куда смотрел помощник коменданта, но ничего интересного для себя не обнаружил.

«Что это с ним?» — с недоумением подумал Орлов и хотел было уже спросить, что привлекло внимание помощника коменданта. Но тот опередил Андрея:

— Лампа! Какая у вас лампа! — в его голосе звучали одновременно нотки удивления и негодования

— Что? — не понял Орлов. — Какая лампа?

— Вот я и говорю: не такая настольная лампа. У вас должна быть другая!

Орлов с нескрываемым изумлением посмотрел на лампу: обычная лампа с металлическим абажуром и кнопкой посередине подставки. Может быть, чуть потускневшая, но вполне приличная. Почти такая у Орлова стояла в служебном кабинете на Лубянке.

— Андрей Нетрович, а вы разве не знаете?

— Что? Насчет лампы ничего не знаю, — ответил Орлов, не понимая, куда клонит помощник коменданта.

— Вам нужна зеленая лампа. Со стеклянным абажуром.

— А почему именно зеленая? — Орлов даже усмехнулся, чувствуя нелепость разговора. — Да эта тоже, вроде, неплохая.

— Нет, Андрей Нетрович, вы не понимаете. Лампа с зеленым стеклянным абажуром… с такой… ну, вы знаете… золотистой подставкой… Такие лампы полагаются руководящему составу администрации — начальникам управлений, заместителям… Как раньше — заведующим отделами ЦК и их замам.

— Да, я видел такие — у Филатова, у Румянцева… Но я же не начальник и не замначальника управления!

— Ну и что! Андрей Нетрович, но вы же — «оттуда»!

Орлов внимательно посмотрел на помощника коменданта, все

еще не понимая, серьезно он говорит или шутит. Настолько нелепым казался ему разговор о какой-то зеленой лампе, особенно на фоне сетований по поводу вопиющих нарушений!

— А что… она, та лампа, лучше этой? — Орлов никак не мог отделаться от мысли, что втягивается в какой-то страшный разговор, не имеющий ничего общего с реальной действительностью. — Почему именно с зеленым абажуром?

— Андрей Нетрович, да здесь так уже давно повелось — если у тебя стоит зеленая лампа — то значит, что ты… ну… на уровне, понимаете? Статус определенный. У нас тут все, кто приходит, просят поставить такую лампу. А где я их возьму? Перебили их столько! Да еще домой уволокли некоторые. Еще в прошлом году. А абажуры эти, стеклянные, делают только на одном заводе…

Теперь даже не всем хватает, кому полагается по должности!

— А чего ж вы мне предлагаете, если у вас их нет?

— Нет, но я посмотрю… Кажется, где-то у меня была одна. Запасная. Уж для вас-то я постараюсь найти!

— Спасибо, буду вам очень признателен! — в тон помощнику коменданта ответил Орлов. Ему надоел этот бессмысленный разговор, который почему-то гак сильно беспокоил его собеседника. Но тот, привыкший, что люди «оттуда» обладают каким-то исключительным влиянием, наверное, хотел продемонстрировать свое полное расположение и готовность услужить. На всякий случай. Авось пригодится.

Еще некоторое время после того, как помощник коменданта вышел из кабинета, Орлов сидел в задумчивости, «переваривая» все, что произошло за несколько последних часов, и еще трудно себе представляя, как будет работать в новом качестве. С одной стороны, переход в Администрацию Президента следовало рассматривать как знак высочайшего доверия, особенно принимая во внимание все то, о чем говорил Филатов. С другой стороны, Орлов вдруг ощутил забытое чувство одиночества, которое неизбежно возникает у человека, оказавшегося в новом коллективе. Забытое, потому что когда-то еще в детстве, ему, как сыну офицера, пришлось сменить несколько школ, и каждый раз нужно было привыкать к новым товарищам, новым учителям и новым порядкам. Это было непросто, но в раннем возрасте проходило как-то менее остро, чем в период зрелости.

В управлении на Лубянке Орлов чувствовал себя вполне уверенно. Коллектив, спустя некоторое время после назначения на должность заместителя начальника, достаточное, чтобы проявить себя, признал в нем руководителя, вполне компетентного и внимательного к подчиненным. Даже «аксакалы» из бывшего Инспекторского управления, с которыми он вместе работал еще до перехода в Российский комитет и августовского путча, относились к нему вполне лояльно. Правда, с некоторой долей снисходительности и иронии.

Семен Енокович Мартиросов, бывший начальник Орлова в годы работы в Научно-исследовательском институте КГБ СССР, стал начальником отдела в управлении и превратился в подчиненного Андрея. Орлов же, зная его самолюбивый характер, всячески старался проявить особое уважение к бывшему начальнику — советовался с ним по разным поводам, часто заходил сам к нему в кабинет, постоянно подчеркивал авторитетность его мнения для себя.

Юрий Васильевич Бузанов, слывший самым опытным специалистом в КГБ по составлению различных планов, после

того, как они с Орловым в течение пары недель бок о бок поработали над подготовкой «главного документа» Министерства безопасности, сказал сослуживцам:

— Андрей-то молодец! Я и не думал, что он так может… въедливо работать над документом. Я даже зауважал его!

Виктор Георгиевич Третьяков, под началом которого Андрей работал в Инспекторском управлении, тоже вдруг стал подчиненным Орлова. Один из самых сильных аналитиков во всей системе органов госбезопасности, человек, которому доверялось писать докладные записки генеральным секретарям ЦК КПСС и формировать отчеты о деятельности КГБ для Политбюро, возглавил отдел в управлении. Орлов старался никоим образом не показать Виктору Георгиевичу своего начальственного положения, постоянно демонстрируя свою готовность прислушиваться к его советам и предложениям. Наверное, именно искренность такого поведения Андрея и возвращалась в форме дружеской поддержки со стороны коллег-подчиненных.

Но теперь все это оказалось за бортом. Каждодневные заботы Оперативного управления — анализ и принятие решений по информации, потоком льющейся в многочисленных шифровках и докладных с мест, командировки в местные органы безопасности, постоянные совещания но различным вопросам оперативно-служебной деятельности, обсуждения совместных действий с коллегами из разведки и МВД, конспиративные встречи с конфиденциальными источниками, занимающими высокое положение в ряде иностранных государств — вес это разом осталось в прошлом. Активная работа продолжалась, но теперь уже без Орлова, который должен был осваивать совершенно новый для себя участок деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ: «У нас, сотрудников органов безопасности, сохранялось осторожно-уважительное отношение к „вышестоящим инстанциям“ — в свое время это был ЦК КПСС, а потом — Администрация Президента. Казалось, что там работают какие-то особые люди, обладающие исключительными способностями, умеющие, опираясь на анализ потоков информации, поступающей к пим, выделять главное, формировать основные приоритеты в политике, экономике, сфере безопасности. Десятки тысяч людей, не жался сил, готовили информационные материалы и аналитические документы, на основе которых должны были

приниматься управленческие решения стратегического уровня. Разумеется, в профессионализме кадров „инстанций“ не должно быть никаких сомнений…» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Перейдя в администрацию, Андрей не только лишился привычной для него атмосферы товарищеского участия и взаимной поддержки, которая, как правило, возникает в воинском коллективе, но и почувствовал явное снижение своего служебного статуса. «Администрация Президента» — звучит громко! Но здесь Орлов опять почувствовал себя шестеренкой какой-то большой машины, от которой почти ничего не зависит. Если еще несколько дней назад он ощущал себя полноценной личностью, человеком, которого знали многие в здании на Лубянке, которого одни — уважали, другие — едва терпели, но те и другие — считались с ним, учитывали его мнение, то теперь все надо было начинать сначала — завоевывать доверие людей, доказывать собственную состоятельность, демонстрировать умение не только руководить кем бы то ни было, но и свою способность самостоятельно решать те или иные задачи. Андрей знал, что сможет все это сделать, но до тех пор ему предстоял непростой период адаптации, «вхождения» в новую среду, завоевания доверия окружающих его людей.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Появился Орлов в пашем управлении внезапно. Сначала присутствовала, естественно, определенная настороженность к офицеру из Министерства безопасности. Особенно напряженно отнесся к ею появлению Нетр Васильевич… Все знали, что должность первого заместителя начальника отдела была введена исключительно под Орлова… Мы все работали спокойно и вдруг… появляется этот человек. Слухи всякие ходили… В отношении пего долго сохранялся ореол, что он решает какие-то особые задачи. Правда, его стиль поведения и общительность довольно быстро сняли напряженность…» *(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента)*

ВОСПОМИНАНИЯ: «Однажды вызывает меня Румянцев и говорит: „Я был сейчас у Филатова. Оп сказал мне, что лично к нему командируют человека

из Министерства безопасности. Он будет работать в твоем отделе. Причем на должности, не ниже заместителя начальника. Я думаю, что это — человек Филатова".

Нам было известно, что специально под него пришлось ввести должность. Это встревожило всех в управлении. Румянцев и его замы схватились за голову. Что это значит? Ко мне-то они уже привыкли, а это какой-то новый человек.

С Орловым я знаком пе был, но однажды, когда заходил к Голушко, я его видел. Это частично меня успокаивало — все-таки не посторонний человек…» ***(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента)***

Орлов еще раз окинул взглядом свой новый кабинет — книжный шкаф с пустыми полками под стеклом, железный сейф с приоткрытой дверцей и торчащими из замочной скважины ключами, карта СССР на противоположной стене, письменный стол, поверхность которого была абсолютно свободной — ни единой бумажки, ни письменного прибора, ни какой-нибудь безделушки. Его взгляд упал на ряд телефонных аппаратов, стоящих рядом на маленьком столике. Звонить было некуда, да еще и некому. И, тем не менее, рука Орлова непроизвольно потянулась к аппарату юродской связи. Еще до конца не отдавая себе отчета, куда он будет звонить, Андрей поднял трубку, несколько секунд подержал ее в руке, упершись взглядом в диск телефона. Потом медленно набрал номер. На том конце раздались продолжительные гудки — один, другой, третий. Затем — щелчок и знакомый голос тихо произнес: «Алле!»

13 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Улица Крылатские Холмы.
Квартира Орловых

Услышав звонок телефона, Оля почему-то сразу решила, что это — Андрей. Несмотря на то что домашние хлопоты почта не давали ей время отвлечься на посторонние мысли, она подспудно ждала чего-то, чувствуя легкую тревогу. Может быть, это передалось ей от мужа, который сегодня утром перед уходом на работу был необычно задумчивым и озабоченным.

Последнее время Оля все чаще видела мужа каким-то раздраженным, неуравновешенным. Чуткая к перемене его настроения, она догадывалась, что происходящие с ним перемены связаны, скорее всего, с переходом на новую работу. Она не очень разбиралась в том, чем будет теперь заниматься ее муж, но подсознательно чувствовала скрытую угрозу, которая исходила от «коридоров власти».

Все, что происходило там, наверху, Оля воспринимала как нечто непредсказуемо-опасное, способное нарушить привычный ритм жизни. Еще свежи были в памяти события августа 1991 года, когда Андрей несколько суток пропадал на работе. В центре Москвы лязгали гусеницы танков и боевых машин пехоты, обезумевшие толпы крошили вес направо и налево, в подземном туннеле на Калининском проспекте пролилась первая кровь. Тогда она впервые почувствовала серьезную тревогу за мужа, неожиданно поняв, что все чаще звучащие в толпе призывы, растиражированные телевидением и радио, имеют прямое отношение к их семье. Сотрудник органов безопасности не мог оказаться в стороне от того, что происходило тогда в стране. А прошло всего полтора года.

Теперь же все было гораздо хуже. Накал страстей сплошным потоком прорывался на экраны телевизоров, пестрил газетными полосами, митинговой истерией. А Андрей теперь был не за надежными стенами Лубянки, а где-то среди путающих своими интригами кремлевских коридоров. И хотя он ничего не рассказывал о том, что там происходило, и тем более о предстоящей работе на Старой площади, по-женски она чувствовала неумолимое приближение опасности.

Еще совсем недавно, когда они с Андреем проходили но Лубянке, он показал ей окна своего кабинета в высоком сером здании. Окна находились на втором этаже точно над гербом СССР. Тогда Оля еще подумала: «Странно, СССР уже нет, а герб еще есть». Так было со всем, что окружало тогда их жизнь,

полную тревог и неожиданностей.

Оля взяла трубку.

— Алле.

— Это я, — узнала она голос мужа.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Вот звоню из своего нового кабинета.

— Ну и как?

— Оля, может, нам купить домой зеленую лампу?

— Что-о? — Странность вопроса заставила Олю удивиться. — Какую еще лампу?

— Обычную, со стеклянным зеленым абажуром. — Андрей немного помолчал и, чувствуя замешательство жены, извиняющимся тоном произнес: — Прости, я пошутил.

После разговора с Андреем у Оли осталось ощущение какой-то недосказанности, но она уже давно привыкла не задавать липших вопросов, зная, что муж сам расскажет о том, что его беспокоит. Если посчитает нужным.

Они жили вместе уже четырнадцатый год. Достаточно для того, чтобы не только понимать друг; фуга, но и улавливать малейшие колебания настроения. Воспитание обоих детей — дочки Нины и сына Сергея — еще больше сближали супругов, сохраняя при этом, однако, некоторые расхождения в подходах. Андрею казалось, что Оля, нервно потворствуя детским капризам и не желая проявлять необходимой строгости, перекладывает на его плечи это неблагодарное дело. Она же считала, что он слишком придирчив к детским шалостям, что зачастую бывает неправ, наказывая то одного, го другого. Отчасти Оля относила такое его поведение на счет нервного напряжения, которое Андрей испытывал на работе. Действительно, он приходил всегда поздно, иногда какой-то наэлектризованный, взвинченный, готовый вспылить но каждому, даже самому незначительному, поводу. Несмотря на то что она смутно представляла работу Андрея, который не посвящал ее в подробности своей службы, что было естественно, Оля чувствовала, как тяжело он переживает происходящее с ним, с органами безопасности, со страной.

ИНФОРМАЦИЯ: «Мы с женой постоянно обсуждали то, что происходит в стране, как ведут себя в новых условиях люди, вместе сетовали на резкое падение нравов и разгул преступности. Но я не считал возможным посвящать ее в проблемы, которыми занимался но службе. Так было, когда я работал в КГБ, а затем в Министерстве безопасности, так стало и в Администрации Президента. Помню,

когда однажды Оля посетовала, что я ничего не рассказываю ей о своей новой работе, я ответил: „Меньше знаешь — лучше спишь“. Хотя, по-моему, она догадывалась, что на Старой площади я столкнулся с очень сложными проблемами» ***(Из воспоминаний А.П. Орлова).***

Несмотря на бытовые трудности и напряженную обстановку, на фоне того, что происходило вокруг, семья Орловых преодолевала все жизненные преграды довольно уверенною. Настоящее чувство и согласие в главном, в том, что определяет совместимость людей и устойчивость семейных уз, позволяли Андрею и Оле достаточно уверенно смотреть в будущее, что, впрочем, встречалось не так уж часто. Новые порядки и уклад жизни, крушение привычных идеалов и полная подмена моральных принципов циничным расчетом и пресловутой целесообразностью — все это рушило доселе казавшиеся устойчивыми родственные, семейные и дружеские связи. Друзья, оказавшись но разные стороны идеологических баррикад, становились врагами, мужчины и женщины, еще вчера клявшиеся в верности друг другу, не выдерживали испытания вдруг неизвестно откуда хлынувшим богатством или вцепившейся в горло нищетой. Манящие радости заграничной жизни подальше от презираемого в новом обществе «совка», открывшиеся возможности получить доступ к богатству и роскоши, подтолкнули к самым решительным поступкам тех, кто еще десяток лет назад не мог даже представить себе, что можно жить иначе. Погоня за призрачным счастьем и иллюзиями, отказ от всею, что было дорого и близко в прошлом, сломали не одну семью. Андрея и Олю особенно взволновала история, которая развивалась буквально у них на глазах с одной супружеской парой, казавшейся даже очень счастливой.

Он, назовем его Алексеем, был подчиненным Андрея. Служил в органах восемь лет, был грамотным и подающим большие надежды работником. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица, доброжелательной улыбкой и шевелюрой русых волос. Работа у него получалась неплохо, всяческие задания он выполнял довольно быстро, привнося в них свое собственное понимание и видение. Как и Андрей, с которым Алексей работал в институте и Российском КГБ, а затем в управлении Штаба Министерства безопасности, Алексей пережил в конце 1991 года кошмар развала, ухода из органов многих далеко не самых худших сотрудников, мучительное вползание структур безопасности в новую для них реальность.

Поскольку Андрей был, по существу, своего рода «крестным» Алексея, так как именно он подбирал и изучал его кандидатуру для работы в органах, и почти все эти годы являлся его начальником в разных структурах, Орлов был в курсе семейной жизни своего подчиненного. Жена Алексея, назовем се Инной, была под стать мужу высокой и красивой женщиной с приятным слегка низким голосом и пышными каштановыми волосами. У них рос шустрый мальчуган, в котором родители души не чаяли. Алексей мог подолгу рассказывать о своем сыне, о том, какой он умный и способный, в какие игры они с ним играют и как поедут все вместе отдыхать на Черное море.

Когда Алексей и Инна только поженились, она работала в Ленинской библиотеке на скромной должности библиографа. Но через некоторое время, когда в стране стали как грибы расти совместные предприятия, Алексей устроил Инну, не без помощи сослуживцев, в одну очень перспективную фирму, которая занималась продвижением на изголодавшийся российский рынок американских товаров и технологий. Это в корне меняло уровень жизни их семьи, поскольку теперь Инна получала приличную зарплату в долларах, превышающую зарплату мужа в несколько раз. Алексей был горд, что жена работает в престижной компании, успешно осваивает новое для себя амплуа референта и пользуется авторитетом у босса — американского бизнесмена, возглавляющего московский филиал фирмы.

Однако с некоторых пор Орлов обратил внимание на то, что Алексей стал непривычно задумчивым, временами даже подавленным. От его доброжелательной улыбки не осталось и следа. Он замкнулся в себе, стал неразговорчивым, а иногда даже раздражительным. Пару раз Андрей сделал замечание своему подчиненному, когда тот бестактно отреагировал на указание выйти и поработать в выходной день.

— Алексей, ты же офицер! Какие могут быть разговоры! Надо выполнить задачу, даже если это будет в ущерб личному времени! Служба есть служба! — строго сказал Андрей.

Алексей тогда раздраженно ответил:

— Что дает эта служба? Она вообще кому-нибудь нужна?

Через несколько дней Орлов вызвал Алексея на откровенный разговор, и тот поделился с начальником неожиданно возникшими у него проблемами. С некоторых пор жена стала все чаще задерживаться на работе — то переговоры, то презентация, то корпоратив. К их дому на проспекте Мира се подвозил на машине шеф, седовласый поджарый американец, всегда одетый в модный костюм темного цвета. Он галантно открывал дверь автомобиля, выпуская Инну из салона, доводил до самых дверей

и напоследок целовал руку. Алексей каждый раз в смятении наблюдал за этой сценой, стоя у окна.

Все заботы о ребенке лежали на женщине, которую Инна наняла, как только появились деньги. Она укладывала мальчика в постель и дожидалась прихода Алексея с работы. После ее ухода все заботы уже лежали на молодом папаше, который, впрочем, ими совершенно не тяготился. Когда Инна иногда далеко за полночь наконец появлялась в доме, от нее пахло дорогими французскими духами и ароматными сигаретами. Нередко она была чуть навеселе, шутила, дурачилась, обнимала Алексея, пытаясь развеять его плохое настроение. Но тот мрачнел все больше и больше, чувствуя свое бессилие что-либо изменить.

Однажды Алексей сорвался и высказал жене, которая как всегда приехала навеселе, все, что накопилось у него в душе за последнее время. В конце длинной тирады он неожиданно даже для себя самого предложил Инне бросить работу, которая все больше удаляет се от мужа, ребенка и дома. На это Инна сухо, а Алексею показалось презрительно, ответила:

— И что, мы будем жить опять на твои жалкие гроши?! Ты хочешь, чтобы я стала нищенкой и просила милостыню в подземном переходе?

После того ночного разговора в жизни Алексея все полетело в тартарары. Жена продолжала задерживаться до ночи на работе, затем неожиданно уехала в командировку во Францию, даже предварительно не переговорив с Алексеем. Сын постоянно спрашивал: «Где мама?» Алексей же не знал, что ответить и как поступать дальше. Развязка наступила сама собой. В один из вечеров жена позвонила ему и как-то мимоходом сказала: «Я сегодня не приду. И вообще, Леша, я пока поживу отдельно». А через несколько дней, возвратившись с работы, Алексей застал в доме полный разгром.

Вес вещи были буквально вывалены из шкафа, исчезла одежда жены и сына, пропала также часть детских игрушек, а на столе лежала записка: «Леша, я полюбила другого человека и буду жить у него. Сын со мной. Инна».

Алексей предпринял несколько попыток встретиться с Инной или хотя бы поговорить с ней но телефону, но безуспешно. Спустя некоторое время он узнал, что Инна вместе с сыном и «боссом», тем самым американцем, который подвозил ее на своем автомобиле домой, уехала в «Штаты». Такая вот история, которую поведал Андрею его подчиненный. Забегая вперед, можно было бы рассказать о том, как трудно происходил развод Алексея с Инной, какие испытания ему еще пришлось выдержать, переживая разлуку с сыном и крах надежд на будущее. Предательство

любимой женщины, распад семьи и невозможность общения с ребенком выбили почву из-под ног молодого офицера, обесценили многое из того, что было ему дорого, девальвировали нравственные ценности и моральные приоритеты. Завершающим аккордом в этой драматический истории стал рапорт Алексея об увольнении со службы и начало новой жизни в бескрайнем и циничном море набирающего силу российского бизнеса. Но это уже сюжет для другой книги.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я тяжело переживал уход из органов Алексея, нагому, что он был способным сотрудником, быстро осваивавшим порученные ему участки работы, контактным и располагающим к себе человеком. Я „давал ему путевку“ на службу в КГБ СССР и первые годы буквально вел его но служебной лестнице. Очень жаль, что тогда из системы ушло немало перспективных сотрудников. Не выдержав ударов судьбы, обрушившихся на них, они ринулись в пучину экономического хаоса в расчете на то, что найдут свое счастье за пределами службы. Некоторые из них, действительно, сумели быстро адаптироваться к новой для себя обстановке и добиться заметного карьерного роста в бизнесе. Другие — „сгинули“ на поле ожесточенных схваток криминальных группировок и олигархических кланов, третьи — сумели встроиться в ряды „нуворишей“. Впрочем, как поется в одной хорошей песне: „Каждый выбирает для себя — женщину, религию, дорогу…“» *(Из воспоминаний Л.П. Орлова)*.

В жизни Андрея и Ольга было вес по-другому. Они жили трудно, поднимая детей в сложные годы безвременья, тотального дефицита и неустроенности. Работа у Андрея отнимала почти все время, оставляя на общение с женой и детьми поздние вечера, да еще немногочисленные выходные, которые зачастую прерывались срочными вызовами на службу. Но таков уж удел офицера, в том числе офицера службы безопасности! Главное — чтобы рядом с ним оказалась понимающая и заботливая женщина. И чтобы, когда он приходит с работы, его встречала улыбка и добрый взгляд. И, конечно, хорошо еще — горячий и вкусный ужин. Тогда ему все нипочем — самые отвратительные неприятности и даже чрезвычайные происшествия. А их в биографии Андрея Орлова было предостаточно.

Всею несколько слов с женой по телефону, а Орлов как будто получил дополнительный прилив энергии — все опасения и

тревожные ожидания уступили место уверенности и лихорадочному нетерпению, какое бывает у спортсмена на стартовой позиции перед большим и изнурительным забегом. Собственно, это сравнение больше всего подходило к состоянию Андрея, который приступил к полной крутых поворотов и неожиданных опасностей работе в Администрации Президента.

16 марта 1993 года, вторник, утро

Москва. Лубянка. Министерство безопасности.
Кабинет начальника отдела УБКК

Полковник Вахромцев листал документы и никак не мог отделаться от мысли о том, что вес написанное в них — полный бред. Он, уже довольно опытный контрразведчик, немало лет посвятивший борьбе с организованной преступностью, впервые сталкивался со столь наглыми действиями. Конечно, он осознавал, что после девяносто первого года в стране сложились исключительно благоприятные условия для проникновения криминала во власть. Примеров тому было немало. Но то, что не только бандиты и уголовники, но и настоящие фашиствующие молодчики могут создать себе прочные позиции во властных структурах, казалось ему явным преувеличением.

На стол к начальнику отдела УБКК — Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией — ложилось немало докладных записок, агентурных сообщений, сводок оперативно-технического контроля и наружного наблюдения, которые прямо или косвенно свидетельствовали о том, что в стране поднимает голову неофашистское движение. Это были важные обстоятельства, характеризующие оперативную обстановку, но в принципе противодействие экстремистским проявлениям находилось в ведении другого подразделения Министерства безопасности — Управления по борьбе с терроризмом, или сокращенно УБТ. Вахромцева же эти вопросы интересовали лишь постольку, поскольку могли быть связаны с высшими эшелонами власти.

Хлеб у полковника Вахромцева был явно не сладкий. Получать информацию о коррупции в святая святых власти, добывать сведения о возможных преступных намерениях должностных лиц, сидящих «за стеной» или за стенами комплекса зданий на Старой площади, приобретать источники информации в окружении сильных мира сего — было делом не только трудным, но и чрезвычайно опасным. В воздухе еще висел туман ненависти к органам госбезопасности, поднявшийся в дни августовского путча. Некоторые из тех, кто требовал распустить КГБ, привлечь к ответственности всех чекистов, запретить им впредь занимать какие-либо должности в государственных структурах и тем самым искоренить «гнусные семена чекизма», обладали большим влиянием. Они сидели в громадных кабинетах, выступали в роли советников, занимали ключевые позиции в средствах массовой информации и различных негосударственных организациях, прибрали к рукам крупные

государственные объекты, превратив их в мощные бастионы личной собственности, способные финансировать любую грязную пропагандистскую акцию.

Даже самые мягкие попытки органов безопасности остановить вползание преступности во власть встречали такое ожесточенное сопротивление нового чиновничьего аппарата, верхний срез которого в значительной степени состоял из нуворишей, что создавало реальную угрозу для сотрудников Министерства безопасности, которых тут же обвиняли в попытках воссоздать репрессивный механизм тридцатых годов, «задушить молодую демократию», «посеять в обществе вражду и ненависть». У многих от таких обвинений пропадала охота проявлять хоть какую-то активность в этом направлении. У многих, но не у всех. Во всяком случае, не у полковника Вахромцева, который отличался напористым характером, обладал исключительной силой воли и притупленным чувством самосохранения. Придя уже давно в органы госбезопасности и со временем став сотрудником подразделения по борьбе с организованной преступностью, он буквально, если не сказать прямолинейно, понимал стоящие перед ним задачи и никогда не пытался найти для себя способ избежать возникающих трудностей или, тем более, отыскать оправдание для бездеятельности. За это Вахромцева уважали подчиненные и недолюбливали начальники, считающие его недальновидным, а иногда и просто безрассудным человеком.

Перед глазами полковника Вахромцева лежало информационное сообщение, только что положенное ему на стол одним из сотрудников отдела, побывавшим на встрече со своим доверенным лицом и аккуратно изложившим содержание беседы в привычной для каждого оперработника форме. Написанное размашистым почерком на формализованном бланке, оно содержало информацию человека, работающего на Старой площади в одном из обслуживающих подразделений администрации и сообщавшего некоторые ставшие известными ему факты.

В основном это были данные о всякого рода нарушениях режима, различных недостатках в деятельности обеспечивающих служб. Человек этот не был вхож в высокие кабинеты, был не очень грамотным и пользовался в основном результатами своих собственных наблюдений да тем, что слышал от сослуживцев, не пренебрегая слухами и домыслами. Таких сообщений Вахромцев за свою долгую карьеру онера прочитал тысячи и, может быть, пробежав тазами эту очередную «шкурку», как именовали в чекистской среде подобные документы, он дал бы указание

подшить бумагу в дело, написав дежурную резолюцию, если бы не одно место в тексте, наткнувшись на которое, он был немало озадачен.

«… Когда я спросил К., на какие деньги он хочет сделать ремонт, то К. сказал мне, что подвернулась халтура. Тоща я спросил, что за халтура. К. мне ответил, что ему дали выполнить один левый заказ — отпечатать полтысячи бланков удостоверений и тысячу спецталонов на машину. Я спросил его, кто заказчик этих бланков, а К. сказал, что это тот парень, который работал в охране в прошлом году. Потом мы поговорили еще о всяких мелочах и я снова спросил его про того парня. К. но секрету сказал мне, что этот парень, зовут его Григорий, работает в одном охранном агентстве и когда-то якобы служил в милиции. Больше ничего К. про него не знает. Он знает только то, что офис, где работает К., находится на Новой Басманной…»

Тут же к сообщению источника была приколота справка оперработника, в которой говорилось, что среди всех учреждений, предприятий и фирм, расположенных на Новой Басманной, есть только одно охранное агентство, которое называется «Страт». Его генеральным директором является Григорий Александрович Рыбин, 1966 года рождения, русский, бывший сотрудник органов внутренних дел, несколько лет назад уволенный со службы за полную профнепригодность и моральную нечистоплотность.

«Похоже, что это именно он», — подумал Вахромцев. Разумеется, ему было известно, что в Москве действовали уже сотни охранных структур, которые были буквально нашпигованы бывшими сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб. Многие офицеры МВД и КГБ, разочаровавшиеся в службе, деморализованные постоянными нападками со всех сторон, уставшие от невнятных реорганизаций и потерявшие веру в свое профессиональное будущее, в начале девяностых писали рапорты и уходили «на вольные хлеба», надеясь найти себя в новой жизни, оказаться востребованными в охватившей страну рыночной стихии. Большинство из них были вполне порядочными людьми и далеко не самыми худшими работниками. Просто они не смогли адаптироваться к новым условиям и посчитали для себя лучшим выходом из создавшейся ситуации — искать приложения сил в гражданской жизни. Частью из них руководили чисто материальные мотивы — жить на зарплату офицера было очень трудно, а соблазнов вокруг возникло множество. Повсюду создавались коммерческие структуры, всякие гам ООО и АОЗТ[35], вовсю действовали совместные предприятия, как грибы росли обслуживающие их структуры — охранные, юридические, аналитические.

ИНФОРМАЦИЯ: «Несмотря ни на что у меня ни разу не возникали мысли уйти со службы, бросить все и погнаться за набирающим ход поездом рыночной экономики. Может быть, я мог стать неплохим бизнесменом, но внутри у меня все сопротивлялось даже самой мысли построить карьеру за пределами государственной службы. Наверное, возникшая еще в юности потребность служить интересам государства определила дальнейший жизненный курс. Другое дело, что в те годы безвременья мне часто приходилось задумываться о том, чем я буду заниматься, если вдруг окажусь на улице. Тем более, что периодически появлялись основания для таких раздумий» *(Из воспоминаний А.П Орлова)*.

Безусловно, среди сотен и тысяч бывших работников органов госбезопасности и внутренних дел находились и такие, которые уходили со службы не но своему желанию, а увольнялись но негативным статьям — за нарушение дисциплины, пьянство, неспособность решать профессиональные задачи. Некоторые, будучи уличенными в использовании служебного положения в личных целях, когда, например, они начинали помогать тем или иным коммерческим фирмам, выдавая служебную информацию или прикрывая противоправные действия коммерсантов, изгонялись из органов по компрометирующим основаниям. Потом некоторые из них говорили, что подверглись преследованию за свои демократические взгляды и суждения. Поди проверь, как оно было на самом деле!

К началу девяносто третьего года каждая уважающая себя фирма обзаводилась своей собственной службой безопасности или прибегала к помощи охранных предприятий, которые должны были защитить ее от накатов конкурентов, добывать коммерческие секреты, улаживать дела с криминалом и правоохранительными органами. Как грибы после дождя росли охранные структуры, которые обзаводились собственными специальными техническими средствами и автотранспортом; создавали конфиденциальные компьютерные банки данных, нашпигованные компроматом; выполняя волю заказчиков, внедряли своих людей в конкурирующие фирмы и работали по окружению охраняемых объектов.

Появление колоссального числа полу профессиональных структур, работающих на одном поле с правоохранительными органами и спецслужбами, становилось предметом особого

беспокойства последних. Ведь частные охранные фирмы обладали несоизмеримо большими материальными ресурсами, чем государственные структуры. Они могли позволить себе ездить на иномарках, в то время как чекисты и милиционеры должны были довольствоваться «жигулями», «москвичами» и в лучшем случае «вошами». Они могли закупить за рубежом новейшие технические средства визуального контроля, которые были не но карману государственным органам, находившимся на голодном бюджетном пайке. Они могли совершенно свободно разъезжать по стране, выполняя заказы своих патронов, тратя на авиабилеты и роскошные гостиничные номера громадные деньги, в то время как их оставшиеся на государственной службе коллеги считали последние копейки, предпочитая передвижение в плацкартном вагоне и размещение в дешевых номерах гостиниц с облезлыми стенами, шатающимися стульями и тараканами в ванных комнатах.

В конце справки, которую рассматривал Вахромцев, имелась маленькая приписка от руки, сделанная оперработником, о том, что упомянутый в документе генеральный директор охранного агентства проходит по делу оперативной разработки, которое ведет

Управление по борьбе с терроризмом. Дело это касалось одной из самых крупных националистических, полуфашистских организаций, деятельность которой вызывала уже серьезные беспокойства у контрразведчиков.

«Вот так номер! — подумал Вахромцев. — Выходит, здесь мы имеем дело не просто с криминалом, который хочет заполучить для себя хорошие „ксивы“. Таких случаев немало. Но эта ситуация, похоже, куда опаснее. Если организованная группа неофашистов предпринимает такие энергичные шаги по вопросам обеспечения собственной безопасности и для этого готовит солидные документы прикрытия, то речь может идти о подготовке какой-то серьезной и масштабной акции или развертывании активной деятельности. Но как они могли разместить заказ на изготовление бланков удостоверений и спецталонов в администрации?»

Вахромцев поднял трубку телефона оперативной связи, набрал какой-то номер и сказал, обращаясь к своему подчиненному:

— Саша, я все посмотрел. Срочно сходи в УБТ[36], найди разработчика и познакомься с делом. Если нужно, я позвоню. Да… подготовь запрос на Рыбина и свяжись с Главным управлением охраны. Понял? Давай, быстро!

* * *

Через два часа полковник Вахромцев уже листал пухлое дело, содержащее материалы о деятельности неофашистской организации, членом которой являлся Григорий Рыбин, заказавший изготовление удостоверений и спецталонов в типографии Главною социально-производственного управления.

Как следовало из материалов дела, летом 1990 года в одном из подмосковных поселков собралась группа людей, решившая создать националистическое движение «Русская национальная акция», или сокращенно РНА. Подискутировав немного на тему, чем должны заниматься настоящие русские националисты и «патриоты» в период усиления «жидо-масонского господства» в стране, они решили объявить свое сборище учредительной конференцией и зарегистрировать организацию, как этого требует закон. Среди участников тайного сборища было немало зеленых юнцов, которых прельщала ложная романтика боевых отрядов, напоминающих гитлеровских штурмовиков, громивших магазины еврейских торговцев и марширующих по улицам городов среди оцепеневших от страха граждан. Но было на «конференции» и немало мужчин в зрелом возрасте — в основном бывших военных, спортсменов и сотрудников закрытых научно-исследовательских институтов, влачащих жалкое существование из-за развала советской оборонки. В их числе оказалось и несколько рядовых работников правоохранительных органов, которых уже не вдохновляла борьба с преступным миром и стояние в многочасовых оцеплениях во время охвативших всю страну митингов.

Организация была построена на жестких принципах субординации, почти как военная структура. Она имела свою штаб-квартиру, во главе которой стоял человек, бывший некогда комендантом студенческою общежития, а затем инструктором по рукопашному бою. В члены РНА принимались все желающие, но после длительною собеседования и тщательного отбора с учетом состояния здоровья. Хилые и больные, лица еврейской и цыганской национальности, а также выходцы с Кавказа и из Средней Азии в организацию не допускались.

В короткие сроки членам организации удалось прибрать к рукам брошенный военный городок в Подмосковье, оставшийся после расформирования одной воинской части, отремонтировать казарму и несколько хозяйственных построек, переоборудовать их для нужд организации. Целыми днями на плацу маршировали, отрабатывая строевые приемы, юнцы, облаченные в темно-коричневые куртки. Командирами отделений стали бывшие

офицеры, часть из которых прошла «Афган» и некоторые «горячие точки».

После августовских событий 1991 года, когда в стране началась вакханалия разрушения, а правоохранительные органы и госбезопасность впали в состояние оцепенения, «Русская национальная акция» развернулась во всю мощь. Новые коричневорубашечники не стеснялись уже выходить на улицы, маршировать под изумленными взглядами горожан, отдавать друг другу приветствие, вскидывая руку вперед и вверх, как это делали некогда немецкие нацисты. Происходило то, чего не мог представить себе никто — в стране, победившей фашизм и понесшей от него самые ужасные потери, стали поднимать голову последователи Гитлера, причем нисколько не стесняясь и не скрывая этого. Власть, а ее фактически не было, никак не реагировала на появление коричневорубашечников, которые стали действовать все более активно и дерзко.

Очень скоро на подмосковных базах РНА стали звучать хлопки выстрелов — в рядах неонацистов появилось оружие, разумеется, сначала чисто спортивное. Но это давало возможность приступить к отработке приемов стрельбы и фактически начать формирование боевых отрядов по типу гитлеровских штурмовиков.

Вахромцев долго листал дело, прежде чем наткнулся на материалы, в которых упоминался интересующий его Григорий Рыбин. Наконец среди многочисленных справок и сводок он обратил внимание на ксерокопию милицейского протокола, в котором описывался случай, произошедший в конце девяносто второго года в одном из районов на юге Москвы. Группа боевиков, среди них был и Рыбин, ворвалась в частную квартиру, служившую притоном для наркоманов и проституток. Они учинили там полный погром, избивая «отбросы общества» и круша все подряд, что оказывалось на их пути. Они буквально «повязали» всех присутствующих, а там было не менее пятнадцати человек, «конфисковали» у них наркотики, деньги, ценности и даже оружие, но радиостанции, работавшей на милицейской волне, вызвали наряд милиции и вместе с прибывшими стражами порядка доставили задержанных в отделение. В протоколе указывалось, что все конфискованные предметы были сданы в милицию, но на полях, по-видимому, рукой оперработника была сделана надпись: «По информации доверенного лица часть вещей (деньги и холодное оружие) сдана не была».

В справке, следующей сразу за милицейским протоколом, сообщалось о том, что этот отряд РНА уже больше полугода

сотрудничал с милицией, совершая рейды по наркопритонам, логовам сутенеров и квартирам проституток, оказывая тем самым неоценимую услугу в борьбе с преступностью и заслужив репутацию помощников милиции, как это в свое время было с народными дружинами и комсомольскими оперативными отрядами.

К началу девяносто третьего у организации РНА было уже не менее тридцати региональных отделений в разных городах страны, где открыто действовали отряды коричневорубашечников, все более активно включающиеся в работу по «наведению общественного порядка и очищению общества от деклассированных элементов». Они выполняли функции охранных структур, привлекались к обеспечению порядка во время различных массовых мероприятий, особенно когда собиралась многотысячная толпа молодежи на какой-нибудь рок-концерт или футбольный матч. По-видимому, у «Русской национальной акции» появились крупные спонсоры, так как в короткие сроки организации удалось взять в аренду десятки спортзалов и тиров, переоборудовать несколько заброшенных пионерских лагерей и загородных детских садов в тренировочные базы, одеть, наконец, всех членов РНА в добротную униформу. Откуда шли средства, материалы дела не говорили, но перечень крупных российских и зарубежных фирм, с которыми организация имела деловые отношения, говорил сам за себя.

«Но что же все-таки их связывает со Старой площадью? — задавал себе вопрос Вахромцев, не находя на него ответа в деле. — Какие же каналы надо было задействовать, чтобы разместить заказ на изготовление такого большого числа бланков фактически липовых удостоверений и спецталонов в эпицентре власти?»

Он набрал четырехзначный номер телефона оперативной связи. На том конце провода ответили.

— Зайди. Мне здесь не все понятно, — отрывисто сказал Вахромцев.

— Есть, товарищ полковник.

Через парту минут перед Вахромцевым на стуле сидел его подчиненный — оперработник, уже несколько дней занимающийся проверкой информации, полученной на Рыбина.

— Саша, ты мне вот что скажи, — задумчиво проговорил Вахромцев, — откуда у этого Рыбина такие связи в администрации? Источник говорит, что он, вроде, работал… Как тут сказано? Вахромцев открыл дело на предусмотрительно заложенной им закладке, пробежал строки сообщения и, найдя то, что искал, продолжил фразу: — Вот: «…Я спросил его, а кто

заказчик этих бланков, а К. сказал, что это тот парень, который работал в охране в прошлом году». Саша, это что? В какой охране он работал в прошлом году? Ты чего-нибудь понимаешь?

— Да, Александр Васильевич. Я не стал здесь писать все эти подробности. Источник рассказал мне, что этот Рыбин работал в девяносто втором в охране зданий на Старой площади. Когда ликвидировали ЦК, это было еще в девяносто первом, через некоторое время заменили охрану. Сначала поставили милицию, а йотом… Потом появилась охранная структура… Я не знаю, кто принимал решение пустить ее туда. Наверное, были какие-то… может, распоряжения или что другое… В общем они там несли охрану на КПП, внутри зданий, контролировали вывоз и ввоз имущества… Как говорится, осуществляли внутриобъектовый режим.

— И долго они его осуществляли?

— Да где-то до весны прошлого года. Потом их опять заменили, но уже на сотрудников Главного управления охраны.

— Так, ты выясни все подробно, пожалуйста. Где они несли службу, на каких объектах. Раздобудь списки этих охранников. Они должны где-то быть…

— Александр Васильевич, я уже узнал все это. Ничего нет. Никаких списков, вообще никакого делопроизводства не осталось. Да его и не было!

— Как это?

— Там такой был бардак! Одних выгнали, другие въезжали. По десять раз меняли кабинеты. То одни там, то другие… Работала Генеральная прокуратура, всякие комиссии… А имущество! Вывозили грузовыми машинами! Неразбериха была такая! Поэтому никто ничего точно не знает. Известно только, что охранники эти были из охранного агентства «Страт», руководителем которого является Рыбин.

— Так. Понятно. А про Рыбина?

— Про пего кое-что известно. Двадцать семь лет. Москвич. Живет в Измайлово. После школы работал на электроламповом заводе, потом армия. После службы поступал в институт, кажется МГИМО. Но не поступил. Закончил Черкизовскую среднюю школу милиции, стал работать во вневедомственной охране. Постоянно нарушал дисциплину — прогулы, пьянки, два раза его уличили в том, что пытался вывезти с охраняемого объекта какие-то стройматериалы. Потом фактически взяли с поличным, когда ему давали взятку за оформление липовых документов на вывоз дорогостоящего оборудования. Хотели возбудить дело, но не стали. Просто уволили со службы.

— А откуда ты все это знаешь? — удивился Вахромцев. — В

деле же этого ничего нет.

— Так я, Александр Васильевич, уже позвонил «москвичам». Они быстро навели справки и вот только что отзвонились. Если нужно — готовы передать нам все, что наковыряют.

— Оперативно! — отметил обычно скупой на похвалу Вахромцев.

— Стараемся, — довольный оценкой начальника, ответил оперработник.

— Еще что-нибудь есть?

— Есть. Про Рыбина еще известно, что он вместе со своими «дружбанами» организовал частное охранное агентство, зарегистрировал его и начал работать с разными фирмами. Связи у пего остались. Через них он нашел место для офиса. На Новой Басманной. Развернулись они быстро. Он перетащил к себе еще несколько человек из милиции, из КГБ, офицеров, уволенных из армии. У него там есть и афганцы, и спецназовцы бывшие. В общем, довольно профессиональная команда.

— Сколько всего человек-то?

— Да около полусотни, кажется.

— Немало.

— Да. Ну вот. А потом — девяносто первый год. Путч этот. Не знаю как, но… уже в сентябре вся эта команда оказалась на Старой площади. А сам Рыбин стал комендантом… не то одного какого-то здания, не то всего комплекса. Точно пока сказать не могу.

— Так. А теперь, Саша, скажи, какое отношение он имеет к фашистам. К этой РНА?

— Здесь, Александр Васильевич, информации у меня пока очень мало. Вот только то, что в деле, да еще я поговорил с разработчиком.

— Ну и что тебе известно?

— Известно, что Рыбин является не просто членом РНА, но и одним из руководителей «Русской национальной акции». Отвечает он там за внешние связи.

— За что? Какие внешние связи?

— Ну, так у них вроде называются отношения со всякими государственными учреждениями и зарубежными организациями.

— А что, они и с зарубежом сотрудничают?

— Да, и очень интенсивно.

— Сам Рыбин часто выезжает за границу. Очень много ездит но странам СНГ, больше всего но Средней Азии.

— Это уже интересно.

— Да. И убэтэпшики[37] этим уже занимаются.

— Ты мне скажи вот что. В деле есть о том, что Рыбин сам

принимал участие в налете на наркопритон. Он что, был там как руководитель охранного агентства или… Как тут все это увязывается — фашисты, охранники, наркопритоны и… Старая площадь? Мне непонятна, как бы это сказать, сфера интересов этих людей, в том числе этого Рыбина.

— Александр Васильевич, мне пока тоже это не ясно. Я собираюсь встретиться с ребятами из ГУО[38], наверное, что-то мы сможем прояснить.

— Давай делай это не откладывая. Только наша задача, сам знаешь. Все эти фашистские вещи пусть отрабатывают наши коллеги из подразделения антитеррора. Наше дело — оградить администрацию от всей этой швали. Ну и, конечно, в первую очередь пресечь эту аферу с удостоверениями и спецталонами.

— Понял, товарищ полковник.

— Быстро все выясняй. Встречайся еще раз со своим информатором. Если нужно — переговори с кем-то из работников типографии. Только очень осторожно. Не спугни! А я подумаю, как нам довести информацию до руководства Администрации Президента. Давай, действуй!

Когда оперработник вышел из кабинета, Вахромцев встал из-за стола, подвигал плечами и даже покрутил немного головой.

«Засиделся за бумагами. Даже шею ломит, — подумал он. — Эх, сейчас бы куда-нибудь за город! Побродить по лесу. Хотя еще холодно и кругом снег, все-таки чувствуется дыхание весны. А это всегда вселяет какие-то надежды и чувство трепетного ожидания чего-то нового, волнующего душу, привносящего в жизнь ощущение новизны и возрождения. Что-то я не о том, — поймал себя на мыс™ Вахромцев. — Надо закончить с делом, а потом можно будет расслабиться».

Он снова набрал номер телефона оперсвязи.

— Добрый день, Евгений Борисович, это — Вахромцев.

— Здравствуй, Александр Васильевич.

— Слушай, мы с тобой уже не раз говорили. Надо бы нам в администрацию сотрудника направить. Ну… официально, конечно. Прикомандировать специально по нашим делам. А то работать просто невозможно. Доходим до дверей, а там… Вот сейчас…

— Подожди, Александр Васильевич. Сотрудники у нас там есть. Ты знаешь это. Правда, они работают не по твоей части. Но вот с понедельника там начал работать еще один наш человек. Орлов Андрей. Ты ж его знаешь!

— Уже работает? А где?

— В самом важном месте — в кадрах. Замыкается прямо на Филатова. Ты же Андрея-то знаешь? Он работал у Иваненко

помощником. Еще в АФБ[39] России.

— Знаю, как же!

— Так вот, давай связывайся с ним и решай все, что тебе нужно. Только смотри, Александр Васильевич, парня не засвети. Не подставь cm под удар. Знаешь, как трудно было решить вопрос о его прикомандировании! Баранников сомневался. Если б не Сергей Вадимович, а именно он рекомендовал его Филатову, то ничего бы не вышло. В общем, действуй, но с умом!

— Спасибо, Евгений Борисович! — как-то без особого энтузиазма ответил Вахромцев и, попрощавшись, положил трубку.

Да, конечно, Вахромцев знал Орлова. Правда, о том, что он уже не работает заместителем начальника управления и прикомандирован к Администрации Президента, он не знал. Хотя его, начальника отдела УБКК[40], работающего непосредственно с аппаратами высших органов государственной власти, должны были поставить в известность о таком решении. Но, когда вопрос рассматривался на уровне высшего руководства, зачастую он узнавал только постфактум о появлении новой фигуры в сфере своих оперативных интересов. Так уж устроена система выработки и принятия кадровых решений — тот, кому надо знать о них в первую очередь, узнают позже всех.

До сих пор Вахромцев сталкивался с Орловым лишь эпизодически — на каких-то совещаниях, при решении отдельных вопросов общеминистерского уровня. Ведь Орлов занимался всей «штабной» работой, а это неизбежно втягивало в круг его общения абсолютное большинство руководителей структурных подразделений Министерства безопасности.

Вахромцев знал об Андрее Нетровиче Орлове еще до того, как они познакомились друг с другом. Помощник председателя КГБ России, разумеется, был на виду. Особенно в то время, когда на комитет накатывались мощные волны грядущих потрясений. Созданная но инициативе Ельцина структура государственной безопасности России выстраивалась в русле политики российского руководства, неизбежно втягиваясь в те противоречия, которые возникали между Горбачевым и Ельциным. Августовский путч, ставший апогеем противостояния, но сути дела, предопределил дальнейший ход событий — развал страны, экономические потрясения, разрушение системы управления. Органы КГБ, в том числе российские чекисты, оказавшиеся в капкане политического противоборства, не позволили вовлечь вооруженных людей в пучину социального конфликта, сделали все для того, чтобы избежать кровавого сценария, как это было в Румынии или Югославии. Они смогли

удержать общество от сползания в хаос и, но сути дела, предотвратили гражданскую войну.

Однако внутри госбезопасности события стали принимать драматический оборот. Выдача Бакатиным схемы прослушивающей аппаратуры в строящемся американском посольстве, попытка объединения органов КГБ с МВД, провалившаяся из-за принципиальной позиции Конституционного Суда, назначение Баранникова министром безопасности, непрекращающиеся проверки и расследования — все это вносило нервозность и сумятицу в деятельность органов, всегда гордившихся исключительным порядком и дисциплиной.

После ликвидации АФБ[41] и создания Министерства безопасности произошла первая большая перетасовка личного состава, разметавшая людей по вновь создаваемым подразделениям и положившая начало цепи реорганизаций на годы вперед. Начался неудержимый отток кадров и мучительный поиск форм работы в новых условиях. Правда, справедливости ради надо сказать, что министр безопасности Баранников, в прошлом возглавлявший МВД России, вопреки негативным ожиданиям не разрушил систему органов, хотя, пользуясь безграничным доверием Президента, мог это сделать без особых усилий.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «В 1992–1993 годах Баранников в будущность свою министром безопасности, фактически спас органы от гибели. В связи с этим я не могу забыть один эпизод. Однажды я зашел к Саше Серебрякову[42], а он только что вернулся от Починка и чуть не плачет. Спрашивает меня: „Что делать? Нечем выплачивать зарплату. Денег нет! А один деятель в Минфине, издеваясь, говорит, мол, мы КГБ разрушили, а теперь и Министерство безопасности додавим!“ Я говорю Саше: „Иди к министру“. Он пошел к Виктору Павловичу. Тот поднял трубку и быстро решил вопрос…» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992–1993 годах — начальника управления Министерства безопасности).***

К подполковнику Орлову у полковника Вахромцева было двойственное отношение. С одной стороны, он казался ему умным, деятельным человеком, который внимательно выслушивал собеседника, говорил четко и аргументированно. Он производил впечатление компетентного сотрудника, инициативного и небезразличного к окружающим его вещам. Когда ему попадались документы, подписанные Орловым, всякий

раз он находил их достаточно грамотными с оперативной и управленческой точек зрения. Да и как оно могло быть иначе — ведь Орлов когда-то работал в Инспекторском управлении — кузнице руководящих кадров бывшего Комитета государствешюй безопасности.

С другой стороны, Вахромцев испытывал некоторое предубеждение к Орлову, в основном под воздействием того, что ему приходилось слышать об Андрее Нетровиче от сослуживцев. Одни говорили, что он интриган и, работая помощником председателя Российского КГБ, был одним из тех, кто пользовался наибольшим влиянием на Иваненко, своего рода «серым кардиналом». Другие вспоминали, что Орлов был в дни августовского путча в Белом доме, а значит, как им казалось, был на стороне тех, кто призывал к всеобщему развалу. Да еще его видели вместе с Боннэр[43], этой…

И дальше следовали такие эпитеты, которые неудобно даже употреблять в приличной компании. Третьи указывали, что Орлов привлекался к проверке министерства, которая проводилась по указанию Верховного Совета, а это означает, что он… А что это означает, никто не знал. Как не знал, конечно, этого и сам Александр Васильевич.

> **ВОСПОМИНАНИЯ: «Как-то ко мне пришел Вахромцев. Я спросил его об Орлове. Он мне говорит: „Я плохо его знаю. Он в верхах все время крутился. Поэтому я настороженно к нему отношусь. Ничего плохого про него сказать не могу, но… лучше поостеречься“»** ***(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).***

В общем, в глазах Вахромцева Орлов был странной фигурой с невнятной позицией и еще более невнятными связями. А теперь, когда он стал сотрудником Администрации Президента, да еще который замыкается напрямую на Филатова, одного из самых влиятельных людей в окружении Ельцина, личность Орлова не вызывала у полковника Вахромцева большого доверия.

Люди со сложными изгибами в биографии, суть которых, как правило, остается неясной для большинства окружающих, всегда вызывают настороженность и даже опасения. Кто он? Чей он человек? Кто за ним стоит? — типичные для всех нас вопросы, на которые чаще всего мы не находим ответа. Поэтому мы выстраиваем для себя самих свою собственную версию, на которую нанизывается следующая, затем другая, третья. И вот ответ готов: и мы легко навешиваем на человека тот или иной

ярлык, нисколько не заботясь о том, справедливо наше мнение о нем или нет.

ИНФОРМАЦИЯ: «Мне всегда казалось странным, когда человека определяют по принадлежности к кому бы то ни было. Очень часто говорят: „Он человек того-то“, подразумевая при этом, что он не самостоятелен в решениях и поступках, что он в полной мере зависит от какой-то влиятельной фигуры, а сам по себе ничего не представляет. Сначала меня считали „человеком Иваненко“, потом „человеком Степашина“, еще через некоторое время „человеком Филатова“, а спустя несколько лет „человеком Алмазова“, „человеком Бооса“, „человеком Вешнякова“ и даже „человеком Чурова“[44]. Меня это всегда удивляло, поскольку я никогда не был ничьим человеком. Я всегда был самостоятельным, разумеется, в тех пределах, которые позволяла мне служебная субординация, и не помню случая, чтобы поступил против своих принципов и совести в угоду вышестоящему начальнику. Впрочем, возможно, быть чьим-то человеком легче?» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

В который уже раз за этот день Вахромцев набрал номер телефона оперработника, занимающегося делом фальшивых удостоверений и спецталонов.

— Саша, узнай телефон Орлова. Он был заместителем начальника управления, а теперь работает в Администрации Президента, в кадрах. Сейчас же свяжись с ним. Сначала все прозондируй, ни с какими документами его не знакомь, ничего не показывай. Встретишься с ним — доложишь. Потом посмотрим, посоветуемся. Может быть, привлечем его для решения нашей задачки. Но не факт. Понял?

— Понял, товарищ полковник. Сейчас разыщу.

— Давай, только не тяни. Сам знаешь, время не терпит.

Вахромцев встал, подошел к большому окну, из которого открывался вид на дома между Рождественкой и Пушечной — сплошное море зеленых, салатовых, серых, а большей частью ржавых крыш, утыканных частоколом телевизионных антенн и разнокалиберными столбиками печных труб. Где-то посередине между домами проглядывалось свободное пространство, по которому между торговыми палатками, похожими на скворечники, сновали фигурки людей — там был вход на станцию метро «Кузнецкий Мост».

«Да, наступило время, что не поймешь, где свои, где чужие. Разберись теперь, кому можно доверять, а от кого надо бежать, как черт от ладана», — с горечью думал Вахромцев.

Он понимал: любая утечка информации о том, что в недрах администрации стали орудовать фашисты, чревата серьезными последствиями. С одной стороны, попади эти сведения в прессу, журналисты тут же раздуют такой скандал, что Вахромцева, конечно, но головке не погладят. С другой стороны, у этого Рыбина, вполне очевидно, есть покровители, если не сказать сообщники, на Старой площади, которые наверняка имеют свой интерес к афере с липовыми документами. И надо полагать, руки у них длинные. Настолько длинные, что вполне смогут дотянуться до какого-то там начальника отдела Министерства безопасности. Да и Баранников, скорее всего, не захочет связываться с ними. Ведь в любой момент его самого могут упрекнуть в том, что он посмел вторгнуться в святая святых «демократической власти». А от этого всего лишь шаг до обвинения в возрождении «чудовищной машины тотальной слежки». Именно такой ярлык за последние годы успели навесить на органы безопасности.

Впрочем, у Вахромцева особого выхода не было — либо немедленно докладывать о факте изготовления фиктивных удостоверений и спецталонов по команде, а это почти наверняка означало бы просто похоронить дело, либо действовать на свой страх и риск, продолжая раскручивать дело через своих людей, которые работали в администрации. Вопрос был лишь в том, чтобы не промахнуться и наверняка знать, кто свой, а кто чужой.

17 марта 1993 года, среда, вечер

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Орлов взял пачку сигарет, покрутил ее в руке и снова положил перед собой. Пепельница была полна окурков и выглядела препротивно. От одного взгляда на нее Андрея слегка замутило.

«Накурился — дальше некуда! — с отвращением подумал он и посмотрел на часы. Было около семи. — Что ж они медлят? Неужели не получилось? Вроде, все было сделано, как договаривались. Пропуска им выписали, сотрудник их должен был провести прямо к месту. Тех, кто мог бы помешать, — нет в типографии. Почему не звонят?» — задавался вопросом Орлов.

Вот уже полтора часа он ждал информации от оперработника, который вместе со своими коллегами должен был незаметно изъять из общей пачки уже готовой типографской продукции несколько образцов. По меньшей мере но два удостоверения и спецталона на автотранспорт. Разумеется, делать это приходилось неофициально, чтобы не спугнуть «заказчика» и «исполнителя». Ситуация усугублялась тем, что исполнение заказа на изготовление липовых документов, оформленного с соблюдением всех правил, находилось, как выяснилось только вчера, «на контроле у руководства». А это означало, что весь тираж мог оказаться совсем не там, где ожидали его обнаружить оперативники и, более того, быть недоступным для них.

Привлекать внимание к факту изъятия документов было никак нельзя, так как сотрудники Министерства безопасности проводили эту операцию, хотя и с санкции своего непосредственного руководителя, но все-таки на свой страх и риск. Вполне понятно, что о подобном вторжении следовало предварительно известить руководство управления, в ведении которого находилась типография. Но ваг удалось бы тогда найти хотя бы следы тиража, уверенности не было.

За несколько дней Орлов смог уточнить некоторые обстоятельства, связанные с этим делом. От одного из сотрудников администрации, который работал здесь бессчетное число лет и знал, казалось, обо веем, что творилось на Старой площади в конце девяносто первого, Андрей получил дополнительную информацию о Рыбине.

Действительно, Григорий Александрович Рыбин, генеральный директор охранного агентства «Страт», в течение нескольких месяцев возглавлял службу охраны комплекса зданий на Старой

площади. Когда с ЦК КПСС было покончено, отпала необходимость и в особой охране здания. Да и доверия повой власти к «цепным псам прогнившего режима», по-видимому, не было. Тоща кто-то из новых хозяев зданий принял решение заменить спецохрану, которая «верой и правдой служила коммунистам», на боевиков Рыбина, выдававших себя за высокопрофессиональный отряд борцов за демократию. На смену строгим прапорщикам, въедливо проверявшим удостоверения и паспорта, скользящих пристальным взглядом по лицам входивших в здание, тихо и вежливо произносивших неизменное «Проходите!», пришли развязные парни с манерами блатняков, не то новоявленные рэкетиры, не то ресторанные вышибалы.

Ох уж погужевались эти ребята на бывшем особо важном режимном объекте! Порастаскали старое цековское добро — всякие там громоздкие чернильные приборы из уральских самоцветов, картины, писанные художниками из «братских стран»[45], настольные лампы с зелеными абажурами и книги, книги, книги. Правда, зачем этим ребятам нужны были книги, одному богу известно. Читать их они, конечно, не собирались, а скорее намеревались продать или в лучшем случае украсить ими интерьеры своих квартир. Чего они не брали — так это собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма. Так и оставались лежать на полу в коридорах и подсобках связки некогда очень ценных и всеми изучаемых философских трудов, теперь не нужных новым хозяевам староплощадских кабинетов. В новую жизнь представите™ победившей в августе 1991 года демократии собирались идти, не отягощенные знанием общественных законов развития, рассчитывая все решить с налету — войти в «рынок», создать действенные институты гражданского общества, образовать в стране класс собственников, которые и должны были привести ее к всеобщему благоденствию.

Выясняя обстоятельства «активной деятельности» Рыбина и его сообщников, Орлов все же интересовался прежде всего тем, чем должен был интересоваться сотрудник спецслужбы, работающий «под крышей» в каком-либо учреждении: а не совершили ли эти шустрые ребята что-то такое, что несло в себе угрозу интересам государственной безопасности. Впрочем, само их нахождение

в комплексе зданий, где десятилетиями вырабатывались и принимались самые главные политические решения и поэтому были сосредоточены громадные государственные секреты, было явной угрозой интересам государства. Общеизвестно — люди, привыкшие рассматривать вес через призму своих личных интересов, готовые за хорошие деньги продать не то что секреты,

но и мать родную, способны на вес. А Рыбин и его команда, похоже, были именно такими людьми.

Никаких докладных, справок, других документальных данных о периоде нахождения на Старой площади охранников из «Страта» не сохранилось. Видно, ребята постарались не оставить следов, и это говорило об их достаточно высоком профессионализме. И все-таки Орлов узнал некоторые подробности, заставившие его и сотрудников с Лубянки сильно насторожиться.

Во-первых, было выяснено, что кроме вывоза разного имущества Рыбину удалось организовать вывоз значительного количества документов. Правда, большинство из них, наверное, были несекретными и могли представлять только историческую ценность. Однако сотрудница комбината питания, с которой встретился Орлов, рассказала, как весной прошлого года своими глазами видела громадный трейлер, стоящий во дворе, в который грузили какие-то коробки. Погрузкой командовал Рыбин, а грузчиками были не рабочие из подразделения по эксплуатации зданий и сооружений, а охранники из «Страта». Был уже поздний вечер, когда обычно уже никаких работ на Старой площади не проводилось, кроме, конечно, каких-нибудь ремонтных или авральных. А тут в полутьме такая возня и суета! Вес это работнице общепита тогда показалось крайне странным. Проходя мимо трейлера, она услышала характерный гул погрузочной машины и увидела, как к открытым задним дверям фургона поднимают массивный темный ящик. Он весил, наверное, несколько центнеров, так как охранники, кряхтя и чертыхаясь, с трудом разворачивали его, скатывая с полозьев подъемника. При бледном свете уличных фонарей в темноте поблескивали металлические ручки и маленький барабан размером с консервную банку, прикрепленный к широкой стороне ящика. «Сейф!» — догадалась тогда работница, хотя подобных массивных сейфов опа никогда не видела, разве что в кино.

Во-вторых, группа Рыбина не тратила времени зря и активно вербовала агентуру среди технического персонала. Одному пообещали за то, что он будет регулярно выносить списки телефонов сотрудников администрации, ежемесячную дополнительную зарплату в сто баксов, другому — за более приличное вознаграждение предложили добыть чистые бланки пропусков, третьему, вернее, третьей, а это была девушка, работавшая в машбюро, всегда делать дополнительные копии документов и передавать их новоявленным друзьям из «Страта». В общем, уходя со Старой площади, Рыбин постарался сделать все для того, чтобы сохранить здесь неплохие позиции, как оказалось,

не только информационные.

«Где же они? Почему пет звонка?» — с тревогой думал Орлов. Он понимал, что время уже идет на часы. Заказ на изготовление липовых документов был выполнен в срок и с пятницы лежит в типографии, ждет, когда за ним придет заказчик. Уже сегодня, в среду, Рыбин совершенно свободно мог забрать продукцию, нисколько не опасаясь, что кто-то мог бы помешать этому. То, что чекисты установили сам факт, еще не развязывало им руки. Никто не мог без соответствующих санкций не только изъять удостоверения и спец-талоны, но и просто пройти на территорию типографии. Не говоря уже о том, чтобы задержать, например, Рыбина и его сообщников во время получения полиграфической продукции. Ведь все было оформлено по правилам, никакие законы и никакие внутренние инструкции нарушены не были. А на дворе был не семьдесят девятый, а девяносто третий, когда «никому не позволялось нарушать законные права и интересы российских граждан», а «делать можно все, что не запрещено».

Звонок раздался неожиданно, как это всегда бывает, когда очень ждешь его. Орлов схватил трубку:

— Слушаю!

— Алло! Это…

— Я понял.

— Мы все сделали.

— Все? — переспросил Андрей. — Образцы у вас?

— Да, да. Все. Будем минут через двадцать… В общем, как доедем.

— Звонить могу?

— Конечно.

— Хорошо. Жду.

Орлов с облегчением положил трубку, закурил, глубоко затягиваясь и пуская клубы дыма. Теперь надо было действовать быстро и энергично. И первое, что надо сделать, — позвонить Филатову. Андрей глянул в записную книжку и потянулся к трубке.

Филатов ответил по прямому телефону сразу, как будто ждал звонка:

— Да.

— Сергей Александрович, это — Орлов. Извините, поздно, но…

— Я слушаю вас, Андрей… Э-э…

— Петрович.

— Да, извините, еще не запомнил…Что там у вас, Андрей Нетрович? Что-нибудь серьезное?

— Да, Сергей Александрович, и срочно.

— По телефону не можете?

— Нет. Я хотел бы… сегодня…

— Нет, нет! Сегодня уже поздно. Завтра я не смогу. У меня тут все расписано… Еще встречи… Нет, давайте утром в пятницу. Так… — Филатов, видимо, стал смотреть свое расписание на завтра но компьютеру, — Так… Полдевятого. Нам пятнадцати минут хватит?

— Хватит.

— Хорошо.

Андрей хотел сказать «До свидания», но Филатов, не попрощавшись, уже положил трубку. Орлов еще некоторое время в задумчивости держал у уха трубку, из которой доносились отрывистые короткие гудки, потом все-таки положил ее на аппарат.

«Значит послезавтра. Ну что ж, может быть, успеем опередить этих». — С этой мыслью Орлов машинально записал на листке перекидного календаря: «8.30. Ф.С.А.». Три буквы означали фамилию и инициалы главного кремлевского чиновника России.

Еще через несколько минут Андрей держал в руках новенькое удостоверение, на внешней стороне которого золотыми тиснеными буквами было выведено: «Служба безопасности Президента Российской Федерации». Внутри оно почти ничем не отличалось от удостоверения сотрудника Администрации Президента — тот же двуглавый орел, место для фотографии, четырехзначный номер, дата выдачи, мелкий витиеватый узор. Только графы, где печатаются фамилия, имя, отчество и должность, были пустыми. Очевидно, их должны были заполнить уже сами заказчики.

Ребята привезли еще два спецталона и даже ксерокопию бланка-заказа и накладной. Они были довольны удачей — все удалось сделать как нельзя лучше. Практически никто сотрудников Министерства безопасности не видел, так как в производственные цеха они не ходили, а на складе готовой продукции находилась только заведующая, которая была предупреждена о приходе гостей «для контроля противопожарной безопасности». Они для порядка пощелкали выключателями, пощупали проводку и, улучив момент, когда женщину позвали к телефону, что, разумеется, было тоже не случайно, вытащили из пачки перевязанных тесьмой бланков удостоверений два образца, а из картонной коробки — несколько спецталонов. Вот тебе и типографская продукция строгой отчетности!

В общем, все произошло удачно и в руках оперативников оказались образцы фиктивных документов. А это, можно сказать, уже улики. Во всяком случае Орлов мог в полной уверенности

идти на доклад Филатову, зная, что факт проверен и не вызывает никаких сомнений.

18 марта 1993 года, четверг, вечер

Москва. Улица Крылатские Холмы.
Квартира Орловых

После ужина наступило какое-то умиротворение. Андрей приехал с работы неожиданно рало, у Нины почему-то сегодня было только три урока, а Сережа вообще пришел еще днем, сказав, что учительница заболела и их всех отпустили домой. Когда Андрей сообщил Оле с полдороги, что уже едет, она сказала детям:

— Ребята, папа едет домой! Сегодня ужинать будем вместе!

— Так рано? — удивился Сережа.

— Ведь это же хорошо! Вся семья в полном составе будет ужинать! — Оля улыбнулась и стала доставать сковородку из духового шкафа.

— Мама, я тебе помогу? — спросила Нина.

— Не надо, Ниночка, у меня все практически готово. Осталось только разогреть. Порежь, пожалуйста, хлеб.

И вот спустя час все сытые и довольные ушли в большую комнату.

Квартира у Орловых была не то, чтобы большая, но, как они все считали, достаточно уютная. Три комнаты, холл, кухня и совершенно уникальная лоджия. Уникальность се заключалась в том, что она находилась как раз на стыке двух секций одного дома. Он имел крестообразную форму и у основания креста как раз и находились лоджии, примыкающие «спиной» одна к другой, доступ в каждую из которых осуществлялся из квартир, расположенных в разных подъездах.

В прошлом году Орловы, как и большинство жильцов 22-этажного дома, остеклили лоджию и утеплили се открытую часть. Оля с Ниной носили со стройки кокс и песок, а Андрей с Сергеем засыпали смесь из этих материалов в пустое пространство между внешним ограждением и самодельной кирпичной кладкой. Получилось капитальное и не пропускающее холод сооружение. Тогда все очень устали, но дружная работа дала свои плоды — на зависть веем у них появилась своего рода дополнительная комната, правда гораздо более холодная, чем вся квартира. Зато в ней можно было хранить заготовки на зиму, картошку и другие овощи, инструменты, а также множество вещей, которые неведомым образом накапливаются в любой квартире и начинают вытеснять самих жильцов.

Большая комната была общей. Еще совсем недавно, когда была жива бабушка, это была спальня Андрея с Олей и

одновременно его рабочий кабинет. Но спустя год после смерти бабушки супруги перебрались в самую маленькую комнатку с великолепным видом на всю Москву. Средняя комната была детской, там готовили уроки, читали книги, играли в настольные игры и спали дети — тринадцатилетняя Нина и девятилетий Сережа.

В этот вечер по одной программе телевидения шла занудная передача про какую-то американскую актрису; но другой — беседа с толстым и лысым бизнесменом, который постоянно говорил о том, что надо «дать волю коммерческой инициативе»; по третьей — сериал «Санта-Барбара». Пощелкав еще переключателем программ и не найдя ничего заслуживающего внимания, Андрей предложил:

— А давайте сыграем в нашу игру!

Реакция жены и детей была неоднозначная. Оля нехотя согласилась, но при этом многозначительно посмотрела на часы. Был уже девятый час. Дочь только пожала плечами, что можно было истолковать одновременно как отказ и как согласие. И только Сережа с готовностью поддержал предложение папы:

— Давайте, давайте!

— Андрюша, — смирившись, попросила Оля, — дай я только минутку гляну. Интересно, Мейсон все-таки женится на Джулии или нет?

Нина кивнула в поддержку мамы.

На экране между тем разворачивалась душещипательная история, за которой, наверное, следило полстраны. Сантана ждала ребенка от Си-Си, тот делал ей предложение, но когда у нес произошел выкидыш, бросил се и уехал в другой город. Андрей с нескрываемым отвращением наблюдал за действием, происходящим на экране.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Меня очень раздражали все эти „мыльные онеры“, примитивность и глупость их героев, нарочитый драматизм развивающихся в них событий, бездарная игра актеров. Тратить время на просмотр этой белиберды мне казалось глупым. Но Оля, еще не пресытившаяся хлынувшими на российские телевизионные экраны латиноамериканскими сериалами, была не прочь проследить за хитросплетением надуманных сюжетов. Мне это очень не нравилось, я злился, что она вместо того, чтобы пообщаться со мной в те редкие часы, когда я находился дома, смотрит эти идиотские серии. С тех нор я вообще не могу терпеть этот жанр» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Наконец Оля, по-видимому, сама понимая слащавость и искусственность сюжета «мыльной оперы», с виноватой улыбкой

согласилась:

— Ладно, давайте поиграем. Только чуть-чуть. А то скоро спать. Да, Нинуля? — И она посмотрела на дочь. Та едва заметно кивнула. Долгожданный щелчок вырубил всех этих так ненавистных Андрею мейсонов, си-си, крузов и джулий.

Эта игра уже давно стала в семье Орловых традиционной. Правда, чаще всего в нее играли, когда в доме были гости. Заключалась игра в следующем: играющие разбивались на две команды, и каждая команда придумывала для своих соперников какие-нибудь слова, которые надо изобразить в виде пантомимы, без пояснений и звукового сопровождения. При этом, разумеется, нельзя было указывать непосредственно на какие-либо предметы, которые помощи бы угадать задуманное слово. Когда в игре участвовало много народу, игра получалась смешной и азартной. Попытки участников одной команды изобразить что-то с помощью зачастую странных движений и мимики, всегда вызывали взрывы хохота у другой. Тот, кто должен был донести до своей команды не только смысл, но и само слово, обозначающее какое-то понятие или предмет, старался напрячь все свое воображение, чтобы сделать это наиболее точно и, главное, — доходчиво.

Сначала игра шла довольно вяло, было видно, что жена и дочь без особого желания согласились с предложением Андрея, но затем, но мере демонстрации каждым своей фантазии, появилось что-то вроде азарта.

Первым демонстрировал свои пантомимические способности Андрей. Ему достались слова «пограничный столб». Андрей развернул бумажку, на мгновение задумался, потер рукой лоб и, наклонившись, прочертил по полу невидимую линию. Затем, сделав вид, что удерживает в руке автомат, стал ходить взад-вперед вдоль этой линии, которая, надо полагать, изображала государственную границу. И, наконец, руками изобразил вытянутый вверх предмет со скошенными полосками. Он даже не успел повернуться к сидевшим на диване, как услышал бойкое: «Пограничный столб!» Это была Нина. Она быстрее всех сообразила, что имел в виду папа, и не замедлила дать ответ. Это был хороший признак, так как именно она чаще всего с нежеланием участвовала в этой игре.

Потом была мама. Выйдя на середину комнаты, Оля развернула бумажку с заданием и прыснула со смеха. Некоторое время она, слегка пританцовывая, постояла в задумчивости. Потом стала изображать что-то вроде управления автомобилем — делала вид, что открывает дверь, садится в кресло, крутит руль и переключает рычаг передач. Причем делала это она так искусно,

будто в реальной жизни не раз сидела за баранкой. У Орловых не было машины, а служебная, которой Андрей пользовался как вызывной, была только для того, чтобы добраться поздно вечером до дома. Ни о каких семейных поездках или, более того, о поездках вместе с женой по магазинам не было и речи. Такая убедительная демонстрация Олей работы водителя могла объясняться только ее хорошей наблюдательностью и в некотором роде артистическими способностями.

Андрей смотрел на жену, которая с улыбкой воспроизводила загаданное слово, и любовался ею. Миниатюрная, стройная, с пышной прической темных каштановых волос, она выглядела очень привлекательно, каждый раз вызывая у Андрея едва скрываемое восхищение. Но в этот раз ее привлекательность еще больше повышали черные обтягивающие колготки и темный свитер с абстрактным рисунком. Андрей с трудом улавливал, *что* изображала жена, весь поглощенный тем, *как* это она делала.

А между тем Оля уже несколько раз «объехала» комнату на своем воображаемом автомобиле, затем «выключила мотор» и указала куда-то вперед, где, но ее представлениям, должен был находиться мотор. Довольная своим выступлением, она вопрошающе повернулась к Андрею с Сережей.

— Машина? — неуверенно спросил Сергей.

Мама покачала головой и снова принялась за пантомиму. На этот раз она, «выйдя из автомобиля», переместилась к задней его части, где-то сбоку покрутила рукой, «сняла крышку» и указала пальцем «внутрь».

— Бензин, бензин! — вскрикнул Сергей.

Оля одобрительно кивнула. Затем наступил черед Нины. Она прочитала написанное на листке слово, сконфуженно спросила:

— А можно заменить?

— Нет, заменять нельзя! С какой стати заменять? — категорически возразил Андрей.

— Нельзя, нельзя! — вторил ему Сергей.

— Тогда я не буду! Так нечестно! — обиженно воскликнула Нина. Она положила бумажку на журнальный столик и села. Оля осуждающе посмотрела на мужа.

— Ладно! — сдался Андрей. — Бери другую бумажку.

Нина, минуту подумав, стала очерчивать руками в воздухе громадные круги, потом начала делать вид, что работает лопатой, что окончательно сбило всех с толку. Сережа выкрикивал одно слово за другим:

— Мотоцикл? Мотороллер? Гараж?

— Подожди ты, господи! — не выдержала мама. — Пусть Нина покажет еще!

Нина, едва сдерживая смех, стала опять изображать большие колеса. Тут уже выдвинула свою версию мама:

— Велосипед?

— Нет! — удивилась Нина бестолковости своих партнеров по игре.

— Не пойму, — с удивлением воскликнула Оля. — Показываешь большие колеса и при этом копаешь лопатой! Причем тут лопата?

Наконец, после, наверное, уже десятой попытки, Сергей все же угадал. Оказывается, Нина изображала мусоровоз. Правда, для всех так и осталось загадкой, почему она демонстрировала при этом человека, орудующего лопатой.

Следующим был Сергей. Он, заговорщически улыбаясь, потоптался на месте, построил рожицы, спросил так же как сестра:

— А можно заменить?

Папа опять был непреклонным.

— А что, мне нельзя? Нина заменила, ей можно! Так нечестно!

Повозражав немного, Сережа все-таки согласился, но продолжал стоять.

— Сережа, давай! — уже не выдержала мама.

— Но мне подумать надо же все-таки! — в голосе сына зазвучала обида. Наконец в голове у него, видимо, созрело решение, как изобразить загаданное слово, и он начал демонстрацию.

Сначала Сережа изображал руками какие-то немыслимые круги, показывал, будто рост яму, а потом перепрыгивает через нее. Никто не мог взять в толк, что он имел в виду. Поэтому ему трижды пришлось воспроизводить загаданное слово, прежде чем прозвучало долгожданное:

— Овраг!

На этот раз самой догадливой оказалась мама, в то время как Андрей и Нипа с недоумением пожимали плечами. Они так и не смогли распознать в движениях Сергея даже намека на задуманное слово.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Мне правилось играть с детьми в пантомиму. Я считал, что эта игра развивает воображение, способствует образному мышлению. С некоторых пор мы играли в эту игру почти каждый раз, когда приходили гости. Это вносило в застольный характер праздников веселую струю — все, как малые дети, с азартом включались в

процесс угадывания, что изображает тот или иной участник. Смех и радостные возгласы наполняли нашу квартиру. Действительно, было очень смешно смотреть, как взрослые дяди и тети размахивают руками, строят рожи и ползают по полу, изображая загаданное слово! Не важно — большой начальник, генерал или бизнесмен — все играли с удовольствием. А Иваненко, когда мы его приглашали в гости очередной раз, всегда спрашивал: „А играть будем?“

Но дети чаще всего все-таки стеснялись, особенно Нина. А мне хотелось, чтобы они стали немножко посмелее, ведь, это в жизни точно пригодится. Я сам был в детстве очень стеснительным, и мне это очень мешало» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

Игра продолжалась довольно долго. Сережа вошел в раж, Оля смеялась и с удовольствием изображала разные загаданные предметы и понятая. И даже у Ниш, которая сначала совсем не хотела играть, ушло прочь плохое настроение, и она улыбалась вместе со всеми. Конечно, заводилой всего оставался Андрей. Его неуемная энергия не давала веем расслабиться, но все-таки наступил момент, когда вес почувствовали, что устали и надо заканчивать.

— Ребята, все! Закругляемся! — строгим голосом проговорила Оля.

— Ну, мама! Давай еще! Еще по разику! — запросил Сережа.

— Нет, нет. Завтра рано вставать. Папе тоже на работу. Только один раз, последний! Чья очередь? Папа? Андрюша, давай! И будем отдыхать.

Андрей тоже чувствовал, что надо знать меру, и сразу согласился с Олей. Он взял с журнального столика листок бумажки и развернул его. Корявым почерком сына там было написано: «УДАСТАВИРЕНИЕ». Орлова точно током пронзило. Ведь это слово, пожалуй, чаще всех остальных он упоминал в последние дни. И в разговоре с начальником и оперативными работниками Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией, и в ряде служебных документов, где излагались суть вопроса и меры, предлагаемые для пресечения преступной деятельности некоторых лиц. Пресечение возможности ухода в криминальное поле фиктивных удостоверений «Службы безопасности Президента», изготовленных но заказу Рыбина, было главной задачей Орлова в эти дни. И вот теперь перед ним

стояла задача жестами и мимикой изобразить теперь уже перед своими близкими как раз это злополучное слово, в котором Сережа умудрился сделать сразу три ошибки.

Оля сразу заметила в глазах Андрея неуловимые признаки тревога и спросила:

— Что, Андрюша? Может быть, хватит? Устал, наверное.

— Нет, нет. Я сейчас. Просто… Просто такое совпадение.

— Какое совпадение? — удивился Сережа.

— Нет, я так, о своем.

Оля и Нина не сразу угадали, что изображал Андрей. Сначала подала голос дочь:

— Паспорт?

— Нет, — Андрей еще раз жестами показал, как разворачивает и предъявляет удостоверение, и тут же подумал, а откуда им, собственно, знать, как это происходит. Но тут нашлась Оля. Сначала она произнесла очень близкое: «Пропуск?», а затем сразу:

— Удостоверение?

— Да, угадала! — улыбнулся Андрей. — Именно так: «Удостоверение».

— А почему ты говоришь: «совпадение».

— Просто так. В жизни действительно очень много совпадений. Ну, все! Отлично поиграли! А вы не хотели!

— Замечательно поиграли! — подтвердила Оля и поцеловала Андрея в щеку.

Все это время за ними наблюдал кот Тишка, который расположился в вертящемся кожаном кресле. Всеобщий предмет обожания очень любил находиться вместе со всеми, из-под полуприкрытых глаз наблюдать, кто что делает, и чувствовать себя полноценным членом семьи Орловых.

18 марта 1993 года, четверг, вечер

Москва. 9-я Парковая улица.
Телефонная будка около входа
на станцию метро "Первомайская"

Парень лет двадцати пяти что-то довольно громко говорил в трубку. Проезжающие то и дело мимо автобусы заглушали его голос, и ему приходилось по несколько раз повторять одно и то же. Дверь телефонной будки была приоткрыта, часть стекол в ней отсутствовала. Поэтому все, что говорил молодой человек, было достаточно хорошо слышно проходящим мимо прохожим. Но они, конечно, не обращали никакого внимания на этот ничем непримечательный разговор, каких в Москве можно услышать тысячи на дню.

У пария была спортивная сумка, которую он, зайдя в будку, повесил на чудом сохранившийся крючок. Вся внутренняя панель, на которой висел телефон-автомат, была испещрена надписями и простенькими рисунками. Часть из того, что было нацарапало, не решился бы повторить даже искушенный в матерщине человек. Впрочем, среди похабщины мелькали и надписи на английском языке — наверное, названия каких-то рок-групп или музыкальных клубов.

Из кабины долетали лишь обрывки фраз, услышав которые непосвященный человек вряд ли мог догадаться, о чем идет речь.

— Да я тебе говорю, Гриша, вес будет о'кей! Чего так торопиться? Я уже договорился… Ну, хорошо… А что машина? Да я же говорю… немного… Да, очень… Гриш, не волнуйся! Завтра в два я буду там. Ага… на машине… Пропуск? Есть!.. Ну ты че? У наших у всех — «вездеход»… Да, и на Старую… Как решили… все три пачки… И бумаги эти… бланк-заказ и… Копии? А зачем?… Да брось ты!.. Ну как скажешь!.. Ага… Ага… Он получил уже все… Как договорились… Сразу позвоню… Пока!

Парень резко повесил трубку на рычаг телефона-автомата, подхватил сумку и вышел из будки. При этом он грязно выругался и сильно хлопнул дверью. По всему было видно, что разговор, который он только что закончил, привел его в сильное раздражение. В сторону Сиреневого бульвара от светофора тронулся 55-й троллейбус. Парень, пересекая проезжую часть, устремился к остановке, которая была совсем недалеко — рядом с небольшим кафе, расположенном на первом этаже кирпичного дома. Ему вслед смотрел мужчина с пакетом в руке. Через мгновение он также вошел в будку и стал набирать номер телефона.

19 марта 1993 года, пятница, утро

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? «В Администрации Президента России изготавливают липовые документы для фашистов»! Вы… Вы уверены в э… э-этом? Знаете, Андрей Нетрович, прежде чем что-либо докладывать, вы должны удостовериться в том, что факты эти имеют место на самом деле! Время доносов или… как там это у вас называется «оперативной информации» прошло! Если вы с первого дня начнете…

Филатов задохнулся от негодования. Было видно, что он не на шутку рассержен, даже выведен из себя. И было из-за чего! К нему приходит только что назначенный им сотрудник Управления кадров, в задачу которого входит предотвращение утечки служебной информации, и сообщает пе моргнув глазом о том, что, дескать, в подведомственной ему структуре творится черт знает что! Человек еще не начал работать, не мог успеть еще ни в чем разобраться, а уже пришел с «информацией»!

— Сергей Александрович, то, что я вам доложил, — установленный факт.

Филатов строго посмотрел на Орлова, намереваясь что-то возразить, но не нашел, по-видимому, подходящих слов. Андрей почувствовал отчуждение, резко возникшее между ним и его новым начальником.

«Нечего себе! Только приступил к работе, и на тебе!» — промелькнуло в голове у Орлова. У него возникло ощущение, как будто он в чем-то виноват перед Сергеем Александровичем. Или не так понял свою задачу, или позволил себе сказать что-то лишнее. Он совершенно не ожидал такой реакции на то, что успел выпалить в течение первых двух минут встречи, причем, первой уже рабочей встречи с руководителем администрации! Чувство вины стало напоминать его, парализуя волю и желание продолжать доклад. Но Андрей собрался с духом и с упрямой настойчивостью все-таки произнес:

— Сергей Александрович, я еще раз говорю: это проверенные факты! Если они уйдут… ну, например, станут достоянием прессы… Я думаю, это может представить администрацию в неприглядном свете. Поэтому…

— Что у вас есть в подтверждение, кроме слухов? Вы ж должны понимать, что сегодня многие хотят скомпрометировать Президента и его людей! В том числе, — Филатов сделал паузу и внимательно посмотрел на Орлова, — в том числе и меня!

Филатов раздраженно стучал карандашом по столу. Андрею даже показалось, что Сергей Александрович может сейчас от негодования метнуть карандаш прямо в него. Но он отбросил эту безумную мысль. И тут его осенило: «Господи, да я же забыл самое главное — показать ему образцы документов. Какое нужно еще доказательство?»

— Вот, Сергей Александрович, образцы документов, которые удалось добыть. Посмотрите, они отпечатаны в типографии главного управления.

С этими словами Орлов положил на стол перед Филатовым удостоверение «Службы безопасности» и спецталон.

— Видите, они совершенно настоящие. Это, но сути дела, совсем не подделка, а качественно изготовленные документы. Весь вопрос — для чего?

— И для чего? — Филатов с удивлением спросил Орлова. Теперь, повертев в руках образцы, тональность его речи стала несколько иной. Несмотря на то что раздражение еще не прошло, он более дружелюбно посмотрел на Андрея и снова озабоченно спросил:

— А для чего им эти… эти документы?

— К сожалению, пока не знаем.

— А вы точно знаете, иго заказ оформили представители неонацистской группировки… этой… Как вы называете?

— РНА. «Русская национальная акция».

— Да, я слышал об этой организации. Мне докладывали. Ас чего вы решили, что это именно они?

Орлов, опуская подробности, рассказал Филатову о выясненных на сегодняшний день обстоятельствах — об охранном агентстве «Страт» и его генеральном директоре Рыбине; о том, как тот оформил, пользуясь сохранившимися связями, заказ на изготовление в топографии фиктивных документов. Поведав Филатову о том, как «поработали» в администрации Рыбин и его люди год назад, Орлов, вместе с тем умолчал о вывезенном ими сейфе, считая, что этот факт нуждается еще в досконального изучении, прежде чем о нем можно будет доложить одному из высших должностных лиц государства.

Чем дольше Сергей Александрович слушал Орлова, тем мрачнее становилось его лицо. Теперь он уже не перебивал Андрея и не высказывал сомнений в достоверности информации. Мысли Сергея Александровича уходили дальше непосредственного предмета разговора. Филатов, теперь уже осознавая всю остроту и угрозу, которую таили доложенные ему факты, лихорадочно думал о том, как следует поступить, чтобы не только обезопасить себя и Президента от скандала, но и не

войти в жесточайший конфликт с человеком, в ведении которого находилась типография. Дело в том, что главное управление возглавлял старый знакомый Бориса Николаевича, с которым он прошел несколько лет по ступеням партийной лестницы и которого, как стал главой государства, пригласил в Москву, чтобы возглавить одно из самых важных подразделений президентской администрации.

Филатов понимал, что укрепление его позиций на властном Олимпе неизбежно должно быть связано с ослаблением влияния тех людей, которые были наиболее близки к Президенту. Место одного из них, Нетрова, занял сам Филатов, когда Президент под давлением «радикальных демократов» вынужден был убрать старого свердловского аппаратчика с поста руководителя Администрации Президента. Нетрову тогда повезло: Борис Николаевич дал указание «закачать» в специально созданную под него Государственную инвестиционную корпорацию значительные средства, обеспечив тем самым «своему человеку» безбедное будущее.

Государственный секретарь Бурбулис[46] тоже долго не продержался среди ближайшего окружения Ельцина. Уже в ноябре 1992 года «крокодил Гена», как за глаза звали Геннадия Эдуардовича депутаты, был освобожден от обязанностей первого заместителя председателя Правительства и переведен в советники. А спустя некоторое время его вообще «попросили» из Кремля. Но и здесь Борис Николаевич не оставил своего бывшего соратника. Бурбулис стал президентом центра «Стратегия», структуры с невнятными функциями, но с толстым кошельком.

Оставались, конечно, вокруг Ельцина другие сильные фигуры, в которых Филатов видел своих конкурентов в плане влияния на Президента — Илюшин[47], Коржаков[48] и, конечно, Баранников — всемогущий министр безопасности, попытавшийся совсем недавно подмять под себя сразу два «силовых» ведомства — госбезопасность и органы внутренних дел. Это ему не удалось, так как объединению бывшего КГБ с МВД помешали Верховный Совет и Конституционный Суд. Но, став министром безопасности, Виктор Павлович приобрел исключительное влияние на Президента. Тот советовался с ним но различным вопросам, зачастую далеко выходящим за пределы компетенции Баранникова, приглашал к себе регулярно на дачу, где они часами что-то обсуждали. И это заставляло Филатова серьезно беспокоиться.

СТАТЬЯ: «…Филатов, в принципе, умный человек, начал свою деятельность с того, что он стал

расставлять свои кадры везде. И самое главное, что Филатов… влияет на любые кадровые передвижения в аппарате правительства и в аппарате вообще, в принципе, всей исполнительной власти. Это крайне опасная ситуация, поскольку он, по существу, занимает роль Генерального секретаря Коммунистической партии, который лично утверждал секретарей обкомов и первых лиц…» ***(Из «Домашней библиотеки компромата Сергея Горшкова». Интернет-сайт «Компромат. Ру». Ноябрь 1995 года).***

Вынужденно пойдя на то, чтобы принять Орлова, действующего офицера госбезопасности, на работу в администрацию, Филатов рассчитывал получить определенную подстраховку своим самостоятельным действиям и, главное, — независимый от Баранникова канал информации из Министерства безопасности. Тот, кто рекомендовал ему Андрея, заверил Сергея Александровича, что он может положиться на Орлова, как на совершенно самостоятельного человека, не находящегося ни под чьим влиянием и, уж точно, не являющегося человеком Баранникова. Впрочем, в этом Филатов пока не был в полной мере уверен.

Повертев в руках документы, отпечатанные в типографии Администрации Президента, Филатов спросил:

— А как же они смогли оформить заказ на их изготовление?

— Сергей Александрович, нам пока это тоже не известно. Министерство безопасности занимается этим. Ясно только одно— исполнение заказа было санкционировано.

— Не может быть!

— К сожалению. У нас есть ксерокопия его резолюции на письме охранной фирмы. Вот она.

Орлов протянул Филатову лист бумаги с машинописным текстом и размашистой надписью в левом углу. Тот, мельком взглянув на пего, вернул Андрею.

— Плохо! Очень плохо! Вы погашаете, что будет, если это попадет в прессу? Нам только этого не хватало! Вы же знаете, наверное, что сегодня Бабурин с Алкснисом…[49] Ну, этот самый «Российский общенародный союз»… выступили с воззванием…

Филатов постучал ладонью по листкам, которые лежали прямо перед ним.

— Вот. Призывают «остановить криминальный фашизм». Конечно, против Ельцина все это направлено. Против его заявления 19 марта. Сейчас они объединяются против

демократической власти — коммунисты, Конституционный Суд, Верховный Совет… Сейчас им только дай повод! Да, плохую информацию вы мне принесли!

Филатов замолчал, уткнувшись взглядом в портрет Ельцина, стоящий в. аккуратной рамке на углу стола. Орлов, проследив за взглядом Сергея Александровича, догадался, о чем думает руководитель Администрации Президента. Конечно, Филатову совершенно не хотелось «радовать» Бориса Николаевича столь неприятной новостью. Но, кроме того, ему явно не хотелось портить отношения с начальником хозяйственного главка, поскольку тот был довольно близок к Президенту и, хотя последнее время много пил и практически забросил работу, все-таки пользовался еще благосклонностью шефа.

— Сергей Александрович, я прошу вашего согласия на изъятие отпечатанных документов на складе готовой продукции в типографии, — произнес Орлов заранее подготовленную фразу. — Если мы не сделаем это сейчас же, то эти ребята беспрепятственно заберут заказ и тогда… Найти тогда и изъять все это будет очень трудно.

Филатов с серьезным видом выслушал Орлова, немного подумал и сказал:

— Нет. Не так надо действовать. Я сейчас позвоню Василию Степановичу и попрошу его, чтобы вы доложили все лично ему. А он уж разберется.

— Но Василий Степанович сам дал указание… — попытался возразить Орлов.

— Это еще ничего не значит! — резко возразил Филатов. — Заниматься такой самодеятельностью и за спиной уважаемого человека делать то, что вы предлагаете, — это значит проявлять к нему недоверие. Это вам не тридцать седьмой год! Это вам понятно?

— Понятно, но…

— Андрей Нетрович, вы только начинаете здесь работать. Разберитесь сначала в обстановке, учтите особенности взаимоотношений, а потом уже делайте собственные предложения!

Филатов последовательно нажал несколько кнопок на телефонном аппарате светло-желтого цвета. Нет, не на «вертушке», АТС-1 или ВЧ, а на самом престижном аппарате, связывающем между собой самых высоких должностных лиц государства.

— Василий Степанович, здравствуйте. Это — Филатов… Да, ничего… Да, да… Воюем… Да, завтра Борис Николаевич встречается с Хасбулатовым, Зорькиным[50] и Черномырдиным[51]

… Будут обсуждать создавшееся положение… Непростая ситуация… Да, да… Василий Степанович, я что хотел… Тут у меня одна информация есть, неприятная… К вам подойдет сотрудник Управления кадров, который отвечает за режим… Он по моему поручению… — Филатов бросил взгляд на Орлова, тот кивнул в ответ. — Он по моему поручению проверял некоторые вещи и… В общем он вам сам все расскажет. Когда ему зайти?… Завтра?… Нет, Василий Степанович, дело серьезное. Я попрошу сегодня его принять… Хорошо… Хорошо… Минут через пятнадцать будет… Договорились!.. Всего хорошего!

Филатов в некоторой задумчивости положил трубку и, обращаясь к Орлову, сказал:

— Слышали? Он вас ждет. Поторопитесь, а то у него скоро совещание. Расскажете все Василию Степановичу. Он примет необходимые меры. Только…

Андрей выжидающе смотрел на Филатова. Тот буквально выдавил из себя:

— Только не говорите липшего. Нечего пугать человека. И ни в коем случае не говорите, что проводили обыск там у него!

Орлов попытался возразить в ответ, что эго был совсем не обыск, но Филатов сделал упреждающий жест рукой.

— Не надо! Вы делали это без моей санкции! И учтите: больше такого не должно повториться! Любой ваш шаг здесь без моего ведома… Запрещаю! Иначе… — Филатов холодно посмотрел на Орлова, — вы здесь работать не будете, и мы расстанемся с вами. Вам понятно?

Андрей только кивнул в ответ.

— Ну и хорошо! Идите. Василий Степанович ждет.

Орлов встал, сложил в папку документы и вышел из кабинета. Разговор с руководителем администрации длился семнадцать минут. В приемной уже сидели Дмитрий Дмитриевич и двое незнакомых Андрею людей.

Румянцев пожал Орлову руку:

— С утра пораньше?

— Да, Сергей Александрович вызывал.

— Ну-ну! — И, повернувшись к сидевшим рядом с ним людям, представил Орлова: — Это — наш новый сотрудник. Работает у меня. Отвечает за режим.

Те кивнули, но очереди пожав руку. Один из них спросил Румянцева:

— Ваш новый заместитель?

— Нет, — Дмитрий Дмитриевич улыбнулся, — первый замначальника отдела.

Оба с удивлением посмотрели на Орлова, но больше ничего

не спросили. Разумеется, для них было непонятно, как, но сути дела, руководитель низшего звена напрямую докладывает что-то Филатову, да еще заставляет своего начальника ждать под дверью. «Что-то тут не то, — наверное, думали они. — Впрочем, кадры — дело темное. Интриги!»

19 марта 1993 года, пятница, утро

Москва. Никитников переулок, дом 2.
5-й подъезд, четвертый этаж, кабинет 629

Василий Степанович с полным безразличием повертел в руках удостоверение и спецталон, бесстрастным взглядом скользнул по лицу Орлова и буквально процедил сквозь зубы:

— И что вы хотите сказать этим?

— То, что эти документы были изготовлены в вашей типографии.

— Откуда это видно?

— Василий Степанович, есть оформленный заказ…

— Где он?

Орлов, не решаясь показать ксерокопии добытых оперативниками документов, лукаво ответил:

— Я лично видел его…

— Что вы суете нос не в свое дело? Вы кто? — неожиданно зло проговорил начальник управления.

— Я… — Орлов замешкался, — …я — заместитель начальника отдела контроля Управления кадров…

— Ну и контролируйте, пожалуйста, работу с кадрами. Чего вы лезете в производство? Какое вам до этого дело? У нас тут своих контролеров достаточно! И пожнадзор, и… Что вы докладываете Филатову всякую чушь?

— Но, Василий Степанович, это — не чушь. Дело в том, что заказ на эти документы…

— Да мне плевать! Там что-нибудь неправильно оформлено? Есть какое-то нарушение режима?

— Нет, все правильно! Нарушений нет.

— Так что вы людям голову морочите и отрываете их от дела?

— Я не морочу! — Орлов почувствовал, что тоже начинает «заводиться». Он не терпел, когда с ним разговаривали в таком тоне. Не вникнув, не дослушав, даже не поняв, в чем дело, начинали отчитывать, как будто он нашкодивший мальчишка.

— Весь вопрос в том, что заказ этот оформлен людьми, которые могут использовать эти документы в противоправных целях.

— Каких?

— Противоправных.

— Что вы имеете в виду?

— Заказчиком этих документов является некое охранное предприятие, за которым стоят люди из неофашистской

группировки.

— Что вы несете? Какой группировки?

— РНА — «Российская национальная акция». Они образовались в прошлом году и объединяют вокруг себя разного рода националистов, поклонников Гитлера и тому подобное.

Начальник главка поморщился и недовольно посмотрел на Орлова. По выражению его лица было видно, что все, о чем рассказывает' Андрей, мало беспокоит его. Более того, мысли Василия Степановича были, должно быть, вообще далеки от служебных дел. Орлов обратил внимание на то, что стол перед начальником главка был совершенно пуст. Ни документов, ни какой-нибудь записки, ни даже газеты или журнала на нем не было. Только массивный чернильный прибор с часами, вмонтированными в миниатюрный штурвал, осколок большого камня со сверкающими аметистами да очки в тонкой золотой оправе радом с кожаным футляром. Ну и, конечно, телефон специальной связи. Из телевизора, стоящего на отдельном столике в другом конце кабинета, доносился приглушенный звук музыки — наверное, перед самым приходом Орлова Василий Степанович убавил звук. Да и само лицо высокого хозяйственного начальника, сменившего на Старой площади управляющего делами ЦК КПСС, было каким-то усталым и слегка помятым.

«Наверное, накануне был в изрядном подпитии», — подумал Орлов, вспоминая то, что ему рассказывали оперативники про начальника главка.

— Так что вы от меня хотите? — в раздражении спросил тот.

— Василий Степанович, я прошу вас разрешить нам изъять из типографии весь этот тираж и…

— Кому это «вам»?

— Ну… — Орлов смутился, памятуя о том, что Филатов просил «нс пугать» собеседника, — …сотрудникам Министерства безопасности… Я тоже…

Василий Степанович брезгливо поморщился и бросил с пренебрежением:

— Вынюхиваете все? Вместо того чтобы ловить шпионов, занимаетесь черт знает чем! Вот и Борис Николаевич говорит, сколько ни приходилось общаться с КГБ, то всегда занимались не тем, чем нужно. То в мусорные бачки залезут, то в грязном белье копаются!

Орлов, не ожидая услышать такую отповедь от высокого чиновника, не знал, что возразить. Нет, конечно, он знал, что можно было бы сказать начальнику главка, под носом у которого полуфашистские элементы обштопывали свои криминальные делишки. Но в данном конкретном случае он понимал, что любые

слова, даже самые разумные, будут восприняты Василием Степановичем как выпад лично против него. Да и к органам, видно, он относился не лучшим образом.

— Василий Степанович, наверное, все-таки надо как-то упредить…

— Что «упредить»?

— Чтобы они не забрали заказ.

— Без вас разберемся!

— Но Сергей Александрович сказал…

— Мне совершенно безразлично, что вам там сказал Сергей Александрович! Вы в кадрах работаете? Так и занимаетесь кадрами! И нечего лезть не в свои дела! Понятно?

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я тоща даже растерялся от враждебности и агрессивной реакции Василия Степановича. Он на меня смотрел, как на врага, и, если бы не упреждающий звонок Филатова, наверное, сразу же выгнал меня из своего кабинета. Я понимал, что никакие доводы и увещевания не помогут. Человек живет в своей жизненной плоскости, и мы с ним не пересекаемся. Только волею случая я оказался на пути его безмятежного времяпрепровождения, что вызвало у него необузданную ярость» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

Орлов молчал, понимая, что сидящий перед ним человек вряд ли поможет в реализации намеченного плана, а, скорее всею, станет серьезным препятствием на его пути. Вместе с тем Андрей уловил, что начальник главка начал нервничать. Тот в течение всего разговора теребил очки, несколько раз провел ладонью по поверхности стола, как будто хотел убедиться, что на нем ничего не лежит, резким движением схватив пульт, выключил телевизор.

— Я сам разберусь в этом. Если нужно — проведем проверку или служебное расследование.

— А что мне сказать Филатову? — не мог не спросить Орлов.

— Я сам ему позвоню, — резко ответил начальник шавка, всем

своим видом показывая, что разговор окончен.

Орлову ничего не оставалось, как, попрощавшись, выйти из кабинета. Делал он это с еще более тяжелым чувством, чем три четверти часа назад, выходя из кабинета Филатова в Кремле.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Василий Степанович, каб.

629. Через 2-й подъезд ГСПУ. 4 этаж.

19.03. Переговорил:

— оставил себе записку (строго конфиденциально)

— будет проводить сам проверку

— дал ему свои координаты» ***(Из рабочего блокнота А.П. Орлова).***

* * *

Василий Степанович еще долго сидел не шелохнувшись. Раздражение, вызванное визитом сотрудника Управления кадров, не проходило. Он понял, что настроение безнадежно испорчено на весь день.

«Вот сволочи! — думал Василий Степанович. — Вынюхивают все! А мои-то хороши! Подведут под монастырь! Теперь неприятностей не оберешься!»

Он нажал кнопку на пульте телевизора. На экране появилось лицо красивой женщины, что-то взволнованно говорящей своему собеседнику. Так как звук был почти выключен, Василий Степанович не слышал ее страстной речи, но догадался: по каналу «Россия» крутили двухсерийный фильм «Софи Лорен. История се жизни». В другой раз бы он с удовольствием его посмотрел, но сейчас у него не было такого настроя.

«Сволочи! — ругался про себя начальник главка. — Все испортили! lie дают никому житья! Все плетут интриги, подсиживают порядочных людей и пакостят на каждом шагу!» Наверное, он и сам не знал, кого точно он имеет в виду — или этого «кагэбэшника», явно «копающего» под него; или сотрудников типографии, так серьезно подставивших его; или… самого Филатова, который все чаще и чаще стал переходить ему дорогу. «А ведь возьмут и доложат Бену. Скажут, что я тут распустил всех, что нарушения тут у меня сплошные. Еще договорятся до того, что взятки беру!

Им что? Опорочить честного человека — пара плевых! Что тоща? Сколько раз уже такое было! А Борис Николаевич человек крутой. Долго думать не будет. Подписал указ — и гуляй Вася!»

Василий Степанович бросил взгляд на телефон, стоящий не на приставном столике рядом с вереницей других аппаратов, а отдельно на письменном столе.

«Позвонить что ли Бену? Все рассказать самому, не дожидаясь, пока это сделают другие, да еще с какими-нибудь комментариями? Или — нет! Лучше не звонить специально, а то

он подумает: оправдывается — значит, виноват! Лучше, как всегда. Увидимся в четверг, посидим за маленькой, потолкуем. Этих гадов он тоже не любит Которые толкаются вокруг трона. Все норовят оттолкнуть друг друга и… поближе к телу! Да и Баранников, может, будет. Пусть уберет своих стукачей из администрации. Борис Николаевич ему верит, а тот… Нет, верить можно только старым, надежным друзьям! А эти все прилипалы, сейчас рядом, а завтра — сдадут с потрохами!»

Он тяжело встал из-за стола, подошел к массивному сейфу, повернул ключ, торчащий из замочной скважины. Придерживая рукой, плавно открыл тяжелую дверь. Па внутренних полках лежало несколько папок, стопки документов, какая-то картонная коробочка. Василий Степанович сдвинул панки в сторону, протянул руку в глубину сейфа и достал оттуда початую бутылку «мартеля» — изящный флакон с золотистым ободком, рифленым стеклом и знакомой веем любителям аббревиатурой «ХО».

«Нет ничего лучше хорошего французского коньяка! А этот… Экстрастарый! Ну просто сказка!»

С этими мыслями Василий Степанович налил в маленький хрустальный стаканчик божественную влагу темно-янтарного цвета, залпом ее выпил и снова наполнил емкость. Пошарив рукой в сейфе, он нащупал шуршащую фольгой половинку плитки шоколада, отломил кусочек и с удовольствием закусил.

Начальник главка почувствовал, как возникшее напряжение, вызванное неприятным разговором, ослабевает и он снова приходит в свое обычное состояние, когда все вокруг воспринимается как никчемная суета и бессмысленная возня.

«Кстати, а кто подарил мне этот коньяк?» — вдруг пришла Василию Степановичу мысль в голову. Вереницы служебных и дружеских встреч, приход в его кабинет разных людей, одни из которых просили что-либо устроить, в чем-либо помочь, что-то достать, а другие хотели просто познакомиться с влиятельным чиновником — все это нередко оставляло за собой материальный след в виде бутылки коньяка или виски, коллекционного вина или экзотического бальзама/Василий Степанович не считал это подарком или, уж тем более, взяткой. Как и большинство российских, а прежде и советских чиновников, он рассматривал это как знак внимания или даже особого уважения. Бутылка, как всеобщий эквивалент нормальной человеческой благодарности, стала непременным, можно сказать, заурядным атрибутом закрепления добрых отношений, и но сути дела, никогда не рассматривалась как нечто предосудительное.

«Так кто же мне подарил эту бутылку „мартеля“? — напряг память Василий Степанович и тут же вспомнил: — Ах, да! Это же

Григорий! Он же приходил на прошлой неделе. Мы еще обсуждали с ним вопрос про недвижимость в Подмосковье. Такой молодой, но уже знающий чего хочет, человек! Напористый, шустрый. Вот за такими ребятами будущее! А не за этими интриганами, которые готовы перегрызть горло всякому, кто…»

Он не успел закончить мысль. Раздался бой больших напольных часов. Стрелки показывали десять. «Ой, я же решил собрать совещание! Наверное, в приемной уже ждут». Василий Степанович убрал бутылку, закрыл сейф, уселся в кресло и нажал кнопку.

— Лиля, народ уже собрался?

— Да, Василий Степанович, все здесь.

— Пусть заходят.

19 марта 1993 года, пятница, утро

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

После ухода Орлова прошел уже целый час. Филатов успел принять начальника Управления кадров Румянцева, начальника Государственно-правового управления, трех сотрудников из группы экспертов Президента, но тяжелое чувство тревоги не отпускало его. Обсуждая со своими подчиненными, каким образом можно было бы обуздать стремление Верховного Совета во главе с Хасбулатовым усилить свою власть в стране и в конечном счете устранить от нее Президента, Сергей Александрович не мог отделаться от смутного чувства опасности, которое возникло у него после разговора с Орловым. У Филатова все больше и больше появлялось ощущение приближающегося скандала, который, безусловно, мог быть использован противниками Ельцина как дополнительный козырь против Президента и враз положить конец политической карьере руководителя его администрации.

Что же делать? Ждать, пока наверху грянет гром, и Борис Николаевич в свойственной ему манере резко спросит: «Ну чего там у вас еще?» и при первых же словах объяснений бросит трубку. А потом жди, уволят тебя сразу или через некоторое время. Или дадут понять, что твое пребывание здесь нежелательно, и ты сам должен принять уже всем очевидное решение, как человек, не оправдавший высокое доверие начальства. Ведь предлагал же ему еще совсем недавно Хасбулатов «уйти по добру» из Верховного Совета!

Филатов прекрасно понимал, что в условиях, когда он только начинает завоевывать позиции в ближайшем окружении Ельцина, когда еще остается много желающих не допустить его в число самых доверенных лиц Президента, любая оплошность может стать причиной отставки. Он только начал налаживать отношения с помощниками Ельцина, преодолевая их недоверие и вполне понятную осторожность. У него начали складываться неплохие отношения с Баранниковым, за которым стояла вся мощь системы государственной безопасности, с целым рядом других людей, оказывающих сильное влияние на Президента.

Сейчас, пока Филатов не «окреп» и ему еще не удалось стать «правой рукой» Президента, нельзя было допустить даже самого малого промаха. И то он уже успел получить нагоняй от шефа за то, что не сумел предупредить выступление Скокова на заседании Верховного Совета, в котором тот резко критиковал

телевизионное обращение Ельцина к народу. А пару недель назад Борис Николаевич отчитал его за то, что он, проработав уже больше месяца, не удосужился заняться кадрами и «вычистить партноменклатуру» из администрации. «Там у вас окопалось много партаппаратчиков. Сделайте все, чтобы даже их духу не было!» — таково было указание главы государства. Именно тоща Сергей Александрович задумал найти человека, который помог бы ему в решении и этой задачи. Но, найдя его, не рискнул сразу сформулировать главную цель, решив присмотреться к Орлову и убедиться в его полной надежности и лояльности.

И вот на тебе! В Администрации Президента, главы демократического государства, какие-то проходимцы печатают документы для фашистских молодчиков! Это же будет как гром среди ясного неба! Вот порадуются Руцкой с Хасбулатовым! Завопят коммунисты, указывая на Кремль: дескать, вот вам липшее подтверждение, что это — «антинародный режим», который не гнушается альянсом с нацистами!

Вот тут-то все и обвинят Филатова, что он «нс досмотрел», «не смог упредить», и вообще является плохим организатором и никчемным человеком. Ведь сказал же Хасбулатов Ельцину, когда тот сообщил председателю Верховного Совета, что забирает Сергея Александровича к себе: «Подведет он вас, Борис Николаевич! Подведет!» Вот уж порадуются некоторые! Не успел поглубже сесть в кресло — и тут же слетел с него! Тем, кто вокруг Ельцина, это только на руку — одним конкурентом меньше!

«Нет! — думал Филатов. — Надо что-то предпринять! Надо как-то упредить эту мерзкую информацию, пока она сама, минуя меня, не достигла ушей Бориса Николаевича».

Вызвав секретаря, Филатов отменил пару ближайших встреч, строго запретил пускать кого бы то ни было к себе в кабинет и соединять с кем-либо по телефону. «Вертушка», АТС-1 и ВЧ[52] были переведены на секретаря, и у него оставались только линии прямой связи с Президентом да с некоторыми другими высшими должностными лицами государства.

«А если Василий, узнав от Орлова об известном факте, позвонит Президенту и скажет, что во всем виноват не он сам, а Филатов, который не обеспечил должный порядок в администрации, не оградил се от всяких там преступных элементов… Что тогда? Придется оправдываться, говорить, что руки не дошли, что сил пока нет, что опереться пока не на кого… На чьей стороне будет Борис Николаевич? Конечно, на его, Василия Степановича, стороне. Кто для Ельцина Филатов? Всего лишь удобная фигура, чтобы закрыть образовавшуюся кадровую брешь после ухода Нетрова с поста руководителя администрации.

А Василий Степанович — друг и товарищ, с которым можно посоветоваться, покалякать о том, о сем, вспоминая эпизоды свердловской жизни, да и опрокинуть рюмашку-другую… Что же делать? Что же делать?»

Филатов вспомнил, как несколько дней назад зашел к нему начальник Главного управления охраны, энергичный человек с открытым лицом в белоснежной рубашке с галстуком и темно-синем костюме. Несколько раз Филатову уже пришлось разговаривать с ним на разные темы, главным образом связанные с режимом на территории Московского Кремля, где начальник управления был безусловным хозяином. Сергея Александровича тогда поразила удивительная осведомленность собеседника об истории и архитектурных достоинствах кремлевского ансамбля, то, с каким чувством он рассказывал о старинных башнях и соборах, исторических событиях и персонажах, связанных с Кремлем. Филатов тогда еще удивился, откуда у этого, в общем-то, молодого человека, занимающегося, но представлениям Сергея Александровича, довольно примитивным охранным делом, такие глубокие познания. Но отрывочные встречи не позволили им сблизиться и никаких отношений у них пока еще между собой не сложилось. Поэтому Филатов настороженно встретил визит кремлевского генерала.

Однако объяснялось все достаточно просто. Генерал без обиняков сказал:

— Сергей Александрович, вы же знаете, как важно сейчас, чтобы Президент не терял работоспособность?

Филатов с недоумением посмотрел на начальника охраны, всем своим видом показывая, что не понимает, куда тот клонит.

— Вы же все понимаете! Есть люди, которые просто сбивают его с пути. Может быть, они это делают не специально, но… вы же понимаете, Борис Николаевич — человек широкой души, настоящей русской души. Он очень ценит старых друзей и бывших сослуживцев… Работает он по двадцать четыре часа в сутки, очень устает Конечно, ему требуется разрядка. Мы стараемся делать все, чтобы… в общем, чтобы он начал заниматься спортом, чтобы прогулок было больше… Но есть у нас такие люди, некоторые из бывших его друзей, которые сводят все наши усилия насмарку. Взять, хотя бы, Василия Степановича. Как его доклад у Президента, так… Ну, сами понимаете. А нам потом приходится все исправлять. Да и Борис Николаевич после этого всегда плохо чувствует себя. Надо как-то поговорить с ним.

— Да мне как-то неудобно вмешиваться, — ответил тогда Филатов. Но сам подумал: «И правда, надо что-то делать. Главное — оградить Президента от таких „друзей“. Да и, собственно,

почему он непосредственно ходит на доклад главе государства? Он — всего лишь начальник шавка в администрации. Я — ее руководитель. Так пусть и докладывает все мне! Надо поговорить об этом с Президентом»

Но тогда ничего этого Сергей Александрович начальнику Главного управления охраны не сказал. Тем более что вскоре у него появились гораздо более веские причины выйти на разговор с Борисом Николаевичем. В довершение того, что Василий Степанович, мягко говоря, не сильно перетруждался на работе и очень часто прикладывался к бутылке, очередная ревизия выявила у него в шавке серьезные недостатки в использовании бюджетных средств. В одной бумаге было даже написано, что нарушения эти достигни таких масштабов, что, дескать, появляются основания для работы прокуратуры. Тень растраты и хищений многомиллионных средств висела в воздухе и в любой момент могла опуститься на Никитников переулок, где размещалось подведомственное Василию Степановичу управление.

«И ваг теперь — эта липовые удостоверения и спецталоны! Орлов намекает еще, что вся эта афера прошла не без ведома Василия Степановича, — лихорадочно думал Филатов. — А это означает, что сейчас самый благоприятный момент для смены руководства шавка. Борис Николаевич, скорее всего, тоже не захочет огласки скандала, который сегодня только может быть на руку его противникам. Да и пора покончить с самостийностью хозяйственников! Находятся в составе администрации, а живут как отдельное государство! Если я — руководитель, то дайте мне право самому принимать решения по всем основным вопросам. И здесь не может быть исключения. Даже у коммунистов ХОЗУ[53] было в распоряжении управделами ЦК КПСС!»

Филатов встал из-за стола, подошел к окну, постоял, смотря на серое небо, затем снова вернулся к столу. Там его ждали неотложные дела — десятки писем и докладных записок с прикрепленными к ним «уголками» — маленькими бумажками для резолюций с подписью «С. Филатов». Рано утром он быстро просмотрел их, определяя главные, но ни одной резолюции еще не написал. Впрочем, но некоторым из них помощники уже сформулировали текст, и Сергею Александровичу надо было только поставить свою подпись.

Докладная записка о рассмотрении в Конституционном Суде дела о соответствии действий Президента Конституции, текст заявления «Гражданского союза» с резкой критикой Ельцина, аналитическая справка о формировании структур КПРФ, — вес эти документы несли в себе для Филатова заряд отрицательной

энергии, и он с тоскливым чувством неотвратимости ознакомления с ними все оттягивал и оттягивал время, когда ему придется сесть за стол и вникать в суть проблем, излагать свое мнение по ним и, самое плавное, — предлагать Президенту принять то или иное решение.

На столе в папке его ждала пачка неподписанных указов, которые он должен был завизировать. Там был проект указа о защите средств массовой информации, на основе которого уже сегодня можно было закрыть программу Невзорова «600 секунд», доводившую Ельцина до состояния бешенства, проект указа о назначении

на 25 апреля референдума о доверии Президенту и бог знает сколько еще подобных распорядительных актов, которые несли в себе взрывную силу, способную вмиг всколыхнуть сотни тысяч людей, вывести их на улицы, подтолкнуть к стихийной агрессии, превратить любую мирную демонстрацию в беснующуюся толпу.

Он окинул взглядом комнату — изящный книжный шкаф с инкрустацией по дереву, за стеклами которого угадывались богатые корешки «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона», собраний сочинений писателей, каких-то альбомов; великолепный кожаный диван с витыми деревянными боковинами; ряд стульев вдоль стены с красивой обивкой из парчовой ткани; ажурная вертящаяся этажерка с книгами — реликт прошлого века. Взгляд Филатова плавно скользил, ни на чем не задерживаясь, пока не натолкнулся на портрет Президента, стоящий в аккуратной рамке на углу письменного стола. Борис Николаевич смотрел куда-то в сторону серьезным взглядом, будто пытался разглядеть, что ждет его самого и всю страну в недалеком будущем, в которое он вел се без тени сомнения в правильности выбранного пути и сожаления о прошлом.

Филатову не нравилась эта фотография. На ней Президент был холодным и безжалостным, готовым, казалось, переступить через любого, кто окажется на его пути. Ельцин на ней был совсем не таким, каким его уже знал Сергей Александрович — то сдержанным и открытым, даже простодушным, то очень импульсивным и целеустремленным, расчетливым и хитрым. Конечно, Филатов видел разного Ельцина, решительного и энергичного, азартного и бесшабашного, готового броситься в атаку на «партократов», взобраться на танк или баррикаду, под рев толпы поднимать руку, зажатую в кулак в знак солидарности или тыкать пальцем, пренебрегая всеми элементарными законами вежливости и этикета. Но жестоким и циничным он его не видел никогда.

Фотографию эту ему передал начальник охраны главы

государства и сообщил, что она очень понравилась Борису Николаевичу. После этого Сергей Александрович посчитал вполне уместным поместить ее у себя на столе, тем более, что больше нигде и ни у кого он подобного снимка Президента не видел.

Вообще Филатову нравились другие фотографии, например, та, где они вместе с Борисом Николаевичем в президиуме съезда — Ельцин, задумчивый и озабоченный, сидит и смотрит в зал, а Филатов, стоя, склонился к нему и что-то говорит, устремив взгляд на делегатов, похоже, наставляет будущего Президента, как надо ему действовать и что предпринимать. Или другая фотография, где они с Ельциным сидят в одном из залов французского парламента на фоне белоснежных стен с позолоченным орнаментом, оба усталые от тяжелой дипломатической миссии, которую успешно выполнили во время визита во Францию в прошлом году.

Филатов еще раз посмотрел на снимок Президента у себя на столе. То ли нервы с утра уже натянулись до предела, то ли свет, играя бликами, как-то пе так падал на блестящую поверхность стекла, но Сергею Александровичу вдруг почудилось, что Ельцин медленно, как бы нехотя, поворачивает голову в его сторону. Еще немного, еще совсем маленький поворот головы и он бы наткнулся глазами на Филатова! Руководитель Администрации Президента даже слегка отклонился в сторону, чтобы не попасть в поле зрения своего патрона — так явственно ему почудилось «оживление» фотографического образа. Казалось, еще немного и он услышит недовольный голос шефа: «Что же это вы, Сергей Александрович! Допустили в администрации такой бардак! Фашисты, понимаешь, у вас здесь чувствуют себя, как в родном доме! Я вас назначил на такую должность, а вы… не справляетесь со своей работой! Правильно говорил мне Хасбулатов. Подвели вы меня!»

Филатов закрыл, затем снова открыл глаза, чтобы стряхнуть с себя страшное наваждение, немного посидел в раздумье и решительно снял трубку аппарата прямой связи с Президентом.

* * *

Через некоторое время Указом Президента Российской Федерации начальник хозяйственного главка Администрации Президента был уволен со своего поста. Преемником его на этой должности стал заместитель Василия Степановича, недавно приехавший в Москву из Якутии, Павел Павлович Бородин.

19 марта 1993 года, пятница, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 705

— Андрей Нетрович, что ж ты ничего пе расскажешь? Вчера тебя почему-то не было. Дим Димыч спрашивал… А я не знаю, где ты… Сегодня тоже… Что, у Филатова был?

Петр Васильевич обиженно посмотрел на своего подчиненного. По его укоризненному взгляду можно было прочесть: «Все-таки я — начальник отдела, а ты — мой заместитель. Ну да, первый заместитель. Но это не важно. Целыми днями ты ходишь где-то! Не докладываешь ничего. Так не годится!»

Орлов, не ожидавший услышать упреки со стороны своего нового начальника сразу, как только вошел в кабинет, даже немного растерялся. Безусловно, он понимал, что Романенко должен быть в курсе любого вопроса. Но особенность положения Орлова в администрации заключалась в том, что, кроме официальной работы, к которой он, впрочем, практически еще не приступил, ему, как сотруднику службы безопасности, надлежало решать массу специальных вопросов, рассказывав о сути которых он не имел нрава. Более того, весь смысл его нахождения здесь состоял как раз в том, чтобы он, пользуясь своим официальным статусом, мог решать чисто оперативные вопросы. Докладывать о них Нетру Васильевичу, до недавних пор полковнику КГБ, но все-таки бывшему сотруднику, уволенному со службы на пенсию, он тоже не имел права.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Приход Орлова в администрацию был не только для меня, но и для начальника Управления кадров неожиданным. Вначале, естественно, была определенная настороженность. Но длилась она недолго. Через некоторое время я понял, что Андрей — человек неординарный, и его, скорее всего, ждет хорошая перспектива. Но я долго не мог понять, почему мне постоянно говорят: „Будь поосторожнее с ним!“ Мол, он все время „вертелся“ в высших сферах, да и этот неожиданный переход в администрацию… Через некоторое время моя настороженность рассеялась. С его приходом работать мне стало легче…» ***(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации***

Президента).

Разумеется, Нетр Васильевич понимал деликатность положения Орлова, который не хотел обидеть своего начальника и одновременно должен был скрывать от него некоторые аспекты своей деятельности. Но Андрей не учел того, что начальник отдела некогда был сослуживцем первого заместителя министра безопасности и мог от него узнать некоторые служебные моменты. Да и с сотрудниками ряда управлений министерства у него уже сложились неплохие отношения. Тем более что до прихода Андрея в администрацию Нетр Васильевич был здесь практически единственным сотрудником госбезопасности, хотя и ушедшим со службы. Ведь в начале девяностых, когда тень ГКЧП еще висела над Министерством безопасности и его сотрудников считали чуть ли не главными «врагами демократии», принимать на работу чекиста в высшие органы государственной власти было дурным тоном. «Стукачи нам не нужны!» — таков был один из главных лозунгов кадровой политики тех лет.

— Петр Васильевич, я не успел как следует приступить к работе, а у меня уже начались сумасшедшие дни! Вот курсирую все время между Старой площадью, Лубянкой и Кремлем. То одно, то другое. А сегодня утром был у Филатова…

— Это по поводу удостоверений? — проявил свою осведомленность Нетр Васильевич. — Что сказал Филатов?

— А вы знаете об этом?

— Да, мне сказали, — как-то неопределенно проговорил начальник отдела. — Мог бы и мне сказать! Мы же с тобой теперь вместе!

В тоне Нетра Васильевича снова зазвучали обиженные нотки.

— Да что рассказывать. Изготовили липовые удостоверения и, если бы не узнали наши… то… В общем, плохо было бы дело.

— Вот видишь, Андрей Нетрович, только пришел, а уже смог себя проявить! Молодец! Филатов заметит…

— Да ну! — Андрей махнул рукой, как бы отгоняя какую-то несущественную мысль. — Знаете, Нетр Васильевич, лучше пусть будет, как сказал поэт: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь!»

— О-о! — Нетр Васильевич с каким-то особым воодушевлением посмотрел на Орлова. — Любишь стихи? — И, не дождавшись ответа, продекламировал:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,

Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне На тихую, бесшумную погоду…

— Нравится? Ты знаешь, кто это? Чьи стихи?

Орлов смущенно молчал. Стихов он не знал, да и, признаться сказать, не любил. Это было, конечно, очень странным, потому что он был по своему складу, можно сказать, художественной натурой — когда-то окончил музыкальную школу и играл на скрипке и фортепиано, недурно рисовал, пробовал писать маленькие рассказы и путевые заметки, с удовольствием занимался оформлением интерьера квартиры, например мог придумать какую-нибудь композицию. Но вот стихи почему-то не любил. Ну не ложились они ему на душу! От этого Андрей даже испытывал некий комплекс неполноценности, как будто с рождения был обделен величайшей способностью — понимать поэзию.

Конечно, ему попадались, особенно в юности, стихи, которые волновали, нравились — Ахматова, Маяковский, Симонов. Но он никогда не пытался запомнить их, за исключением школьных лет, не перечитывал, не искал в библиотеках и на книжных развалах. Поэтому, когда Нетр Васильевич с чувством продекламировал ему четверостишие про Джима, он сразу не смог сообразить, кто их автор, хотя раньше, разумеется, не раз слышал эти стихи.

Петр Васильевич, видя смущение Андрея, немного удивился, а затем с некоторым пафосом произнес:

— Это же Сергей Есенин. Знаешь Есенина?

— Знаю, конечно, — сконфуженно ответил Орлов.

— Ты что, Андрей Нетрович, не любишь стихи?

— Ну, как сказать? — Орлов явно испытывал неловкость от того, что в глазах Нетра Васильевича выглядел малокультурным человеком. — В общем, я — не поклонник поэзии.

— Да ты что? Как это можно? Ты только послушай:

Шагаю ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле
Про волнистую рожь при лупе.
Шаганэ ты моя, Шаганэ…

Он декламировал стихи проникновенно, стараясь передать то возвышенное настроение, которое должно, вероятно, подниматься в душе любого, кто слушает произведения Есенина. Правда, Нетр Васильевич не обладал голосом чтеца — время от времени он заикался, пугал слова, поправлялся, припоминая то или иное слово. Но делал он это с таким видом, будто выступал перед аудиторией, восторженно внимающей ему и готовой с вниманием слушать его монологи.

«Не вовремя! — пронеслось в голове Орлова. — Сейчас как раз надо поторопиться с изъятием удостоверений из типографии. С минуту на минуту должны прийти ребята из УБТ, а тут… конца и края не видно!».

Он с тоской посмотрел на Нетра Васильевича. Но тот, казалось, уже стал подходить к состоянию, когда чтец абсолютно уверен в готовности всех вокруг внимать ему, не отвлекаясь ни на что другое, поскольку все, кроме стихов, является уже несущественным.

… Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли…

«А что, если начальник главка вместо того, чтобы немедленно назначить служебное расследование, возьмет да и пустит все на самотек. На него это вполне похоже. Да и сор из избы не захочет выносить!» — рассуждал Орлов, слушай откуда-то издалека доносившиеся есенинские строки.

… Я готов рассказать тебе поле.
Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шутя, улыбайся…

«Нет, побоится! Он же знает, что Филатов в курсе. Значит, допускает, что тот может доложить Президенту. А какое решение примет Борис Николаевич одному Богу известно! Но что уж точно, так это то, что он не пощадит по головке того, кто так сильно его подставил!»

… Шагапэ ты моя, Шаганэ!
Там на севере девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне…

«А вдруг эти ребята опередят нас! Вот возьмут и придут сегодня на склад и получат изготовленные удостоверения и спецталоны! Кто им помешает? Наши ввязываться не будут — слишком опасно без санкции! Главное управление охраны занимается совсем другими делами и практически не в курсе. Ну, помогли нам немного, а дальше— это не их дело. Эмвэдэшникам

ход туда закрыт. Да, проблемка!»

Петр Васильевич тем временем, кажется, впал в состояние поэтического транса, читая одно стихотворение за другим, иногда сбиваясь и проглатывая слова, но упорно не замечая, что Андрей постоянно поглядывает на часы. То ли сказывались последние месяцы вялотекущей работы, то ли у его начальника возникло особое поэтическое вдохновение, Орлов не знал. Но бесконечная декламация стихов в то время, когда на карту было поставлено первое серьезное дело, которое выполнял Андрей в администрации, начинала его раздражать. Тем не менее он нашел в себе силы сделать серьезное лицо и даже выдавить из себя что-то вроде восхищения:

— Петр Васильевич, поразительно! Как вы все это помните! Я не представляю…

Тот, польщенный похвалой, перебил Орлова:

— А вот послушай еще!

И он начал декламировать стихи с еще большим воодушевлением, чем прежде. Про «край, задумчивый и нежный» и «колокольчик среброзвонный», про «крыльцо под красным вязом» и тальянку, которая «сыпет звонко и смело», про «свет шафранный» и «цветочные чащи».

Если до этого Орлов еще вполуха слушал, что декламировал Нетр Васильевич, то теперь он полностью отключался и воспринимал его голос, как нечто доносящееся из потустороннего мира. Мысли Андрея были далеки от поэзии. Для него сейчас было исключительно важно, как пройдет вся «операция» — удастся ли ребятам с Лубянки изъять из типографии тираж таящих в себе скрытую опасность документов или Рыбин опередит их, решится ли Филатов переговорить с Президентом по этому поводу или предпочтет не ввязываться в небезопасное для него предприятие, проведет ли начальник главка служебное расследование или сделает все для того, чтобы скандал не всплыл наружу.

Орлов не без оснований считал, что от того, удастся ли пресечь аферу с документами, во многом будет зависеть его дальнейшая судьба в Администрации Президента. Ведь это было, по сути, его первое дело на Старой площади. И если оно окончится неудачей, винить следовало прежде всего самого себя — за то, что не сумел кого-то в чем-то убедить; зато, что не предусмотрел нежелательного развития событий; за то, что оказался неспособным противостоять осуществлению дерзкого плана. На свою беду в те мартовские дни 1993 года он был еще полон уверенности в том, что люди, с которыми его свела судьба на верхних этажах властного Олимпа, искренне думают о благе

своей страны, интересах государства и будущем России. Но в жизни все оказалось намного сложнее, многомернее, сплетено в клубок личных интересов отдельных групп влияния. Знание этого пришло к Андрею много позже, но то первое дело, в котором ему довелось участвовать, осталось в памяти на всю жизнь.

Петр Васильевич вес читал и читал Есенина, совершенно не замечая состояния Орлова. Возможно, в тот момент «чтецу» и не требовался внимательный слушатель. Скорее всего, он декламировал стихи для себя самого, упиваясь нежными рифмами великого поэта и получая от этого несказанное наслаждение. То, что Орлов почти не слушал его, но искусно демонстрировал внимание, Истру Васильевичу было неудивительно. Он уже привык, что многие люди, безразлично относящиеся к поэзии, тем не менее, из вежливости или уважения к нему самому, а может, к его должности, или даже к самим великим поэтам, с восхищением внимали его декламаторскому искусству, оставаясь совершенно безразличными к самой поэтической мелодии.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Мой отец великолепно играл на баяне и многих других инструментах. Я с детства впитал любовь к музыке, песне, стихам… Я трал на балалайке, мандолине, гитаре, гармошке, баяне, в десятом классе — на трубе и баритоне, ходил в драмкружок… Однажды учительница дала мне томик стихов Анухтина. Я его прочитал за одну ночь. Потом был Есенин, Бальмонт… Я выучил наизусть всего „Евгения Онегина“… Потом, уже на службе, я много работал с творческой интеллигенцией. Начальник отдела как-то в моей аттестации даже написал: „Любит музыку и поэзию“. Не понимаю, как можно не любить стихи!» ***(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).***

— Петр Васильевич, вы извините… — решился все-таки прервать начальника Орлов, — я должен еще кос с кем встретиться. Если не возражаете, мы завтра…

— Хорошо, Андрей Нетрович! Я вижу — ты спешишь… Не нравится Есенин?

— Нет, нет, очень нравится, и я просто удивляюсь вашему… умению, я бы сказал, даже таланту…

Орлов произнес это и с неловкостью почувствовал фальшь, с которой прозвучали его слова. Он не любил врать и притворяться, но делать это ему, как, собственного говоря, и веем вокруг,

приходилось довольно часто. Иногда для того, чтобы не обидеть собеседника или не разочаровать симпатичного ему человека, чтобы не выглядеть тупым в тазах других людей, а зачастую просто так, но привычке. Орлов знал, что это очень плохо, но, так же как и все, не мог ничего поделать с собой. Нетра Васильевича ему тоже не хотелось обидеть, и он уже около часа вынужденно слушал его декламацию, хотя для этого у Андрея не было ни времени, ни желания.

— Извините, я должен идти, — твердо сказал Орлов и протянул руку Нетру Васильевичу для рукопожатия. После этого он вышел из кабинета начальника отдела и направился к себе.

19 марта 1993 года, пятница, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Зайдя в свой кабинет, Андрей тут же набрал номер Вахромцева по телефону оперативной связи. Тот снял трубку сразу, как будто только и ждал, как позвонит Орлов.

— Вахромцев.

— Александр Васильевич, здравствуйте. Это — Орлов.

— Привет тебе. Ну что? Говорил?

— Да, и с тем и с другим.

— С другим — это с кем?

— С начальником шавка.

— А это зачем?

— Так решил Филатов. Сказал, что нельзя все это делать «за спиной уважаемого человека» и «проявлять к нему недоверие».

— Вот как! А ты ему сказал, что заказ на изготовление санкционирован самим?

— Да. Но Сергей Александрович не посчитал это существенным.

— Он так и сказал?

— Нет, это говорю я.

— Попятно. Ну и что же теперь?

— Александр Васильевич, если сегодня же пе изымем все, я думаю, мы опоздаем. Может быть, уже опоздали.

— Я погашаю это. Но как без санкции? Ты же знаешь… — Да.

Они помолчали немного, оба раздумывая о том, как стоило бы поступить. Возникла, но сути дела, парадоксальная ситуация: группа авантюристов, если не сказать больше, затеяла крупную аферу под крышей государственного учреждения, а противодействующая ей структура безопасности не могла ничего предпринять. потому что не было высочайшего соизволения на этот счет. Такая фантасмагория могла возникнуть только в ходе всеобщего развала и катастрофической потери управляемости всей системы власти. Впрочем, и в советские времена вышестоящие инстанции нередко выступали в качестве непреодолимого препятствия на пути правосудия, и лишь немногим удавалось разорвать порочный круг взаимозависимости всех элементов государственного механизма. Беда в том, что перестроечные и следующие за ними годы не только не изменили такого положения дел, но и усугубили недееспособность многих государственных органов, которые должны стоять на страже закона, доведя до абсурда понятие демократии и свободы

личности.

— Ладно, Андрей Нетрович, что-нибудь придумаем. Придется брать ответственность на себя.

— Согласен, — тихо проговорил Орлов, сознавая, что никто у него этого согласия не спрашивает. Более того, Вахромцев, решив, видимо, действовать самостоятельно, подвергал себя несоизмеримо большему риску, чем Андрей. Несанкционированное высоким начальством вторжение в «коридоры власти», пусть даже в таком ничтожно малом варианте, чревато было по меньшей мере серьезным взысканием, а то и потерей должности. Тем более, что обо всех этих обстоятельствах министр безопасности, один из самых близких к Ельцину человек, знал лишь в самых общих чертах — ровно столько, сколько доложил ему в коротком докладе начальник управления.

После телефонного разговора с Вахромцевым Орлов долго молча сидел за столом, раздумывая о том, есть ли все-таки какой-нибудь мало-мальски разумный выход из создавшегося положения. Он машинально водил шариковой ручкой по листку бумаги, разрисовывая его замысловатыми узорами, страшными рожами, диковинными цветами. Еще со школьных времен у него вошло в привычку использовать любую свободную минуту для того, чтобы что-то «намалевать» на бумаге, будь то вырванный из тетрадки лист, промокашка, последние странички записной книжки или даже учебник. Его творческим упражнениям в области рисования способствовали комсомольские, а затем партийные собрания, вечерние лекции в университетских аудиториях и на курсах КГБ, многочасовые заседания комитетов комсомола и партбюро, нудные совещания пропагандистов и политинформаторов. Со временем постоянно изображать что-то на всем, что попадется под руку, стало привычкой. Рисуя, он даже не замечал этого, подчас удивляясь, откуда у пего появился тот или иной рисунок.

Вот и сейчас, взглянув на лист бумаги перед собой, Орлов с удивлением увидел среди витиеватых узоров странные изображения людей и животных. Какой-то субъект в темных очках и натянутой на глаза шляпе тянул волосатую руку в приоткрытую дверцу сейфа, из замочной скважины которой торчала связка ключей.

«Это, наверное, Рыбин», — подумал Орлов и усмехнулся, настолько комичной и одновременно отталкивающе противной выглядела рожа злоумышленника.

Справа от «субъекта» была нарисована собака с высунутым языком, держащая на весу свою мохнатую лапу, а рядом с ней

темноволосая женщина с раскосыми глазами, в платке и длинном платье.

«А это к чему? — удивился Орлов. — Вот уж точно, никаких собак, а уж тем более восточных женщин встречать за последние дни не приходилось. Может быть, я по телевизору видел что-то такое, пока вчера ужинал на кухне? Или… Секретарша? Нет, не похожа! А эта дрессированная собака? Нет, нигде я не мог видеть такое! Вот уж точно — в таких случаях говорят: крыша поехала. Мерещится неведомо что! Уж слишком я впечатлительный!»

Он оторвал взгляд от рисунка, набрал номер домашнего телефона. Через мгновение на том конце провода откликнулся тихий Олин голос:

— Андрюша, ты?

— Я, — ответил он и тотчас понял, кто изображен на рисунке. Прозрение пришло к нему настолько неожиданно, что он, нисколько не заботясь о том, как это воспримет жена, прокричал в трубку: — И еще Шаганэ и Джим!

— Что-о? — удивленным голосом переспросила Оля.

— Шаганэ, ты моя, Шаганэ! И Джим, который веем подаст лапу!

Оля молчала в ответ, видно, совершенно не понимая, о чем это вдруг так странно заговорил сс муж. Наконец робко спросила:

— Андрюша, ты чего? Заработался?

— Да нет, Оль! Просто я вспомнил Есенина.

— У тебя так много времени, что ты читаешь стихи! Раньше в Комитете на это времени у тебя не было!

— Да, тут обстановка располагает, знаешь как!

— Вот здорово! Шутишь, да?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, шутишь.

20 марта 1993 года, суббота, день

Москва. Щелковское шоссе.
Телефонная будка около входа на автовокзал

Молодой человек, нервно крутя увитый металлической проволокой телефонный провод, взволнованно кричал в трубку:

— Гриш, ты представляешь, он позвонил и говорит, что через час придут эти… Ты понимаешь, шеф? Придут и вес изымут. Что-то там не сработало!.. Да я что?.. Ну не ори так! Что я могу сделать?…Подожди! Ну, послушай, Гриш!..Эти суки как-то прознали!.. А он-то чего! Ему сказали… Да не ори ты!.. Я и сам понимаю!.. Держи карман шире!.. Вернет! Чего он тебе вернет?… Да, ни хрена! Считай, пропали бабки!.. Да знаю я, знаю, что не в этом дело!

Он умолк, видно, не находя, что возразить разгневанному голосу на том конце провода. Лицо парня выглядело злым и бледным. По его облику было понятно, что он не на шутку встревожен, а необходимость выслушивать вес то, что говорил ему «шеф», приводила его в едва скрываемое бешенство. В раздражении он так теребил провод телефона-автомата, что, казалось, напрочь оторвет его.

Он еще некоторое время слушал тирады «шефа», затем зло выругался и прокричал в трубку:

— Ладно, хорош! Все! Сейчас же свяжусь с ним. Пусть вытаскивает все или возвращает бабки! А если заартачится — припугну гада!..Что?…Почему не нужны?…Ну хоть что-то! Да, не боись! Он, знаешь, у меня где? — Парень сжал руку в кулак, демонстрируя перед невидимым собеседником имеющиеся у него возможности повлиять на своего сообщника, которого он только что назвал «гадом».

Мимо проехал «Икарус», обдавая всех, кто находился на тротуаре, едким выхлопным газом. Парень резко прикрыл дверцу телефонной будки и стал придерживать се рукой. Теперь уже нельзя было разобрать ни слова его разговора с «шефом». Было видно только, как он продолжал что-то говорить, резко жестикулируя свободной рукой. Потом с остервенением бросил трубку на рычаг и сильно толкнул дверь, которая, распахнувшись, с грохотом ударилась о соседнюю будку.

Проходившая мимо полная женщина с тяжелой сумкой вздрогнула от неожиданности и, недовольно посмотрев на удаляющуюся фигуру парня, в сердцах сказала:

— Вот чумной-то! Вообще оборзели!

20 марта 1993 года, суббота, вечер

Москва. Лубянка. Министерство безопасности.
Кабинет начальника отдела УБКК

Полковник Вахромцев не без опасения поднял трубку городского телефона. После всего, что произошло в последние несколько часов, он уже сомневался в том, что операцию но изъятию фальшивых документов в типографии Администрации Президента удастся завершить успешно. Александр Васильевич осознал, что никто ему не даст санкции на это мероприятие. После того как начальник хозяйственного шавка прямо отказал в этом и совершенно однозначно сказал Орлову, что во веем разберется лично, Вахромцев понял: либо ему следует действовать на свой страх и риск, то есть взять всю ответственность на себя, либо авантюристам удастся правдами или неправдами заполучить то, за что они заплатили очень большие деньги. Второе никак не подходило ему ни по характеру, ни но жизненным принципам. И поэтому Александр Васильевич без особых колебаний дал указание изъять отпечатанные документы на складе готовой продукции. Для этого час назад трос сотрудников на служебной машине отправились в типографию, обещав доложить сразу же, как только проведут изъятие и беспрепятственно покинут административное здание.

И вот он держал трубку телефонного аппарата, из которой на фоне гула проезжающих машин раздавался взволнованный голос его сотрудника:

— Александр Васильевич, они вес уничтожили!

— Как уничтожили? Когда?

— Да вот только что. Часа за полтора до нашего приезда.

Вахромцев почувствовал резкую боль в висках — у него так

часто бывало, когда приходилось волноваться. Наверное, подскакивало давление. Он потер рукой сначала один висок, затем другой, покрутил головой из стороны в сторону. После минутного замешательства он тихо проговорил в трубку:

— Саша, с какой это стати они вдруг вес уничтожили? Ты думаешь, что говоришь? Когда они могли успеть это сделать?

— Товарищ полковник…

— Тебе дурят голову, а ты… Орлов разговаривал с их начальником около десяти. Так?

— Так!

— Речь ведь шла о проведении служебного расследования. Ты же знаешь — это же не делается за полдня!

— В том-то и дело, что они уже провели расследование.

— То есть?

— Сегодня утром начальник шавка собрал у себя замов и еще несколько человек. Они создали комиссию. Потом трос сотрудников пришли на склад с какими-то бумагами, вес перепроверили, десять минут поговорили с тремя рабочими типографии, быстро настрочили акт, утвердили его у начальника и тут же уничтожили весь тираж. А потом…

— Подожди, каким образом уничтожили?

— Разрезали на бумагорезательной машине.

— Ты сам-то хоть видел?

— Что?

— «Что, что»! Да разрезанные удостоверения!

— Видел. Их там целая куча в двух мешках. Сложили на сжигание.

— Понятно. А акт' видел?

— Копия у меня. Все как положено — подписи, дата, название продукции, количество экземпляров…

— Ладно, это ясно. А с рабочими говорили?

— Конечно.

— Есть что-нибудь интересное?

— Да… Приедем — доложу.

— Давай. Жду!

Положив трубку, Вахромцев ощутил острое чувство досады — на себя — за то, что долго колебался, прежде чем принять решение; на ребят, которые не смогли выполнить задачу; на Орлова, который, возможно, сболтнул что-то лишнее и тем самым напугал сообщников Рыбина; на это мерзопакостное время, когда даже самые жалкие авантюристы перестают считаться с органами безопасности и нагло орудуют там, где им заблагорассудится.

«Так скоро и до Кремля доберутся!» — с горечью подумал Вахромцев.

Для него было совершенно очевидным — Рыбин со своими друзьями опередил их.

«Даже если большую часть документов они были вынуждены уничтожить, все равно они в накладе не остались. Наверняка, часть удостоверений и спецталонов им удалось изъять до приезда наших ребят. Оно и понятно — их люди в администрации сделали свое дело, а начальник главка, сразу же приняв меры, вполне может рассчитывать на снисхождение „Самого“. Да, впрочем, они — друзья. Борис Николаевич, скорее всего, не даст его в обиду. Даже если Виктор Павлович[54] ознакомит его с некоторыми материалами. В крайнем случае, переведет на другую работу».

На столе снова резко зазвонил телефон. От неожиданности

Александр Васильевич, погруженный в свои мысли, вздрогнул.

— Ты что не докладываешь? — раздался недовольный голос начальника управления.

— О чем, товарищ генерал? По делам разработок я вам докладывал вчера, предложения к заседанию коллегии еще в работе. Срок-то еще не истек. Я доложу вам в пятницу…

— Я не о том! Почему не докладываешь про свои самовольные действия на Старой площади?

— Какие «самовольные»?

— Направляешь опергруппу для изъятия документов. Твои люди трясут там своими удостоверениями, пытаются запугать всех! Ты что вытворяешь? Ты что, не понимаешь…

— Простите, товарищ генерал, я не понимаю о чем…

— Ты не понимаешь? А я тебе скажу! Вот только что мне позвонил министр и потребовал прекратить самоуправство! Говорит мне: «Что это там у тебя начальник отдела такой — без всякого повода, без санкции, без того, чтобы доложить по команде — посылает опергруппу! И куда? В Администрацию Президента! Если он такой умный, может, скоро обыски в Кремле начнет?» Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты скандала хочешь?

Вахромцев молчал.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Так вот — немедленно убери всех своих людей оттуда! Не вздумай проявлять самодеятельность! А то слетишь со своего места в один миг!

— Да я…

— Ты лучше, Александр Васильевич, помолчи! И делай, что тебе говорят!

— Да никакой опергруппы я не посылал. Просто отправил ребят изъять незаконно изготовленные удостоверения и спецталоны. Между прочим, для фашистов этих… Из «РНА». Вы же знаете!

— «Изъять!» — передразнил начальник управления. — Какое ты право вообще имеешь вторгаться туда, куда положено входить со стуком?!

— А мне что, если закон нарушен, то для меня не важно, где — в овощном магазине или в Администрации Президента, — спокойным и твердым голосом сказал Вахромцев.

— А-а! Тебе все равно! Ты же у нас считаешься самым главным борцом с коррупцией! И закон для тебя не писан! Между прочим, любое правонарушение подтверждает суд. А там, куда ворвались твои архаровцы, закон, между прочим, нарушен не был. Просто у них там свои внутренние проблемы! А ты со своими…

Ну и что? Изъял?

— Нет, они все уничтожили сами!

— Вот видишь, ты же и оказался в дураках! Они провели внутреннее расследование, наказали своих нерадивых работников…

— Как «наказали»? Когда же они успели?

— Наказали! Наказали! Без тебя разобрались во всем и сделали вес, что надо! А ты — старыми методами! Ты что, не понимаешь, какой год на дворе? Это тебе не тридцать седьмой или семьдесят пятый! Это — девяносто третий! Демократия теперь, и всякое самоуправство будет наказываться самым жесточайшим образом!

— Товарищ генерал, я не уверен, что они там все уничтожили. Скорее всего…

— А вот эго — уже твои домыслы! Можешь оставить их при себе! У меня лично нет оснований не доверять людям из администрации!

— А у меня — есть!

— Ну-ну! Давай! Ты так долго не усидишь!

— А я и пе стремлюсь…

— Вот и хорошо. Я учту. У тебя же скоро аттестация.

— Пишите, что хотите!

— Ладно, — вдруг как-то примирительно сказал начальник управления. — Ты мне вот что скажи: что за сотрудник такой там появился, вроде наш? Орлов — его фамилия. Только начал работу в администрации, без году неделя, а уже подставил тебя по-крупному!

— Ничего он меня не «подставил»! Это мы обратились к нему, а не он сам… Он-то, может, и не знал даже.

— Тоже шустряк, я смотрю. Наверное, не понял, куда попал и для чего его туда взяли! И вообще, ты с этим Орловым поосторожнее! Не наш он человек!

— Я, товарищ генерал, Орлова знаю мало, но ничего пока плохого сказать про него не могу. Наш он или не наш, время покажет. А «подставили», скорее всего, мы его, а не он нас.

— Ну, ладно! Ты меня, Александр Васильевич, понял! В понедельник утром доложишь все подробно отдельным рапортом. Все! Да, не забудь материалы к коллегии.

— Не забуду!

Вахромцев аккуратно положил трубку на рычаг телефонного аппарата, хотя внутри у него все кипело и он готов был швырнуть ее так, что она разлетелась бы на мелкие кусочки. Пару раз у него в жизни так уже бывало, но с годами пришли выдержка и мудрость — самые необходимые качества, которые, как считал

Вахромцев, должен воспитывать в себе каждый сотрудник органов государственной безопасности.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Не могу забыть, как однажды ко мне обратился начальник одного из отделов моего управления. Он неожиданно спросил меня: „Что, мы теперь поменяли плюс на минус?“ Я не показал виду, что понял, о чем идет речь. А он имел в виду то, что вчерашние партийные и советские руководители, активно выступающие против курса на развал страны, вдруг стали объектами нашего внимания, а те, за кем пару лет назад наблюдал КГБ, стали кастой неприкасаемых» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992–1993 годах — начальника управления Министерства безопасности)*.

Вахромцев встал из-за стола, сам не зная зачем подошел к книжному шкафу. Его взгляд упал на бронзовую фигурку Дзержинского, которую ему подарили несколько лет назад, когда он уезжал из своего родного коллектива, где проработал более десяти лет, овладевая премудростями чекистской науки.

«Эх, Феликс, Феликс! Куда мы катимся!» — это была мысль, все чаще и чаще приходящая в голову — тоскливая мысль человека, который по своему характеру отнюдь не склонен был к унынию и меланхолии.

20 марта 1993 года, суббота, вечер

Москва. Никитинская улица.
Телефонная будка рядом с магазином «Вино»

— Гриша, ну все в порядке! Успели! Правда, я взял только половину, но… Да не ори ты! Скажи спасибо, что хоть это! Надо же было показать, что все тип-топ… Эти привалились… ну думали, что все — шмон проведут и ксивота ихняя! Но нет! Наша взяла!.. Да… да… Все сделали! Представляешь, они даже… Как это?… Служебное расследование провели! Их бугор распорядился… Ну да!.. Ага!.. Я тащусь! Цирк просто!

Говоривший все это парень боковым зрением заметил, что стоящий рядом с телефонной будкой мужик протягивает руку к двери, намереваясь ее открыть.

— Щас, Гриша!.. Тебе чего, мужик?

От одетого в грязное пальто человека разило водкой. Видно, только что он распил бутылку со своими собутыльниками в ближайшем подъезде или наклюкался еще где-то, дойдя до стадии почти полной невменяемости. На вопрос парня он промычал что-то нечленораздельное и снова потянул дверь на себя.

— Слушай, ты, бухало вонючее! Хиляй отсюда! А то как дам в грызло!

Пьяный попытался еще что-то сказать, но, распознав угрозу в голосе звонившего, отпустил дверь и поплелся в сторону автобусной остановки.

— Не! Ничего! Пьянь гут одна прицепилась… Да!.. В общем, шеф, все на мази!.. Что?… Ну, откуда я знаю? Будем думать! Как ты творишь — «проанализируем»!.. Да, уже знаем. Недавно приняли на работу там одного. Сразу начал землю рыть. Нет, не пёс! Вообще не мент. Из этих, которые приходили… Да, вопроса нет, все узнаем. А если надо будет — прищучим!.. Ну пока!

Парень быстрой походкой направился к автобусной остановке, на которой собралась уже небольшая толпа. Через пару минут со стороны Щелковского шоссе показался автобус тридцать четвертого маршрута. Парень сел в него через заднюю площадку одним из последних, так и не обратив внимания на стоящий поодаль «москвич» синего цвета.

20 марта 1993 года, суббота, вечер

Москва. Рублево-Успенское шоссе.
Бывшая дача ЦК КПСС

— Да, ребятки, что-то у вас не так получается. Как мы договаривались? Все должно быть аккуратно, грамотно, я бы сказал даже, благопристойно. А вы!

— Но Михаил Юрьевич, никто же не мог подумать, что комитетчики пронюхают про это. Позиции у нас там исключительно сильные и мы…

— Григорий, ты ведь достаточно благоразумный молодой человек. Поэтому ты не можешь не понимать, что грубые действия могут только усложнить наши с тобой отношения. Вы же знаете, я — человек серьезный и рисковать своим положением не буду. Я вступил с вами в… Как бы это правильнее выразиться?… Я вступил с вами в диалог для того, чтобы обеспечить взаимные интересы. А ты намереваешься втравить меня в какое-то сомнительное дело! Ты ведь не далее как неделю назад показал мне документы, которые открывают блестящую перспективу нашего сотрудничества. Ради нее, этой перспективы, можно поступиться какими-то своими интересами и привязанностями. А теперь я узнаю, что у вас возникли неприятности с властью…

— Да не с властью, а с гэбэшниками. Да и никакие это не неприятности. Подумаешь, они случайно напоролись на наш типографский заказ! Мы уладили вес в два счета! Больше половины продукции сохранили и вытащили оттуда!

— Григорий, все это выглядит как-то несерьезно! Удостоверения, спецталоны! Зачем все это? Это же детские шалости! На кон поставлены громадные материальные ценности. Полным ходом идет приватизация государственной собственности, которая в самое ближайшее время приведет к власти… Да, да, к власти!..новый тип людей — инициативных, целеустремленных, способных превратить это гигантское пространство с останками разрушенного «совка» в процветающую страну европейского типа! Речь идет об огромных богатствах! А вы, как мальчишки, играетесь в «полицейских и воров»!

— Вы извините, Михаил Юрьевич, но, кроме наших с вами планов, у меня есть еще мое дело, которое я должен развивать.

— Я понимаю это, Гриша. Твой бизнес… это твоя охранная контора, конечно…

— Да причем туг контора! Я говорю о нашей организации, о «Российской национальной акции», о том, что она должна стать в ближайшее время реальной политической силой. А для этого

потребуется много денег. Очень много! Вот мы и пытаемся заработать на одном выгодном для нас деле.

— И для этого вы решили отпечатать какие-то липовые документы в Администрации Президента. Другого места не нашлось!

— Да не в этом же дело, Михаил Юрьевич! Просто лучше «крыши», чем Старая площадь, не найдешь! У меня там есть немало своих людей, которые в случае чего прикроют. Но документы нам нужны, конечно, для другого, причем хорошие, подлинные, а не «липовые», как вы говорите. Вот мы и изготовили небольшую партию. Кстати, вам не нужен спецталон на авто?

«Босс» ухмыльнулся, снисходительно посмотрев на молодого человека, и, как бы невзначай, бросил:

— Нет, не нужен. — После некоторой паузы добавил: — Он у меня уже есть.

— Ну вот, видите, даже вы не брезгуете…

— О чем ты говоришь, Гриша! У меня самый что ни на есть настоящий, неподдельный спецталон. И получил я его вполне официально — от высокого должностного лица.

— Бесплатно?

Михаил Юрьевич слегка смутился, едва заметно поморщился и назидательным голосом сказал Григорию:

— Молодой человек, вы ведь знаете — в бизнесе не принято задавать подобные вопросы. Но вам, как человеку мне очень симпатичному, скажу. — Конечно, заплатил определенную сумму. Не очень большую для меня, разумеется. В нашем мире, дорогой Гриша, ничего не делается бескорыстно. И это правильно! Любая услуга, даже самая мелкая, должна быть адекватно оценена. Иначе люди борзеют! В Библии сказано: «Умножается имущество, умножаются и потребляющие его». А мы ведь к этому и стремимся! Чтобы и страна стала богаче, чтобы богатых людей стало больше, да и чтоб нам в ней жилось неплохо, на хлеб с маслом хватало. Правильно?

— И с икрой тоже! — иронично добавил Григорий.

— Конечно, Гришенька, и с икрой. Мы заслужили это! Многие годы жили в стойле и хлебали все из одною корыта. Слава богу, наступили другие времена. Для таких, как ты, Григорий, как я, как многие наши друзья. Так давай действовать! Быстро и энергично. Дележка пирога только началась, и, поверь мне, на всех его все равно не хватит! Громадная государственная собственность бывшего СССР ждет своих хозяев, не пропивающих и проматывающих ее, а способных приумножать богатства. Даже если для этого придется пожертвовать целым поколением. Эта серая масса, разложившаяся от безделья и пьянства толпа,

которую именуют народом, пока еще не способна вывести страну на путь, которым идет весь цивилизованный мир. Пройдут многие годы, прежде чем здесь, в России, наступит экономическое возрождение. Но мы уже сейчас должны все делать для того, чтобы на нашей земле появился дух предприимчивости и экономической свободы. А это станет возможным только тоща, когда появится класс собственников, которые будут управлять государственной машиной, держать в узде сомневающихся и жесточайшим образом расправляться с теми, кто мешает становлению нового уклада жизни.

— Михаил Юрьевич, вы так складно говорите, что мне становится все понятно. Вот такие люди, как вы, и должны управлять страной. А мы станем вашей опорой, вашим боевым отрядом, который очистит Россию от всякой нечисти! Мы станем элитой в этой стране! И тогда нация возродится…

— Гриша, умерь свой пыл! А то своими речами ты напугаешь даже тех, кто готов с вами иметь дело. Сначала закрепитесь во власти, докажите на деле, что на вас можно положиться, а уже потом претендуйте на роль российской элиты! Ты меня понял?

— Понял! В этом вы можете не сомневаться! Докажем! Еще как докажем! Россия содрогается!

— Ты сначала докажи, что можешь прищемить хвост этим гэбэшникам в администрации. Чтобы они перестали там все вынюхивать и восстанавливать старые порядки! Сейчас не тридцать седьмой год! Кто там особо активный? Ты мне, кажется, говорил — какой-то новенький, который недавно пришел. В кадры, вроде?

— Да, Михаил Юрьевич. Орлов его фамилия. «Человек Филатова».

— То есть?

— Филатов персонально его запросил у Баранникова.

— «Запросил»? Интересно зачем?

— Этого мы не знаем.

— Ну так узнайте! Найдите к нему подходы. Сделайте из него нашего союзника! Нам очень пригодится человек в кадрах.

— Понял, Михаил Юрьевич, найдем подходы. Или купим, или уроем!

— Гриша, ну зачем же так грубо! «Уроем», «купим». Мы же интеллигентные люди! Я говорю: «Найдите подходы». К каждому человеку можно найти ключик. Найдите ключик к этому Орлову.

— Найдем.

20 марта 1993 года, суббота, вечер

Москва. Улица Крылатские Холмы.
Квартира Орловых

— Смотри-ка, Оля, про дом в нашем Крылатском пишут! — Андрей держал в руках газету. — Вот купил в переходе «Правду».

Домой он пришел сегодня рано. Хотя день был нерабочий — суббота, но Орлов уже давно забыл, что такое выходной. Первая педеля работы в Администрации Президента была столь насыщенной, что ему казалось, что он работает там уже несколько месяцев. Контакты со множеством новых людей, хождение по коридорам Кремля и Старой площади, головокружительная по скорости акция с удостоверениями и спецталонами — вес это не давало даже перевести дух.

Андрей уже успел съесть куриную ножку с жареной картошкой — что-то среднее между обедом и ужином, и теперь ждал когда вскипит чайник. Они с Олей были чаевниками и не представляли себе завершение вечерней трапезы без чая. В то время как Оля ставила на стол чайную посуду и уже собиралась позвать детей, Андрей обратил внимание на статью в газете. Она называлась «„Спецхата“ для борцов с привилегиями» и располагалась на первой полосе, да еще сопровождалась двумя фотографиями, изображающими известный жителям Крылатского кирпичной дом на Осенней улице.

— Смотри-ка, что пишут: «Предшественникам нынешних демократов, коих последние возмущенно заклеймили позором за пристрастие к фешенебельным особнякам и шикарным лимузинам, наверное, и не снилось, что эти особняки и лимузины после них будут эксплуатироваться с еще большим прилежанием и рвением».

— Но это же правда, Андрюша! Борис Николаевич обещал ездить на троллейбусе…

— Оля, что за тупость! Президент — на троллейбусе! Эго вес демагогия! Глава государства не то что имеет право, он должен передвигаться таким образом, чтобы была гарантирована его безопасность, чтобы он не терял времени на…

— Ты это говоришь потому, что теперь сам работаешь у Президента?

— Нет, я так считаю. Другое дело, он должен делать все для того, чтобы жизнь стала чуть лучше!

— Вот, вот! Лучше! А у нас что? Сливочное масло стоит больше тысячи, растительное масло — 350 рублей, яйца — 153 за десяток, колбаса — 900 рублей, говядина — больше полтысячи!

Это нормально? За доллар дают уже 666 рублей! Число дьявола! Ты же знаешь, что мы с трудом от получки до получки дотягиваем!

— Не 666, а 667! Подожди-ка! — Андрей протянул руку к телевизору. На экране Президент Ельцин проникновенно, четко выговаривая слова, зачитывал какой-то текст. Уже через мгновение Андрей понял — обращение к народу.

«Час от часу не легче! — подумал Орлов, вспоминая события августа 1991 года. — Тогда тоже все началось с обращения, а потом превратилось в такое жесткое противостояние, которое вылилось в массовые беспорядки. Хорошо хоть не превратилось все в гражданскую войну! Да и обошлось почти без жертв — трос погибших в туннеле под Калининским проспектом — капля в морс! Правда, заодно и страну развалили!»

Андрей сосредоточенно смотрел на экран, а Оля, которой передалась тревога Андрея, опустилась на стул, так и не успев заварить чай.

«…В июне 1991 года вы избрали меня Президентом, доверили руководить государством Российской Федерации. Тогда впервые в тысячелетней истории страны был сделан выбор, выбор главы государства и выбор того пути, но которому пойдет Россия. Выбор был предельно острым: либо по-прежнему сползать в коммунистический тупик, либо начать глубокие реформы, чтобы идти дорогой прогресса, но которой движется человечество…»

Ельцин выглядел решительным и даже немного агрессивным. Четко чеканя слова, он говорил:

«…корень всех проблем кроется не в конфликте между исполнительной и законодательной властью, не в конфликте между Съездом и Президентом. Суть глубже, суть в другом — в глубоком противоречии между народом и прежней большевистской, антинародной системой, которая еще не распалась, которая сегодня опять стремится восстановить утраченную власть над Россией…»

— Ну сколько можно кивать на большевиков?! — воскликнула Оля. — Такого, как сейчас, беспредела при советской власти не было!

— Оля, что за жаргон! «Беспредел» — так говорят уголовники!

— А сейчас и есть беспредел! — парировала Оля.

Слушая обращение Президента, Андрей думал о том, что произошедшее со страной действительно похоже на страшный сон. Еще вчера все было так надежно: работа, учеба детей, поездки в отпуск, увлечения, друзья… И вдруг, почти в одночасье, все рухнуло.

Служба в органах, которой он гордился и которая у него шла по восходящей, вдруг стала не только непрестижной, но и публично презираемой. Да и зарплаты хватало только на самое необходимое. Доллар взлетал почти ежедневно, обесценивая рубль. Поэтому каждый сотрудник старался сделать закупки вперед на весь месяц, поскольку через десять дней пачка бумажных денег превращалась в дребезжащую в кармане мелочь.

ИНФОРМАЦИЯ: «Возникала противоестественная ситуация — все больше и больше углублялся разрыв между моим уровнем влияния с одной стороны, и материальным обеспечением — с другой. Несмотря на относительно невысокое должностное положение и формальный статус в Администрации Президента, я, между тем, был вхож в высокие кабинеты и имел возможность оказывать влияние на серьезные кадровые решения. При этом я оставался сотрудником Министерства безопасности с крайне низким по тем временам уровнем дохода. Как и всем моим сослуживцам, нашей семье приходилось на всем экономить и с трудом дотягивать до получки» ***(Из воспоминаний Л.М. Орлова).***

Общеобразовательная школа пребывала в состоянии полной деградации — с роспуском пионерских и комсомольских организаций развалилась система воспитания; обнищавшие учителя, бросая свою профессию, рванулись в челночный бизнес, на уроках истории детям рассказывали всяческие небылицы, причем каждый преподаватель руководствовался исключительно собственным пониманием происходящего, зачастую полным невежественных рассуждений и досужих фантазий.

Буквально все чрезвычайно быстро становилось Орловым не по карману. Поехать всем вместе в отпуск на Балтийское море казалось уже проблематичным, купить новую мебель для квартиры, в которой они жили уже больше четырех лет; представлялось нереальным, покупать дорогие подарки — невозможным. Да что подарки! Фрукты и овощи «кусались» резко взлетевшими ценами!

А с экранов телевизоров звучали новые заклинания о реформах, которые должны преодолеть «наследие большевиков», о «коммунистическом реванше», о необходимости принятия «решительных мер», которые должны вывести страну из кризиса.

ДОКУМЕНТ: Из «Обращения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к гражданам

России 20 марта 1993 года»:

«…Восьмой Съезд, но сути дела, стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры… На Съезде в полный голос заявила о себе имперская идеология. Если она станет основой политики, то Россия неизбежно будет втянута в вооруженные конфликты со всем ближним зарубежьем… Любое свое решение и Съезд, и Верховный Совет объявляют законным и конституционным. Их некому остановить, некому удержать от произвола. Конституционный Суд в этой критической ситуации до сих нор не занял принципиальной позиции. Расправа над основами конституционного строя проходит у него на глазах…

В России как бы два правительства. Одно — конституционное, другое — в Верховном Совете. Они ведут принципиально разную политику. Согласиться с этим — значит согласиться с тем, что жизнь наших граждан должна быть мучительной и тяжелой, а экономика еще более уродливой и уязвимой… Нельзя допустить, чтоб старая партийная номенклатура вновь воцарилась в России…

Страна в течение десятилетий жила как бы в долг за счет будущих поколений, безжалостно истощая природные ресурсы; по при этом большевистская система в лучшие свои годы сумела накормить колбасой, но не всю Россию, а только столицу, да и то на доллары, которые получали за нефть.

…Съезд дискредитирует власть, разваливает государство, Съезд пытается ограничить Президента в его стремлении дать землю народу и сохранить Россию. Возможности поиска согласия с консервативным большинством депутатского корпуса полностью исчерпаны.

В этих условиях Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны… Сегодня я подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с Указом на 25 апреля 1993 года назначается голосование о доверии Президенту и вице-президенту Российской Федерации…

Одновременно с голосованием о доверии Президенту будет проводиться голосование но проекту повой Конституции и проекту закона о

выборах федерального парламента… В соответствии с Указом не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену и приостановление Указов и распоряжений Президента и постановлений Правительства…

Как Верховный Главнокомандующий, я отдал приказ Министерству обороны не допускать использования армии в политических целях. Подтверждаю, что и впредь забота о Вооруженных Силах, о военнослужащих будет одной из важнейших задач Российского государства…

Уважаемые граждане России, скажу откровенно, я настроен на решительные действия. Считаю, что в сложившейся обстановке иначе нельзя. Если не остановить политический раздрай, если не принять решительных мер по развязке политического кризиса, если не дать мощный импульс экономической реформе, страна будет ввергнута в анархию…

Уважаемые сограждане! Я предлагаю цивилизованный, основанный на фундаментальных принципах Конституции выход из кризиса без чрезвычайщины и произвола, без танков и баррикад, без митингов и забастовок. Все будете решать вы сами — граждане России — своим голосованием. Это будет ваш выбор, выбор народа.

Рассчитываю на понимание моих действий. Прошу вас поддерживать своего Президента. Верю в вашу поддержку».

То, о чем говорил Ельцин, и те решения, которые он принял, были логическим продолжением борьбы двух курсов в стране, которые олицетворяли два крыла власти — законодательной в лице Верховного Совета во главе с Хасбулатовым и исполнительной во главе с Президентом Ельциным. Вчерашние соратники по демократическим баррикадам за полтора года после августовского путча, приведшего к падению советской власти, превратились в непримиримых врагов, которые готовы были использовать все доступные им ресурсы влияния, чтобы устранить соперника. Большинство депутатов Верховного Совета выступали, но существу, за парламентскую республику, за контроль законодательной власти над исполнительной, в то время как Ельцин делал ставку на авторитарный стиль

управления, на формирование президентской республики.

Андрей и сам понимал, что для России с ее традиционной верой в справедливого царя, председателя Совнаркома или генсека фигура сильного Президента предпочтительней, нежели глава государства, тонущий в море согласований и ограничений, не способный принять самостоятельных решений, действовать смело, без оглядки на множество не обремененных конкретной работой советчиков. Но это только в том случае, если созданы достаточно четкие механизмы конституционного контроля, не позволяющие превратить власть в личную вотчину для обогащения небольшой кучки людей. А в начале 1990-х годов в России как раз и складывалась именно такая система.

— Ты знаешь, это очень серьезно, — Андрей встревоженно посмотрел на Олю. — Ельцин объявил Верховному Совету войну. Думаю, Конституционный Суд не поддержит его. Что произойдет в результате этого, можно только гадать. Но ничего хорошего я не жду. Нельзя исключить повторения 1991 года, но в другом, может быть, еще худшем варианте!

— Что ты, Андрюша! — Оля испуганно замахала руками. — Этого не может быть! Ты же слышал: Борис Николаевич говорит, что не будет ни танков, ни баррикад!

— Беда в том, что ни одна сторона не пойдет на компромисс. Вот это я знаю.

— Так что же делать?

— Не знаю. Может быть, Филатов знает. Буду у Сергея Александровича — попробую спросить.

— Так он тебе и скажет! Как он тебе?

Андрей не успел ответить, как зазвонил телефон.

— Тебя. — Оля протянула трубку Андрею.

Женский голос на том конце провода спросил:

— Андрей Нетрович?

— Да.

— Это из приемной Филатова. Сергей Александрович просил вас быть у него завтра без четверти девять.

— Ясно, буду.

— До свидания. — Раздались короткие гудки.

Андрей положил трубку.

— Что, вызывают?

— Да, завтра утром.

— Но завтра же воскресенье. Мы хотели пойти с ребятами в Политехнический музей. Они ждут.

— Оля, что я могу поделать? Наверное, в следующий раз. Вызывают. Значит, нужно.

— Это связано с обращением Президента?

— Не думаю. Я к этому никакого отношения не имею. А там… черт его знает!

21 марта 1993 года, воскресенье, утро

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

— Андрей Нетрович, вам надо в сжатые сроки проверить сведения об этом человеке. — Филатов протянул Орлову серый пакет с вложенным в него одним-единственным листком. — Борис Николаевич собирается в ближайшее время назначить ею на высокий государственный пост. Баранников сообщил, что у него нет никакой информации, которая пометала бы назначению. То есть официально Министерство безопасности не возражает. Но у меня остаются сомнения.

— Для этого есть какие-то основания, Сергей Александрович?

— Нет. — Филатов помедлил. — Серьезных оснований нет, но мне один человек говорил, что… В общем, надо проверить. Даю вам два дня. Больше дать не могу. Во вторник утром доложите мне. Ясно?

— А может быть, мне встретиться с этим человеком, который сообщил вам компрометирующую информацию?

— Нет уж! Занимайтесь своим делом самостоятельно.

Андрей было уже собрался выйти из кабинета, как Филатов сказал:

— Вы, конечно, слышали об обращении Бориса Николаевича и его Указе об особом порядке управления страной?

— Конечно.

— Имейте в виду: предстоит решительная борьба с большевистской партократией. Президент реванша не допустит. Сегодня в два часа ночи Конституционный Суд начал рассматривать этот вопрос. По моим данным, Зорькин выступит на стороне Верховного Совета, а это значит — война. На карту поставлено все, в том числе завоевания августа 1991 года.

«Какие завоевания?! — пронеслось в голове Андрея. — Бешеные цены? Повсеместный развал производства? Бандиты, рвущиеся во власть? Всеобщее падение нравов?» Но он, разумеется, ничего этого не сказал.

— На вас ложится большая ответственность. В том числе и с этим. — Филатов указал глазами на пакет, который Андрей держал в руках. — Нельзя подвести Президента и дать повод его врагам упрекать в том, что он назначает на высокие должности не тех людей.

— Я понял, Сергей Александрович.

— Только, пожалуйста, осторожно с этим материалом. О нем никто не должен знать.

— Как это? Как же я смогу его проверить, если никто не должен знать? Я же буду изучать информацию о нем в подразделениях Министерства безопасности!

— Все равно! Очень осторожно! Не допустите утечки!

— Ясно.

От Кремля до Старой площади ходу быстрым шагом минут десять, и Орлов уже в девять был у себя в кабинете. Он вынул из конверта лист, который оказался обычной справкой-объективкой — кадровой справкой на служащего, содержащей минимум биографических данных лица, поступающего на работу или назначаемого на вышестоящую должность.

Когда Андрей прочитал фамилию человека, которого, как сказал Филатов, Президент собирался назначить «на высокий государственный пост», он понял, почему тот заговорил об ответственности. Человек, который волею главы государства должен был стать во главе целой отрасли, был достаточно известен. Причем известность эта была скандальная, так как в прессе уже не раз печатались материалы, «разоблачающие» его участие в различных махинациях.

«Да, трудно будет докопаться до истины», — подумал с тревогой Орлов.

23 марта 1993 года, вторник, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Через два дня справка на кандидата, рассматриваемого для назначения на высокий государственный пост, была готова. Для этого Андрею пришлось трудиться все воскресенье и весь понедельник до самого позднего вечера. Ему пришлось поднять на ноги несколько человек из Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией, пролистать десятки дел и посмотреть распечатки из информационной системы. Оперработник, с которым Андрей плотно работал весь понедельник, в сердцах сказал:

— Да его не назначать надо, а сажать! Совсем зарвался! Ничего не боится! За бесценок получил громадную собственность, перепродал се через подставные фирмы, «нагрел» всех, кого только можно. Деньги обналичил и разместил в иностранных банках. Недвижимость за границей — квартиры, дома, офисы. Мечтает купить остров в Средиземном море! Дети учатся в престижных иностранных вузах, жена скоро рухнет под весом всяких украшений! Скажи, Нетрович, что творится? Почему эти подонки не только остаются на плаву, но и продвигаются наверх?

— А мы для чего с тобой служим здесь! — серьезно ответил Орлов. — Мы должны честно все изложить и тем самым предупредить Президента от кадровых ошибок.

— Петрович, а ты что, думаешь, о его «героических подвигах» никто не знал?! Как он вообще мог оказаться в числе кандидатов на такую должность?

— Понимаешь, Президент нам не очень доверяет. Считает, что мы пользуемся старыми методами и можем опорочить честного человека. Ведь он сам, но крайней мере, он так считает, был в свое время «жертвой провокаций КГБ».

— Опорочить? Да у нас каждый эпизод подтвержден реальными документами. Заметь, не просто сообщениями наших источников, что нередко рассматривают как доносы, а абсолютно достоверными материалами. Вот — все они, в этом деле! Видишь, как дело называется? «Клещ»! Он клещ и есть! Впился своими щупальцами в нашу экономику, в наши предприятия, инфраструктуру и сосет кровь! Вот посмотри, не только мы это установили! Слава богу, наши коллеги за границей еще не разуверились в нас и иногда дают качественную информацию о российских коррупционерах и бандитах, имеющих собственность за рубежом.

Орлов, еще раз пробегая глазами подготовленную для Президента справку, ловил себя на мысли о том, что в сфере назначения на высшие государственные должности происходит что-то непонятное. Вместо установления плотной преграды на пути проникновения криминала во власть, наблюдаются какие-то хаотические действия, которые нередко приводят к рычагам управления людей, рассматривающих свою должность как эффективное средство личного обогащения, как удобную кормушку для обеспечения собственного благополучия.

Если в советское время партийно-номенклатурная система формирования руководящих кадров позволяла в значительной степени отсеивать всякого рода проходимцев и людей, не обладающих необходимыми профессиональными качествами и опытом, то после се разрушения кадровая политика превратилась в кадровую вакханалию, когда на руководящей должности мог оказаться человек, не только слабый в профессиональном отношении и абсолютно непригодный в моральном плане, но и хапуга, взяточник, вымогатель. В стремлении «очистить» управленческие аппараты от бывшей партноменклатуры новые хозяева кремлевских и старо-площадских кабинетов повторяли ошибку большевиков, которые готовы были простить любого уголовника, как социально близкого пролетариату, и не доверяли выходцам из буржуазного класса. История повторилась один в один только абсолютно наоборот, правда, теперь уже как фарс.

* * *

Первое время Орлов чувствовал на себе недоверчивые, а иногда и неприязненные взгляды сотрудников Управления кадров. И раньше, еще до развала страны, человек «оттуда» вызывал беспокойство, подозрение, желание избежать встречи с ним. Синдром тридцать седьмого года на генетическом уровне засел в умах и душах людей, некоторые из которых при слове «чекист» вздрагивали, испытывали страх или нервную дрожь. На рубеже 1990-х годов к этим чувствам добавилось презрение, злоба и ненависть, активно подогреваемая либеральной прессой и некоторыми правозащитниками. Поэтому рассчитывать на доброжелательное отношение к себе на первых порах Орлов не мог. Должно было пройти какое-то время, чтобы Андрея узнали, почувствовали, что от него не исходит никакой опасности, что он порядочный человек, надежный товарищ и интересный собеседник.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Сотрудники Управления кадров встретили Орлова крайне настороженно, а первый заместитель начальника управления, тот так прямо сказал мне: „Что-то он мне не нравится. Как-то косо смотрит все время“. Очень скоро все узнали, что Орлов часто бывает у Филатова и поэтому допытывались у меня, почему. Я объяснял так: паши общие вопросы мы решаем вместе. У нас с ним совершеннейшее взаимопонимание. А те персональные задания, которые даст ему Филатов, вообще не касаются нашего управления…» *(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).*

Орлов еще раз прочитал вывод, сделанный им в справке: «Имеющаяся в органах безопасности информация, многократно проверенная по различным источникам, а также многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что назначение указанного кандидата на высокую государственную должность нецелесообразно, поскольку может дискредитировать руководство страны, если оно примет такое решение».

Орлов еще немного подумал и зачеркнул последнюю строку вывода, где говорилось о дискредитации руководства. «Это, наверное, ни к чему. По-моему я слишком… Достаточно простого вывода о нецелесообразности, а текст справки говорит сам за себя. И довольно убедительно».

23 марта 1993 года, вторник, утро

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

— Сергей Александрович, я подготовил справку. — Андрей протянул Филатову тот самый пакет, который получил от него вместе с заданием провести проверку кандидата на должность.

Филатов молча развернул пакет и стал читать подготовленный Андреем документ. По мере ознакомления с ним лицо Сергея Александровича стало покрываться румянцем, вроде он только пришел с мороза, губы плотно сжались, как будто руководитель Администрации Президента боялся выпустить из себя какое-то неверное слово, пальцы правой руки еле слышно забарабанили по столу.

Дочитав справку до конца, Филатов поднял на Андрея глаза:

— Вы отдаете себе отчет в серьезности изложенной вами информации и сделанного вывода? Вы уверены, что вас никто не вводит в заблуждение? Уверены, что вам не подбрасывают ложные сведения?

— Уверен, — ответил тихо Андрей. Но прозвучало это как-то нетвердо. Филатов, видно, почувствовал это и строго сказал:

— Вы должны понимать, что на основе этого документа Президент будет принимать решение.

— Понимаю. В объективности информации уверен. — Андрей оправился от минутного замешательства и ответил уже довольно четко.

— А Баранников знает содержание вашей справки?

— Нет, я ему не докладывал. Может быть, доложил начальник управления, с сотрудниками которого я изучал информацию. Этого я не знаю.

— Хорошо.

Филатов еще раз пробежал тазами справку, затем повернулся к тумбе, на которой стояла вереница телефонов разного калибра, поднял трубку массивного телефонного аппарата с большим золотым гербом.

«Звонит Президенту», — догадался Орлов. И не ошибся.

— Борис Николаевич, разрешите я зайду… По вашему поручению… Да, да… Справка? Есть. Иду!

Филатов встал, поправил галстук, положил справку в аккуратную двустворчатую папку темно-синего цвета.

— Посидите здесь. — Сергей Александрович указал на стул у приставного столика и вышел из кабинета.

Андрей остался один. Несмотря на то что он был уверен в

качестве проделанной работы, чувство тревоги не отпускало его. Слишком ответственный был момент. Как Президент воспримет справку? Доверит ли он изложенной в ней информации? От ответа на эти вопросы зависела дальнейшая работа Орлова в администрации, а может быть, и сама служба в органах безопасности.

Андрей, чтобы скоротать тянущееся время, хотел было подойти к стенному шкафу, где за стеклом виднелись разнокалиберные корешки книг и альбомов, но посчитал делать это неудобным. «Вдруг Филатов вернется в кабинет и застанет меня не в том месте, где оставил. Что он подумает?»

Пару раз в полной тишине прозвучал зуммер телефона да раздался бой напольных часов, которому вторил дальний перезвон кремлевских курантов. Протянулось еще несколько тягостных минут, прежде чем распахнулась дверь и в кабинет вошел Филатов. Вид у него был крайне озабоченный. Он как будто с осуждением посмотрел на Орлова, сел за стол, открыл папку.

«Хорошо, что Президент не оставил справку у себя», — промелькнуло в голове у Андрея.

— Борис Николаевич ознакомился с вашей справкой. Так же как и я, он выразил опасение, не подбрасывают ли нам ложную информацию. А потом ваши эти обороты: «по оперативным данным», «имеются сведения». Это же все домыслы!

— Нет, Сергей Александрович, не домыслы! За каждым словом, за каждой оценкой стоят реальные факты, подтверждение документально! Я сам с ними знакомился и ручаюсь за точность…

— Ладно, ладно. Борис Николаевич сказал, что принимает решение отложить вопрос о назначении. Все. Спасибо.

— Я могу идти? — Андрей еще до конца пе осознал того, что его работа принята и глава государства согласился с главным выводом: человеку, погрязшему в махинациях, нечего делать во власти! Это была вторая победа после успешного завершения дела с удостоверениями и спецталонами!

ВОСПОМИНАНИЯ: «Помню, я тоща был очень взволнован. Я вдруг почувствовал реальную отдачу от своей работы на Старой площади. Все разговоры о борьбе с коррупцией разбиваются в пыль, когда сталкиваются с реальным фактом назначения на высокую должность человека с криминальными намерениями. А если у этого человека есть могущественные „толкачи“ и поддержка сильных

мира сего, попытка помешать ошибочному назначению обречена, как правило, на провал. Нужно проявить необходимую твердость и, прямо скажем, гражданское мужество, чтобы встать на пути такого решения. Мне показалось тоща, что Филатов в тот раз смог проявить эти качества, хотя не без сомнения отнесся к моей информации» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Когда Орлов закрыл за собой дверь, то увидел несколько пар таз, устремленных на него. В приемной ожидало по меньшей мере с десяток человек — начальники управлений администрации, руководители министерств и ведомств, какие-то другие важные люди. Наверное, каждый из них задавал себе вопрос, что это за неизвестный человек, которого Филатов принял раньше всех. Да что принял! Оставил в своем кабинете, пока уходил куда-то. Куда? Почти все догадывались, куда.

Только выйдя из Кремля через КПП у Спасской башни, он в полной мере осознал, что ему удалось решить до сих пор казавшуюся крайне трудной задачу — создать прецедент, который позволил бы выстроить четко функционирующую систему проверки кадров государственной службы. Именно в этом он видел свою основную задачу, так как процесс криминализации системы управления был чреват полной деградацией власти и не оставлял никаких надежд выбраться из коррупционной ямы.

23 марта 1993 года, вторник, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 705

— Андрей Нетрович, что-то я тебя совсем не вижу! Назначили моим заместителем, а своего подчиненного нигде не могу найти! — Нетр Васильевич в полушутливой форме упрекнул Орлова. — Что, был там?

— Да.

— Опять поручение?

— Уже выполнил.

— Ну, Андрей Нетрович, только пришел, а уже успел выполнить поручение! А какое? Можешь сказать?

Орлов замялся. С одной стороны, ему не хотелось обижать Нетра Васильевича недоверием, с другой — он понимал, что столь конфиденциальное задание, которое ему давал Филатов от имени Президента, не должно быть известным никому, кроме него.

Петр Васильевич, видя замешательство Орлова, обиженно сказал:

— Ладно, можешь не говорить.

— Вы же сами понимаете, Нетр Васильевич… Я не имею права…

— А я думал, мы с тобой полностью доверяем друг другу.

— Не обижайтесь! — как можно более дружелюбно ответил Андрей. Но было видно, что Нетр Васильевич обиделся не на шутку. Он встал из-за стола, прошел взад-вперед по своему большому кабинету, остановился перед широким окном с видом на кремлевские башни.

— А ты читал статью Филатова в "Известиях"? — все еще обиженным тоном спросил Романенко.

— Нет, а что там?

— Вот, слушай! — Он взял со стола газету. — Называется "Власть и согласие". — Нетр Васильевич пробежал взглядом текст статьи и, найдя, наверное, поправившееся ему место, стал читать.

> **СТАТЬЯ: «…Всем нам, кто хочет блага народу и государству, необходимы сегодня национальное согласие на доведение до логического конца курса реформ, высочайший профессионализм руководителей всех уровней…»** ***(Из статьи С.А. Филатова, в 1993–1996 годах — руководителя Администрации Президента, «Власть и согласие».***

«Известия», 27 марта 1993 года).

— Вот видишь, Филатов говорит, что нужны профессиональные руководители, а на деле что? Посмотри, кого набирают! Да что говорить, ты, Андрей Нетрович, сам все знаешь!

Петр Васильевич безнадежно махнул рукой и вдруг без всякой связи стал декламировать:

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыдания,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страдания.
Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоение,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенье.

— Есенин? — догадался Андрей.

— Да. Какие прекрасные слова — «И там, наперекор судьбе, искать я буду вдохновенье»!

— Да, чудесно! — согласился Андрей.

— Нам надо держаться друг друга. Здесь такие люди! — Нетр Васильевич как-то по-особенному посмотрел на Орлова. — Смотри, они тебе в лицо улыбаться будут, а сами…

— Спасибо, я постараюсь следовать вашим советам. — Сказав это, Орлов вышел из кабинета и пошел к себе.

«Вот веда как! Сделал хорошее дело, а поделиться не с кем! — с некоторой досадой подумал Андрей. — И где же я буду „искать вдохновенье“? Наверное, только дома, с Олей и детьми».

28 марта 1993 года, воскресенье, день

Москва. Лефортовский парк

Андрей давно хотел прийти сюда всей семьей. И не только потому, что здесь очень красиво. Когда-то в далеком детстве он бывал здесь с мамой и бабушкой, и картины, виденные детскими глазами, надолго запали ему в память. А еще он был здесь пару раз вместе с классом на прогулке. Тогда была осень, и они собирали кленовые листья — желтые, красные, золотые.

Лефортовский парк, наверное, один из самых романтичных в Москве — заросшие пруды и каналы, остатки старинных террас из красного кирпича, полуразрушенный грот с колоннами, балюстрада и живописные аллеи.

День выдался довольно теплым. Во веем чувствовалось, что весна вступает в свои права — и в освободившейся от снега земле, веселых ручейках, стекающих по склонам каналов, ворохах прошлогодней листвы, веселом чириканье воробьев, в особом запахе земли, который ощущается только ранней весной.

ВОСПОМИНАНИЯ: "Вообще мы с Олей любили куда-нибудь отправиться с ребятами в выходной день. Но так как у меня суббота чаще всего была рабочей, то оставалось воскресенье. Мы побывали с Ниной и Серёжой практически во всех музеях Москвы, в некоторых, как, например, Политехнический, даже но нескольку раз. Частенько ездили на ВДНХ[55], прогуливались по Измайловскому парку, Сокольникам, Нескучному саду, Бульварному кольцу, бывали на вернисаже в Измайлово, на пестром и многоголосом Старом Арбате, в Кремле, на Ленинских горах и у Белого дома. Мне казалось, что надо приучать детей к тому, чтобы они понимали красоту природы и удивительный мир архитектуры, просто прониклись любовью к Москве.

Для меня это всегда был лучший город, несмотря на то, что в начале девяностых годов он представлял собой удручающее зрелище: запущенность и нищета соседствовали с яркими вывесками магазинов "новых русских", бойкой торговлей в повсюду появившихся палатках. Здесь было все перемешано —

пронзительные звуки скрипки и аккордеона с едким запахом шаурмы и шашлыков, пестрота шмоток "челноков"[56], сопровождаемая запахом фальшивых французских духов, с вонью подъездов и подземных переходов. Центр города превращался в караван-сарай или шалман, все меньше и меньше походивший на дорогой мне город. И только некоторые островки сохраняли прелесть прошлых лет. Именно эти осколки Москвы мне хотелось показать детям, чтобы они хоть немного почувствовали уходящий в небытие дух российской столицы. Одним из таких мест был Лефортовский парк" *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

Они прошли через арку с ажурными воротами мимо щита с афишами и какими-то объявлениями, вступили на главную аллею и, не торопясь, двинулись в глубь парка. Эта совместная прогулка была первой за последние два месяца потому, что Андрей наконец смог распорядился своим личным временем. Он даже привык, что на воскресенье не стоит планировать каких-либо домашних дел, длительных прогулок или походов в музеи. Дети уже стали привыкать, что папа по выходным находится на работе и общение с ним скорее исключение, чем правило.

— Знаешь, Оля, мне иногда вспоминается то время, когда я приходил сюда во втором классе. Мы тогда приехали с родителями на несколько месяцев в Москву, потому что маме собирались делать операцию на сердце.

— Я знаю, ты рассказывал.

* * *

Да, Андрей рассказывал Оле об этом, когда они еще не были женаты. По воле случая ей, как и его маме, предстояла операция на сердце, и Андрей воспринимал происходящее как какой-то знак свыше. То, что понравившаяся ему девушка оказалась тяжело больна, не только не отвратило его от нее, а в еще большей степени усилило чувство нежности и заботы. Он пи на миг не задумывался над тем, как се состояние скажется на их совместной жизни, и был рьяным сторонником безотлагательного проведения операции. Его маме операция на сердце подарила двадцать лог жизни, в то время как врачи в конце пятидесятых годов еще очень скептически смотрели на жизненные перспективы молодой женщины.

Родители приехали с восьмилетиям Андрюшей в Москву из города Печоры Псковской области, где служил отец Андрея — майор танковых войск. Жить в Москве было негде, и они временно разместились у родственников в Бригадирском переулке. Там было всего две комнаты, в которых проживали муж с женой и дочерью, двоюродной сестрой Андрея, старшей его на три года, и бабушка. Они потеснились, уступая приехавшим место в одной комнате, но все равно спать приходилось на полу. Родители чувствовали себя неуютно и скованно в общей квартире, расположенной на втором этаже дома дореволюционной постройки недалеко от станции метро «Бауманская».

Андрея и его двоюродную сестру Ларису бабушка провожала в стандартную четырехэтажную школу из красного кирпича в Лефортовском переулке, мама лежала на предоперационном обследовании в Первоградской больнице, а папа опять уехал к месту службы. Именно тогда они с классом и побывали в Лефортовском парке. Как только вышли на главную аллею, мальчишки стали бегать и возиться, задирать девчонок и бросать камешки и щепки в воду. Классная руководительница пыталась их урезонить, но это у нее не очень получалось. Андрей, еще не успевший познакомиться с большинством класса, держался в стороне. Трудно сказать почему, но когда он оказался на берегу пруда и стал смотреть на зеркало воды, в котором отражались облака, ему стало очень тоскливо. Он почувствовал, что готов заплакать от жалости к самому себе, от чувства необъяснимой тревоги, от щемящей грусти. Маму он не видел уже две недели, а приближающийся срок операции казался ему чем-то абстрактным, никак не связанным с ней.

Потом, уже дома у родственников, когда пришли с работы дядя Женя и тетя Шура, они с Ларисой занимались домашним заданием, а бабушка готовила ужин на общей кухне, произошло то, что потрясло его детскую душу, на долгие годы въелось в память и оставило тяжелый след.

Старшие собирались то ли в театр, то ли в гости. Тетя Шура, эффектная женщина тридцати трех лет, надела красивое платье, туфли на высоком каблуке, достала изящную дамскую сумочку и кожаные перчатки, стала подбирать, копаясь в шкатулке, украшения — брошку и серьга. Она покрутилась перед большим трельяжем, но по выражению лица было видно, что она чем-то недовольна. Возможно, украшения показались ей не подходящими к платью, или туфли не гармонировали с ним, а может быть, и по другой причине, но она подошла к платяному шкафу, в котором висела одежда, в том числе пара платьев

Андрюшиной мамы. Рядом на полочке лежала мамина сумочка.

Тетя Шура потрогала мамины платья, даже попыталась снять одно из них, но затем передумала.

— Шурик, ты скоро? Мы уже опаздываем? — спросил жену дядя Женя. — Что ты еще хочешь? По-моему, выглядишь отлично.

— Да вот, Женя, не очень подходит эта брошка, да серьги тоже.

Она взяла в руки мамину сумочку, открыла ее и, нащупав что-то внутри, достала изящную брошку в виде миниатюрной веточки с ягодкой, приложила ее к груди.

— Как? — спросила она мужа, а йотом, понизив голос, полушепотом произнесла: — Может, я надену эту брошку? Нине-то, скорее всего, уже не понадобится.

Сказанные очень тихо слова прозвучали для восьмилетнего мальчика как гром среди ясного неба. До него не сразу дошел истинный смысл этих слов, который заключался лишь в том, что окружающие, даже близкие люди, уже не верили в то, что его мама выживет. Андрей на всю жизнь запомнил то свое состояние, когда, казалось, земля качнулась под ногами и он стал проваливаться в бездну. Потом это повторилось только раз, спустя два десятка лет, когда врач в коридоре 57-й клинической больницы с нескрываемым сожалением произнес: «Ваша мама умерла сегодня утром».

* * *

Сережа и Нина шли поодаль, шурша прошлогодними листьями и, как всегда, подкалывая друг друга. Они вообще не слишком дружили. Нина, более старшая, постоянно надсмехалась над братом, а тот платил ей тем же. Нередко то один, то другой обращались к маме: «Мама, а Сережка меня обзывает!» или «Мама, а Нина дразнится!»

— Знаешь, прошло уже тридцать с лишним лет, а в парке почти ничего не изменилось! — задумчиво сказал Андрей. — Только народу, по-моему, стало меньше, я имею в виду посетителей.

— Да, очень мало. Ранняя весна! Будет теплее — придет больше людей.

Андрей окинул взглядом дорожки парка, пока еще голые кусты и стволы деревьев. Навстречу им по главной аллее молодая женщина катила коляску, чуть поодаль шли в обнимку парень с девушкой, на стоящей неподалеку лавочке о чем-то оживленно разговаривали две старушки. Опершись на перила балюстрады,

курил мужчина в темной куртке с капюшоном. Пуская кольца дыма, которые тут же развеивал легкий ветерок, он смотрел куда-то вниз, на воду.

Они прошли еще немного в сторону полуразвалившейся ротонды, и тут Андрея охватило какое-то безотчетное беспокойство. Он не мог понять, что явилось причиной тревоги, и непроизвольно обернулся. Его таза встретились с тазами мужчины в куртке, который теперь стоял спиной к балюстраде и внимательно смотрел на Андрея. Поймав взгляд Орлова, мужчина снова повернулся к нему спиной.

«Стоп! Этого мужика я уже видел где-то! — пронеслось в голове Андрея. — Я определенно его уже видел!» И он тут же вспомнил, что этот же человек стоял неподалеку от входа в парк, рассматривая приклеенную на деревянный щит афишу.

«Это ничего не значит! Просто совпадение!» — успокоил себя Орлов. Но появившееся чувство опасности не проходило.

— Оля, только, пожалуйста, не оборачивайся! Незаметно посмотри, что делает мужик в куртке, который стоит у балюстрады!

— А что…

— Ничего! Просто посмотри!

Оля окликнула Сережу, и, когда тот подошел, стала поправлять у сына воротник. При этом она, как бы невзначай, повернулась в обратную сторону.

— Стоит у перил.

— И что делает?

— Ничего! Смотрит в нашу сторону.

— Понятно.

— Что, Андрюша?

— Нет, ничего.

Они прошли по аллее до конца, к другому входу в парк в районе Госпитальной улицы прямо напротив Военного госпиталя Бурденко. Остановка 32-го трамвая, на котором они планировали доехать до ближайшей станции метро, была на другой стороне улицы. Все изрядно устали. Дети прекратили пререкания и о чем-то спокойно разговаривали. Оле, наверное, передалась тревога Андрея, и она время от времени бросала взгляд на раскрытые ворота входа в парк. И не напрасно! Через пару минут в них показалась фигура мужчины в куртке. Жена многозначительно посмотрела на Андрея. Он же сделал вид, что ничего не заметил.

Мужчина между тем сел за руль припаркованной серебристой «девятки», но не торопился уезжать. Вскоре подошел трамвай, и

Андрей с Олей и детьми влились в плотную массу пассажиров, которых в трамвае в этот воскресный день было

немало. До метро было всего несколько остановок, и довольно скоро они уже выходили на Семеновскую площадь, всегда оживленную и наполненную гулом проезжающих автомашин.

Когда они подошли к метро и уже собирались, придерживая тяжелые деревянные двери, войти в вестибюль, Оля повернулась к Андрею и тихо сказала:

— А серебристая «девятка» тоже здесь!

— Ты что, видела?

— А ты ист?

— Нет. Может быть, ты спутала. Таких машин много!

— Нет, Андрюша, ничего не спутала. Та самая машина, и мужчина в ней тот же самый. Стоит справа прямо у тротуара. Я же все-таки жена чекиста!

Все это напомнило Андрею то, что приключилось с ним в Душанбе три года назад, когда он, сразу после массовых беспорядков, бесчинства националистических молодчиков и уголовных элементов, вдруг почувствовал за собой слежку. Тогда он не на шутку испугался и только благодаря тщательной подготовке к поездке и, разумеется, везению смог оторваться от преследователей и переждать самое опасное время на квартире у товарища.

То, что мужчина не случайно оказывался в тех местах, где находится Андрей с семьей, наводило на серьезные размышления. Явная слежка могла объясниться только одним — кто-то всерьез заинтересовался его персоной.

28 марта 1993 года, воскресенье, вечер,

Москва. Улица Крылатские Холмы.
Квартира Орловых

— Волк.

— Кобра.

— Аист.

— Тапир.

— Рысь.

Игра «в животных» была в полном разгаре. Все семейство сидело за кухонным столом. Оля приготовила на обед борщ да котлеты с гречкой, и за бойкой игрой, после продолжительной прогулки, ни у кого не было заметно отсутствие аппетита. Андрей краем глаза смотрел телевизор, но которому шла очередная новостная программа. Игра «в животных» была любимой, потому что они знали множество всяческих зверей, рыб и птиц, прежде всего, благодаря приобретенному пару лет назад лото с картинками.

— Баран.

— Носорог.

— Гусь.

— Соболь.

— Подождите! — крикнул Андрей, увидев что-то но телевизору.

— Лошадь! — бойко крикнул Сережа.

— Подожди, Сергей! — Андрей резко одернул сына. — Дай послушать!

Оля осуждающе посмотрела на мужа и с укором сказала:

— Что там такого интересного, чтобы так грубо прерывать ребенка!

Но Андрей был уже полностью поглощен тем, что происходило на экране телевизора. Он прибавил звук. Диктор бесстрастным голосом сообщала об очередном назначении какого-то крупного чиновника. Его фамилия Оле совершенно ничего не говорила, а дети воспринимали эту информацию вообще как некий внешний фон. Зато для Андрея фамилия человека, только что назначенного Указом Президента на высокий государственный пост, говорила о многом: о том, что вся работа Орлова, связанная с недавним поручением Филатова, пошла насмарку; что многократно проверенная и подтвержденная документами информация, характеризующая этого человека как

взяточника, вымогателя и мошенника, не принята во внимание; что кто-то, наверное, оказался более убедительным и способным оказать решающее влияние на кадровое решение высшего должностного лица государства. То, что Орлов еще несколько дней назад расценивал как свою победу, обернулось полным крахом. Правда, тоща он еще не знал, что таких поражений будет еще немало.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я пе мог прийти в себя от услышанного в телевизионных новостях. Как же так? Президент ведь согласился с нашими аргументами не назначать этого человека. Что же произошло такого, что заставило его поменять решение на диаметрально противоположное? Неужели появилась информация, которая опровергает факты, изложенные в моей записке? Но этого не может быть! Я своими глазами видел документы, уличающие этого типа в совершении преступления! Ах да, преступником человека может назвать только суд! Или все это искусная подтасовка, призванная скомпрометировать честного человека, а я сам оказался жертвой мистификации и, не желая того, ввел в заблуждение Филатова?! Но это невозможно! Если же все это правда и кадровое решение принято вопреки нашей информации, то что это значит? И что значат тоща разговоры о борьбе с коррупцией? Такие тяжелые мысли вертелись в моей голове, когда мы играли с детьми в безобидную игру „про животных“» ***(Из воспоминаний Л.П. Орлова).***

— Хорёк! Папа, хорёк! — голос сына вернул Андрея к действительности.

— Что? — Орлов никак не мог понять, что хочет от него Серёжа.

— Давай, теперь — ты! Хорёк!

— Бегемот, — не задумываясь, ответил Андрей.

— Ну что ты, папа! Какой бегемот! Хорёк! Тебе на букву «к».

— На «к»? Клещ! — Андрей вдруг вспомнил условное название оперативной разработки.

Игра продолжалась.

7 апреля 1993 года, среда, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

— Андрей Нетрович, вы домой-то хоть уходите? Вечером ухожу — вы работаете, утром прихожу — вы уже здесь! Надо же и отдыхать! А то можно… Надо соблюдать внутренний распорядок! — В голосе Хрупова Андрей почувствовал нотки иронии. Дескать, не от большого ума человек проводит так много времени на работе.

«Конечно, он прав, — думал Орлов. — Но как? Как „соблюдать внутренний распорядок“, когда поручения сыпятся одно за другим? То проверь этого, то изучи кандидатуру того-то, то удостоверься, что там-то и там-то отсутствует канал утечки информации».

За месяц работы Орлов уже привык к срочным поручениям, дням, насыщенным совещаниями, телефонными звонками и встречами, изучением самых различных документальных материалов и подготовкой докладных записок. Он привык к неожиданным вызовам в Кремль, к подозрительно-недоверчивым взглядам окружающих, которые временами ловил на себе, к сдержанности коллег из Министерства безопасности, которые, похоже, еще не в полной мере доверяли ему. Теперь Орлов на себе стал реально ощущать, что такое быть «чужим среди своих», хотя раньше считал это только красивой фразой из кинофильма.

— Что, много работы? Много поручений от «него»? — многозначительно спросил Хрупов, загадочно улыбаясь. Как и все в Управлении кадров, он знал, что Орлов прикомандирован от Министерства безопасности, а значит, выполняет некую миссию, выходящую далеко за пределы его формальных должностных обязанностей.

«Что он хочет? — промелькнуло в голове Андрея. — Похоже, не случайно он затевает разговор. Ладно, посмотрим, что будет дальше».

Орлов знал, что Хрупов является сотрудником МВД, так же как и он прикомандированным к Администрации Президента. Ребята из Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией предупредили Андрея: «Петрович, остерегайся его. Скользкий тип. Но со связями!» Больше они ничего не могли сообщить — то ли у них ничего не было на Хрупова, то ли не считали возможным знакомить Орлова с оперативными данными. «Скорее всего, второе», — думал Орлов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «У меня сложилось впечатление, что Хрупов отрабатывал чьи-то интересы. У него был самый широкий круг знакомств с бизнесменами, и мне казалось, что он мог выполнять просьбы отдельных людей, стремящихся устроиться на работу, разумеется, не бескорыстно. Нетр Васильевич его недолюбливал. Похоже, чутье ему что-то подсказывало… Ну как мог человек в то трудное время позволить себе отмечать торжественные даты в дорогих ресторанах? Чувствовалось, что он не испытывал материальных затруднений. Хрупов ушел из администрации неожиданно, срочно, без объяснения причин. И только спустя годы я узнал, что он был причастен к криминальному автобизнесу…» ***(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Хрупова мне предложил один из моих замов. Скользкий человек. У нас в управлении его за глаза звали „Сквозняк“. Любил организовывать всякие встречи в дорогих ресторанах. На них бывали важные персоны, даже заместители министров… Потом я узнал, что он организовал освобождение какого-то крупного уголовного авторитета…» ***(Из воспоминаний Д.Д. Румянцева, в 1993–1996 годах — начальника Управления кадров Администрации Президента).***

— Андрей Нетрович, я понимаю, что перед тобой ставят очень непростые задачи! Им-то что! Говорят: «Надо подсветить!» Как будто у нас неограниченные возможности!

— Да какие возможности, Илья Сергеевич! Замнач отдела! Вы же сами знаете! — Орлов усмехнулся.

— Не прибедняйтесь, я все знаю! Как вы классно сработали, когда не допустили этого… Ну, как его?

— Кого? — Орлов испытующе посмотрел на Хрупова. — Кого вы имеете в виду?

— Вы сами знаете! — Илья Сергеевич хитро подмигнул Андрею. — Правильно, всякой швали тут не место! Надо нам очищать высшие эшелоны власти от коррупции! А нам, честным людям, держаться друг за друга, помогать!

Слово «нам» резануло ухо Орлова. «Почему это мы вместе с ним должны что-то очищать? Да еще держаться друг за друга?» —

думал Орлов.

Хрупов между тем приблизил свое лицо к лицу Андрея и доверительно прошептал:

— Петрович, мне сказали, что ты интересовался… — Он назвал фамилию одного высокопоставленного чиновника. — Тебе что, Сергей Александрович поручил?

Вопрос крайне озадачил Орлова. Действительно, пару дней назад Филатов в очередной раз вызвал к себе Андрея и, протянув справку-обьективку, сказал:

— Проверьте, пожалуйста. Только побыстрее. И, прошу вас, никому!

После такого напутствия Орлов не счел возможным не только делиться информацией с Нетром Васильевичем, но и в своем Министерстве предпочел ограничиться разговором только с заместителем начальника управления. «Откуда Хрупов мог узнать?» — лихорадочно думал Андрей. О поручении Филатова знал лишь самый узкий круг лиц, так как утечка такой информации могла быть чревата серьезным скандалом. Человек, сведения о котором проверял Орлов, располагал обширными связями и влиянием, достаточными для того, чтобы немедленно пресечь любые попытки усомниться в его добропорядочности. А сомневаться было в чем!

Оперативники Министерства безопасности вышли на след группы махинаторов. Путем нехитрых манипуляций они превращали оборудование ряда крупных промышленных предприятий на Дальнем Востоке — станки с числовым программным управлением, установки лазерной резки металла, фрезерные обрабатывающие центры — все то, что еще недавно составляло гордость советской индустрии, — в груды металлолома. Впрочем, само оборудование никто не уничтожал. Просто по бумагам оно стало числиться как вторичное сырье для металлургических комбинатов и, разумеется, продавалось по бросовым ценам. Правда, продавалось за границу, но тайному сговору с представителями фирмы-покупателя, которая и не собралась использовать поставляемое оборудование в качестве сырья для металлургической промышленности. Многомиллионная разница уходила в карманы дельцов по обе стороны границы. Человек, информацию о котором по поручению Филатова должен был собрать Орлов, имел отношение к указанным сделкам и выступал чем-то вроде «крыши» для группы махинаторов.

«Откуда он мог узнать, — размышлял Орлов. — Может быть, Филатов продублировал поручение через МВД или…»

— Андрей Нетрович, мой тебе совет: не надо «копать» под

этого человека. Все, что про него распространяют — сплетни! У него, знаешь, сколько врагов! И в вашей конторе тоже!

— Что вы имеете в виду, Илья Сергеевич? — насторожился Орлов.

— Он — порядочный, честный человек. И высочайший профессионал! Но при этом, конечно, предприимчивый человек. Он умеет заработать сам, но и о людях не забывает. Голова у него работает как компьютер!

«Предприимчивый! — усмехнулся про себя Орлов. — Да, голова у него, видно, неплохо работает. Представить дорогостоящие станки грудой металла, а потом раздербанить все на куски и продать за бесценок! Не каждый сообразит!»

Хрупов тем временем продолжал:

— Такие люди, как он, опережают время! Наши производственники и бизнесмены стоят еще одной ногой в «совке» и ничего не видят впереди!

Андрея резануло слово «совок», которым теперь многие называли все советское, как будто еще совсем недавно сами не жили в стране, называвшейся Советским Союзом, не пользовались ее благами, пусть даже довольно скромными. Как страшно, что некоторые люди во имя призрачных целей и надежд готовы в одночасье отречься от всего того, что составляло их образ жизни!

— За такими людьми будущее! — с пафосом продолжал Хрупов. — Нетрович, напиши Филатову, что, мол, никаких возражений против его назначения нет. Как у вас там называется? «Ка-мэ ни-мэ»?[57] А он тебе будет благодарен. Поверь, такие люди умеют ценить услугу. И очень хорошо ценить! Ты даже не представляешь…

— Знаешь, Илья Сергеевич, давай лучше не будем говорить на эту тему. У меня своя работа, и я стараюсь ее делать добросовестно. А кроме того, я не имею права се обсуждать с кем бы то пи было! — резко, даже грубо, оборвал его Орлов. — И, пожалуйста, больше не подходите ко мне с подобными предложениями!

— Что вы, Андрей Нетрович! Я ничего и не предлагал. Просто просил иметь в виду! Пожалуйста, я не буду больше затрагивать эту тему! — обиженным тоном проговорил Хрупов. Но но его злым тазам было видно, что он не на шутку встревожен неожиданной реакцией Орлова. — Я, собственно, зашел к вам совсем по другому поводу. Туг ребята из одной фирмы предлагают «продуктовую корзину»!

— Что? — удивился Орлов.

— «Продуктовую корзину». Ну там продукты всякие — копченая колбаса, французский сыр, балык, икорка, водка,

шоколадные конфеты, фрукты разные… персики, груши, виноград…

— Да вы что, Илья Сергеевич! Это стоит таких денег! У меня…

— Ничего это не стоит!

— Как это?

— Да так!

— Бесплатно, что ли? Гуманитарная помощь?

— Считайте, что так! Просто ребята понимают, какая трудная у нас здесь работа, а зарплата… Что говорить! Мы работаем на государство, а оно держит нас на нищенском пайке! А для ребят этих, молодых бизнесменов, это ничего не стоит!

Орлов представил себе, как принесет домой эту «продуктовую корзину». Оля всплеснет руками: «Откуда такое богатство?», ребята начнут вынимать одно за другим содержимое корзины… «Папа, смотри — коробка конфет!», «Ой, а тут еще персики!» Андрей даже встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение.

— Нет, Илья Сергеевич, спасибо! Но мне не нужно.

— Что, продукты не нужны? У вас же двое детей! Пусть они хоть полакомятся! Да жену, в конце концов, порадуйте!

— Нет, нет! Я не буду брать. Нам всего хватает. У меня неплохая зарплата…

— Да какая это зарплата! Вам за то, что вы делаете, надо платить в десять раз больше! Вы же рискуете, Андрей Нетрович! Многие знают, что вас поставили фильтровать кадры. А это, знаете, не всем нравится. Один человек, не буду творить кто, сказал мне: «Орлов слишком активно роет землю! Скажи ему, пусть умерит прыть!»

— Это ж кто такое сказал? — полюбопытствовал Орлов.

— Да есть один человек. Кстати, когда-то работал в вашей конторе или, может быть, в ГРУ[58]. Ладно, я пойду. Так не будете брать «продуктовую корзину»?

— Нет.

— А зря! Ну, вам виднее!

ИНФОРМАЦИЯ: «Хрупов пе поправился мне сразу. Нет, не потому что он был из милиции. Традиционное взаимное недолюбливание друг друга между чекистами и милиционерами было тут ни при чем. Мне никогда не правился панибратский топ в отношениях с малознакомыми людьми. А Хрупов с самого начала иопытался перейти на „ты“. Я не терплю похабные анекдоты и всякие пошлости, а он, похоже, был мастером в этом деле. Ну и, конечно,

навязчивые попытки сблизиться тоже отталкивали меня от него. Интуиция подсказывала мне, что этого человека следует сторониться» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

Хрунов вышел из кабинета, а у Орлова еще долго оставалось чувство досады на самого себя. Нет, не из-за того, что не согласился с предложениями Хрупова. Здесь он был уверен в том, что поступил правильно. Андрей корил себя за минутную слабость, когда внутри у него шевельнулся червячок сомнения и мелькнула шальная мысль: «Может, чёрт с ним! Назначат или не назначат — разница небольшая. А „корзина“ эта мне не помешала бы!»

7 апреля 1993 года, среда, день

Москва. Кремль. Дворец съездов.
Банкетный зал

— Григорий, ты думаешь, мне это все интересно? Смотреть на этих худосочных красавиц, на эти фотомодели, слушать это бормотанье под музыку?

— Да вы что, Михаил Юрьевич! Это же — «Ван Моо», самая клевая группа! Вся молодежь просто балдеет под неё!

— Гриша, я балдеть не собираюсь. Мы встретились здесь, чтобы поговорить. А от этой, с позволенья сказать, музыки да дурацких комментариев ведущих меня начинает тошнить! Вы согласны со мной, Анатолий Алексеевич?

Мужчина лет пятидесяти, на котором в отличие от его собеседников была надета не традиционная рубашка с галстуком и костюм, а водолазка, выпущенная поверх брюк, поморщившись, ответил:

— Я эту хрень тоже не люблю!

Все трое сидели в первом ряду кресел у подиума, который был оборудован в самом центре банкетного зала Кремлевского дворца съездов. Был завершающий день конкурса моделей «Взгляд года», организованного агентством «Ред Старс». Там, где еще совсем недавно проходили партийные съезды и самые важные государственные мероприятия, помпезные слеты и торжественные собрания, теперь фланировали полуобнаженные девицы; за столами восседали холеные, разодетые в пестрые ткани члены жюри; несколько рядов кресел занимали одетые по последней моде дамы в сопровождении мужчин, напоминающих крутых парней из фильма «По прозвищу Зверь» или «новых русских» с повадками уголовников.

— Подождите, скоро все закончится! — Григорий не хотел раньше времени покидать мероприятие. — Сейчас объявят победительниц. Из сорока двух герлух выберут только трех. Они поедут на конкурс в Майами. А эти, — он кивнул на девушек, стоящих у подиума, — будут работать в модельных агентствах. Вам какая телка больше всего понравилась, Михаил Юрьевич? Может, вон та, маленькая? Но ей, говорят, всего четырнадцать лет. Свеженькая! Выбирайте, какая понравилась!

— Да ничего, симпатичная. Но мне нужна постарше.

— Поопытнее?

— Да.

— Купим любую. Только скажите!

Михаил Юрьевич поморщился, как бы демонстрируя своим

видом, что ему этот разговор неприятен.

— Григорий, ты не о том думаешь! Скажи, тут есть вообще место, где можно выпить сухого вина и обсудить наши дела?

— Конечно, сейчас идем прямо туда. Не будем дожидаться окончания?

— Нет, мне уже все это надоело. Вам, Анатолий Алексеевич, я вижу, тоже.

— Да, мне это тоже обрыдло!

Они встали и направились прочь от подиума, чем вызвали недоуменные взгляды многочисленных участников шоу.

Через пару минут троица уже сидела в небольшой уютной комнатёнке с низким журнальным столиком. Звуки ритмичной музыки доносились и сюда, но они уже не были такими навязчивыми, как в самом зале. Официантка банкетного зала постелила белоснежную салфетку, поставила перед ними бутылку красного вина, три фужера и замерла в позе, демонстрирующей готовность выполнить любую просьбу уважаемых посетителей.

— Вес, свободна! — Григорий небрежным жестом указал официантке на дверь. Та моментально исчезла.

— Григорий, я предложил встретиться нам всем вместе для того, чтобы обсудить дальнейший план действий. В принципе, всё то, что мы задумали, получается. И неплохо.

— Это вы о чем? — Казалось, Григорий еще не переключился на серьезную волну и не сразу понял, куда клонит Михаил Юрьевич, которого все за глаза называли «боссом».

— Я говорю: то, что мы наметили тогда весной, на даче, в основном выполнено. Правда, была осечка с удостоверениями, но в конечном счете все закончилось благополучно.

— Если б не один козлина! Но мы его уроем!

— Ладно, Гриша, с этим ты справишься без меня.

— Все сделаем!

— Скажи, Григорий, у тебя есть надежный человек на Старой площади? Я имею в виду того, кто реально может помогать нам в расстановке людей.

— Конечно, есть. И в ХОЗУ, и в правовом управлении…

— А в кадрах?

— В кадрах тоже есть один человечек, правда на небольшой должности.

«Босс» помедлил, как бы подбирая слова:

— Сейчас сложилось, как никогда раньше, очень удобное время для того, чтобы внедрить наших людей на важные должности. Нет, не начальников, а их помощников, референтов, секретарш. В аппаратах советников, особенно по вопросам экономики, конверсии, а также в секретариатах заместителей

председателя правительства…

— Михаил Юрьевич, вы скажите точно, куда нужно, а мы уж сделаем!

— Вот, Анатолий Алексеевич говорит, что у него есть несколько кандидатов на работу. Молодые ребята, энергичные, хваткие…

Мужчина в водолазке кивнул, а «босс» продолжал:

— Время, я говорю, самое удобное. Бывшую партноменклатуру выкинули, а на ее место пришли демократы, которые поддержали Ельцина в 1991 году. С баррикад, так сказать, в служебные кабинеты. Но одно дело горлопанить на митингах, а другое — управлять страной. И тут выяснилось, что управлять они не умеют. Да еще грызться стали между собой! Возникла ситуация, при которой этих тоже надо гнать, а новых набрать неоткуда! Вот перед Ельциным и стоит выбор: то ли набирать советских, которые ненавидят новую власть и хотят вернуть все назад, то ли брать преданных, но неспособных работать в чиновничьих кабинетах. Что делать, он не знает! Вот тут и придем на помощь мы!

— Да, мы готовы пахать с утра до ночи! — мгновенно среагировал Григорий, — Только не за деревянные, а за реальные баксы!

— Вот-вот, Гриша, это — главное. Новый российский чиновник должен получать неплохую зарплату…

— В баксах! — вставил Григорий.

— Неважно! Главное — другое. У него должна быть собственность, свой бизнес, свой интерес! Тоща он будет чувствовать себя свободным человеком. А работа откроет перед ним широкие возможности для преумножения своего богатства. Вот тоща интересы государства и бизнеса полностью сомкнутся, и мы получим совершенно новое общество, которое будет основано на природном человеческом стремлении иметь собственность — свой дом, свою землю, свое хозяйство…

— Своих холопов! — вставил Григорий.

— Разумеется! Только не холопов, а работников.

— Один черт! Главное, что это уже будет не совковый принцип всеобщего равенства! Коммуняки хотели уравнять всех, независимо от способностей…

— Правильно, Гриша! Какое может быть в обществе равенство? Один тупой, а другой умный, один активный и предприимчивый, а другой пассивный и вялый. Богатыми становятся люди целеустремленнее, желающие многого достичь в этой жизни. А остальных жизнь сама отбраковывает!

— Михаил Юрьевич, вы говорите, прям, как член нашей

организации!

— Я говорю как разумный человек! В новой России власть должна состоять из людей новой формации! Вы согласны со мной, Анатолий Алексеевич?

— Все это — философия! Мне плевать, кто будет сидеть в том или ином кабинете! Главное — чтобы я через него мог решать вопросы. Если кому-то из «моих» нужно приватизировать завод или участок земли, я обращаюсь к этому человеку, плачу ему за помощь и получаю результат. А будет он умный или активный — мне до балды! Пусть он будет хоть полный дундук! Мне один хрен!

Несмотря на то, что циничные высказывания Анатолия Алексеевича разительно отличались от гладкой речи «босса», тот благосклонно кивал головой.

— Да, именно так! Сейчас нам очень помогает* сама обстановка. Идет полный раздрай между Президентом и Верховным Советом, между Ельциным и Хасбулатовым. После побоища 23 февраля и 22 июня прошлого года началась открытая война между их сторонниками, которая еще немного и вырвется наружу. Коммунисты хотят взять реванш за 1991 год, а президентская команда хочет подмять под себя всю власть в стране. В ближайшее время станет попятным, кто кого одолеет. Но для нас ясно одно — ни с коммунистами, ни с Верховным Советом нам не по пути!

— Ас националистами?

— Если только использовать вас как силу, направленную на укрепление наших позиций в органах власти! Именно потому, что сейчас такая неопределенная обстановка, надо подсуетиться и внедрить как можно больше наших людей, играя на противоречиях. Тебе понятно, Григорий?

— Не совсем.

— Смотри. Сейчас администрация старательно очищается от сотрудников бывшего ЦК. Даже стенографисток и уборщиц меняют! А уж на мало-мальски значимые должности назначают своих, проверенных. Текучка кадров страшная! Вакансий полно! То же и в Верховном Совете. Там пытаются избавиться от сторонников Ельцина и собрать своих единомышленников. Правда, они более лояльно относятся к бывшим работникам советских органов. Но и там есть немало вакансий. Вот мы и должны оказаться тут как тут. На Старую площадь, в Кремль и на Краснопресненскую набережную мы рекомендуем молодых энергичных ребят из бизнеса, не связанных с бывшей партноменклатурой. Делать это надо через доверенных людей. Если необходимо — простимулировать их!

— Заплатить?

— Конечно. Ведь каждый труд должен быть оплачен.

— Так это, Михаил Юрьевич, никаких денег не напасешься!

— Правильно! Именно поэтому прежде всего нам нужны люди в кадрах. Берешь человека на вторую зарплату, которая раз в пять больше основной — он в лепешку расшибется, чтобы решить наш вопрос.

— Ни фига! Мы попробовали через нашего человека предложить некоторым сотрудникам «продовольственную корзину», так от всех получили отказ. А начальник управления вообще указал ему на дверь!

— Знаешь, Гриша, есть такая мудрость: «Если человека нельзя купить за большие деньги, то его можно купить за очень большие деньги».

— Да боятся они! Может, и хотят взять, но боятся!

— Григорий, мы оказываем материальную поддержку твоей организации? Мы помогли разобраться с «трофеями» из цековского сейфа?

— Да

— Ну так вот; работайте, если нужны какие-то дополнительные меры — принимайте! Не рассчитывай, что мы за тебя все решим.

— Ясно.

— Теперь еще одно. — «Босс» внимательно посмотрел сначала на Григория, а затем на Анатолия Алексеевича. — Одному моему знакомому удалось получить разрешение на то, чтобы запять несколько пустующих кабинетов на Старой площади. Он возглавляет компанию под названием «Центр анализа и прогнозирования», сокращенно «ЦЛП». После того, как коммунистам дали пинок под зад, вообще там освободилось много площадей, которые заняли разные фирмы.

Гриша хмыкнул:

— Цап. Цан-царап!

— Да, такое название. Это — аналитическая структура, которая будет работать с Администрацией Президента на договорной основе. Будет готовить всякие информации, справки, обзоры прессы, аналитические выкладки… Но главная тема — это конверсия. Сейчас самая перспективная проблематика. Прямо-таки золотая жила. По всей стране сворачиваются военные производства, перепрофилируются тысячи предприятий, высвобождаются здания, земли, инфраструктура, распродается недвижимое имущество. Вот этот центр и будет собирать информацию об объектах, подлежащих конверсии, подбирать новый менеджмент, покупателей… В общем, громадная работа.

— Михаил Юрьевич, это ж круто! Обалдеть можно! Там такие бабки можно делать!

— Вот я и говорю! Анатолий Алексеевич занялся подбором новых владельцев, а тебе, Гриша, надо подыскать персонал для Центра, человек десять референтов и машинисток, а также решить вопросы технического оснащения и связи. Там должно быть самое современное оборудование — компьютеры, принтеры, ксероксы и сканеры, надежные сейфы и хранилища для картотек. Справишься?

— О чем речь, «босс»! — воскликнул Григорий и тут же осекся, поняв, что допустил бестактность. Но Михаил Юрьевич, казалось, не заметил этого.

— У нас уже есть договоренность, что сотрудники Центра получат пропуска в администрацию, там установят пару «кремлевок», городские телефоны с выходом на межгород.

— Надо еще пробить, чтобы руководитель Центра имел право заказывать временные пропуска на проход в здания на Старой площади! — внес предложение Григорий.

— Вот ты и займись. Обо всем докладывай. Если будут какие проблемы — звони! Теперь оставь нас с Анатолием Алексеевичем. Нам надо с ним еще поговорить.

Григорий обиженно спросил:

— Не доверяете?

— Что ты, Гриша! Просто жалею, что оторвал тебя от чудесного шоу моды. Иди, по-моему, там еще не закончилось. — Он кивнул на дверь, из-за которой все еще доносились звуки музыки и голоса ведущих.

Когда за Григорием закрылась дверь, «босс» сказал, обращаясь к Анатолию Алексеевичу:

— Как только решим наши проблемы, с фашистами надо прекращать все контакты. Радикалы имеют свойство объединяться. Я не удивлюсь, если националисты сольются в экстазе с коммунистами!

— Это вряд ли! Мне Гриша не раз говорил, что ненавидит большевиков.

— Вот это пока нас и объединяет, — подвел резюме «босс».

Когда они выходили из банкетного зала к эскалаторам, им вслед все еще доносились восторженные возгласы ведущих и аплодисменты зрителей, то и дело сопровождающиеся пассажами музыкальной группы «Ван Моо».

9 апреля 1993 года, пятница, утро

Москва. Новая площадь. Администрация Президента. 10-й подъезд, третий этаж, кабинет начальника ЦАП

«Центр анализа и прогнозирования», — прочитал Орлов надпись на табличке, прикрепленной к двери, выходящей на лестничную клетку у лифта. На двери был установлен кодовый замок. Андрей нажал кнопку сигнала на замке, через мгновенье раздался щелчок и дверь открылась. На пороге стояла симпатичная девушка, по-видимому, секретарь начальника.

— Здравствуйте, вы Андрей Нетрович? А Аркадия Моисеевича нет. Он в командировке.

— Но я же только вчера утром договорился с ним о встрече!

— Да, но поступило указание от руководства администрации и он срочно вылетел в командировку. Извините, мы не смогли вас предупредить.

— А куда, если пе секрет?

— В Калининград.

— Не знаете, когда будет?

— Не знаю.

Орлов окинул взором пространство, занимаемое Центром, — широкий коридор с диваном и несколькими креслами, открытые двери кабинетов по обе стороны с прикрепленными пустыми табличками, на полу — множество неразобранных коробок, массивный ксерокс, тщательно упакованный в полиэтиленовую пленку, несколько напольных вешалок, поставленные друг на друга тумбочки от канцелярских столов, свернутые в длинные рулоны карты в углу. Все говорило о том, что помещения только обустраиваются новыми владельцами, не все вещи еще разобраны, не вся мебель расставлена, не все оборудование нашло свое место.

— Только въехали? — спросил Орлов.

— Да, на прошлой неделе.

— Ну что ж, тогда поздравляю с новосельем!

— Спасибо. Всего доброго. — Девушка, не дождавшись ответа, закрыла дверь перед самым носом у Андрея.

«Да, похоже, серьезно обустраиваются, — подумал Орлов. — Правильно ребята говорили: все делают с таким размахом, будто собираются остаться здесь на века. Итак, что мы имеем? Вот уже несколько недель в шести кабинетах на Новой площади, принадлежащих Администрации Президента, размещается закрытое акционерное общество „Центр анализа и прогнозирования“, сокращенно „ЦАП“. Согласно учредительным

документам эта организация занимается информационно-аналитической деятельностью и прогнозированием социально-экономических процессов. Однако в ней нет ни одного маломальски известного ученого или специалиста, за исключением, пожалуй, только самого руководителя Центра. Он работал заведующим лабораторией в одном НИИ, кандидат экономических наук. Это — первое».

Орлов, предъявив прапорщику свое удостоверение, вышел из подъезда и направился в сторону основного здания администрации — помпезного сооружения темно-серого цвета. Он перешел на другую сторону Ильинки и скоро снова оказался перед охранником, который уже в какой раз пристально вглядывался в лицо Орлова, сличая его черты с фотографическим образом.

— Проходите, — небрежно бросил прапорщик.

Через минуту Орлов уже поднимался в лифте к себе на седьмой этаж.

«Так, что еще? Нам известно, что сотрудники этого Центра занимались скупкой в воинских частях КамАЗов по двадцать шесть тысяч рублей за штуку и продавали их лесхозам по одному миллиону рублей, получив при этом с одной единицы техники умопомрачительный навар. Несколько поездок на предприятия оборонного комплекса и в военные городки, переговоры с директорами и военным начальством о распродаже имущества, оборудования и техники — это только то, что нам известно. А Центр существует всего-то три месяца, причем два из них на бумаге».

Орлов шел по длинному коридору высокого здания из стекла и бетона, стоящего внутри комплекса зданий на Старой площади. Его кабинет был в самом конце этого коридора, недалеко от лестницы, но которой можно было подняться на любой этаж. Впрочем, но ней можно было и спуститься вниз до самого подвала.

9 апреля 1993 года, пятница, утро

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

«Филатову пока докладывать нечего, — размышлял Орлов. — Центру анализа и прогнозирования эти помещения предоставлены официально, он заключил договор с администрацией, телефоны, пропуска и все остальное они получили также вполне легально. Никакого криминала! Насчет' спекуляции конверсионной техникой и недвижимостью „оборонки“ — это пока оперативная информация, нуждающаяся в документальном подтверждении. Причем касается она группы лиц, только часть из которых недавно стали сотрудниками Центра. Однозначно сказать, что делали это они под „крышей“ Центра тоже пока нельзя, поскольку каждый из них мог заниматься своим маленьким бизнесом, так сказать частным образом. К тому же они не являются чиновниками, а простые предприниматели…»

> **ВОСПОМИНАНИЯ: «Тоща на Старой и Новой площади было много арендованных организаций, не имеющих никакого отношения к администрации. Почему они оказались там, никто не знал. Их хотели выселить… Это оказалось очень сложным. Они вселились в эти помещения еще в 1991 году, и у всех у них были договора. Как их разорвешь?»** ***(Из воспоминаний Е.Н Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

Размышления Орлова прервал звонок телефона ВЧ.

«Странно, кто бы это мог быть?» — подумал Орлов. За месяц, который он проработал на Старой площади, этот телефон зазвонил первый раз. Андрею еще не приходилось на новом месте воспользоваться услугами ВЧ-связи, являвшейся, по существу, закрытой междугородней связью.

— Андрей Нетрович? — голос в трубке был Орлову незнаком.

— Да.

— Это из Управления военной контрразведки. Моя фамилия… — Человек назвался. — К нам пришла телеграммка из Калининграда. Коллеги просят подтвердить полномочия одного высокопоставленного сотрудника Администрации Президента, который сегодня утром прибыл из Москвы. Их насторожило его

поведение и отсутствие какого-либо официального документа, за исключением удостоверения и командировочного предписания.

— Как его фамилия? Из какого… — Андрей даже запнулся, еще не веря, но уже догадываясь, о чем пойдет речь. Вчера весь день и сегодня утром он пытался разобраться с деятельностью Центра анализа и прогнозирования. Всего лишь несколько минут назад он узнал о том, что руководитель этого Центра срочно выехал в Калининград, а теперь вот этот звонок.

— А чем там занимается этот человек?

— Наши говорят, что на встрече с командованием флота в Балтийске, ссылаясь на указание вышестоящего руководства, он потребовал предоставить ему данные о военных объектах, которые можно было бы приватизировать в рамках конверсии. Говорят, что он даже намеревается лично побывать на этих объектах и определить, насколько они пригодны для приватизации. Кроме того, наши аналитики говорят, что вопросы, которые задавал он военным, один в один совпадают с разведывательной анкетой ЦРУ

— Да? — Андрей удивился. — Это уже серьезно!

— Какие наши действия? — спросили на том конце провода. — Вы можете подтвердить, что этот человек действительно обладает полномочиями, о которых заявляет?

— А на кого он конкретно ссылается?

— На руководителя Администрации Президента.

— Хорошо, давайте свяжемся через пятнадцать минут. Я попробую уточнить.

Положив трубку телефона оперативной связи, Орлов тут же протянул руку к телефону прямой связи с Филатовым.

Как и предполагал Орлов, руководитель администрации пи слухом, ни духом не знал о якобы данном им поручении. Более того, он даже никогда не видел руководителя этого Центра, не общался с ним но телефону и не читал подписанных им аналитических записок.

— Это что за Центр такой, Андрей Нетрович? Я первый раз о нем слышу. Разберитесь и доложите мне. Он действительно находится в здании администрации?

— Да, Сергей Александрович, на Новой площади. Десятый подъезд.

— Жду вашего доклада. А пока запретите любые контакты сотрудников этого Центра от имени администрации.

Еще через несколько минут сказанное Филатовым пронеслось по каналам оперативной связи и в конечном итоге достигло ушей высокого военно-морского начальника, который, покачав головой, с горечью сказал:

— В какое время живем! Проходимец на проходимце! Чуть снова не вляпались в историю!

Так был подписан «приговор» московскому визитеру с фиктивными полномочиями, который вынужден был срочно ретироваться и в тот же день убыл в столицу, оставив в полном недоумении нескольких областных руководителей и военных начальников.

Орлов сделал несколько звонков, зашел к заместителю Дим Димыча Вячеславу Ивановичу, попытался у него узнать что-нибудь о Центре анализа и прогнозирования, но безуспешно. Ни Вячеслав Иванович, ни тем более Нетр Васильевич ничего о Центре сказать не смогли. Знали, что он создан, что занимается какими-то аналитическими разработками, но для чего, но чьему поручению, а главное — с чьего разрешения обосновался на площадях администрации, сказать никто не смог.

«Не самозванцы же они! — размышлял Орлов. — Неужели время „Хлестаковых“ еще не прошло, и можно просто, вот так в наглую, заставить людей поверить в собственную причастность к решению важных государственных задач?!»

Правда, после ряда крупных афер, к раскрытию которых Орлов имел некоторое отношение, можно было ничему не удивляться. Самая крупная и поразившая воображение Андрея была афера с «красной ртутью».

КНИГА: «…Где-то в каких-то странах, судя по всему европейских и частично азиатских, сидели умные люди, которые мыслили себе следующим образом. В России — экологический кризис, грядет приватизация. На фоне быстротечной перестройки, когда не работают законы, в мутной водичке очень хорошо половить крупную рыбку. Но как перебросить в Россию огромные суммы денег? Официально миллиарды долларов перебросить трудно. Тем более, что деньги, тем более, вполне возможно, будут и „грязные“, „наркоденьги“. Поэтому подбирается вещество, в данном случае красная ртуть, определяется ее огромная цена: от 400 тысяч до 1 млн долларов за килограмм… Операция с красной ртутью разрабатывалась с таким расчетом, чтобы покупая у России якобы красную ртуть за такую огромную цену, на эти деньги завести сюда огромное количество ширпотреба. Продать его, оставить здесь деньги и потом на эти деньги, часто на подставных лиц, приватизировать собственность» *(Из книги А.И.*

Гурова «Тайна красной ртути». Москва, 1995 год).

В течение двух лет выдающиеся мошенники дурачили не только чиновников, производственников и правоохранительные органы, но и руководство страны, включая Президента и Правительство, которые подписывали распоряжения и давали указания об использовании несуществующего в природе вещества! Сотни миллионов уплывали неизвестно куда, тысячи людей были вовлечены в преступный обмен реальных денег на мифическое сверхвещество. Только после серии экспертиз и серьезных разбирательств, в одном из которых по линии Министерства безопасности участвовал подполковник Орлов, мыльный пузырь «красной ртути» лопнул, заляпав всех причастных и непричастных смрадными брызгами коррупции и деградации морали. Самое страшное, что за это так никто и не ответил.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Когда я пришел работать в администрацию, там сидели иностранные советники. Я буквально за голову схватился. В самой сердцевине власти находились иностранные специалисты. У них было все — кабинеты, удостоверения, телефоны. Они постоянно приходили с какими-то большими портфелями… Никто не знал, что они там делают. Мы но этому поводу докладывали руководителю администрации Нетрову. Но когда попросили объяснить одно высокое должностное лицо, зачем они находятся в комплексе зданий администрации и Правительства, получили ответ: „А я не знаю, кто их туда посадил“. Все стали отказываться, никто не мог понять, каким образом эти иностранцы появились на Старой площади. В конце концов нам удалось их выселить, но сколько вреда они нанесли, осталось неизвсстным…» *(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).***

Липовый Центр анализа и прогнозирования, под «крышей» которого дельцы начали реализовывать очередные мошеннические операции, был всего лишь мелким звеном в цепи многочисленных криминальных сюжетов, характеризовавших российскую действительность в начале 1990-х годов. Правда, афера с Центром была уникальна тем, что мошенникам удалось внедрить специально созданную для махинаций структуру с символической аббревиатурой «ЦЛП» в самое сердце системы

государственного управления. А если бы сотрудники Управления но борьбе с контрабандой и кор-руїпщсй Министерства безопасное™ не обратили на нее внимание? А если бы военные контрразведчики не проявили бдительность, столкнувшись с наглым и самоуверенным мошешшком, прибывшим на криминальную рекогносцировку в Балтийск? А если бы у Орлова не было возможности напрямую выйта на руководителя администрации? Сколько таких «если» стояло на пута протаво-дсйствия набирающей масштабы российской коррупции?

13 апреля 1993 года, вторник, вечер

Москва. 9-я Парковая улица.
Телефонная будка около входа
на станцию метро «Первомайская»

— Михаил Юрьевич, у нас неприятное™.

— Что еще?

— На Центр наш, структуру эту в…

— Понятно! Что случилось?

— Наехали сотрудники отдела режима. Мол, на каком основании вы здесь? Кто разрешил занять эти кабинеты? Кто выдал пропуска? Про телефоны, ну и так далее!

— С чего это? Ты же говорил мне, что все «тип-топ»!

— Сам не пойму! Может…

— Ладно, не сейчас. Вечером встретимся, как всегда. Но до этого разберись.

— Разберусь.

13 апреля 1993 года, вторник, вечер

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Еще раз перечитав текст, Орлов нажал в «Лексиконе» кнопку «Печать». Противно заскрежетал матричный принтер, медленно выпуская лист документа с бледными буквами: «Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину. Об обязательной проверке…»

Эта записка явилась результатом самых первых ошарашивающих впечатлений, которые получил Андрей, оказавшись на ареопаге российской власти. Привыкший в советское время к тому, что среди людей, наделенных большими полномочиями, не могут оказаться банальные прохвосты, авантюристы и проходимцы, он столкнулся с поразительным обстоятельством. На втором году после августовского путча на работу в Администрацию Президента и Аппарат Правительства принимались люди без какой-либо существенной проверки. Система допуска к госсекретам, но существу, рухнула, и теперь ничто не мешало оказаться в высоких кабинетах тому, кого нельзя было подпускать туда на пушечный выстрел. Более того, всякая попытка хоть каким-либо образом «подсветить» кандидатуру человека, принимаемого на работу, воспринималась как рудимент «тоталитарного прошлого», как попытка «повернуть вспять ход истории», издевательство над «общечеловеческими ценностями» и «правами человека».

Еще до прихода Орлова в администрацию начальник Управления кадров Румянцев несколько раз пытался поставить вопрос о введении обязательной проверки кандидатов на работу, но всякий раз получал ожесточенный отпор: «Что вы, Дмитрий Дмитриевич, хотите возродить советские порядки? У нас не тридцать седьмой год, чтобы всех подозревать!» Андрей же, столкнувшись за последний месяц с многочисленными фактами проникновения людей с криминальными наклонностями в систему управления страной, сразу понял: без немедленного введения тотальной проверки решить ничего будет невозможно. Хочет этого новоявленная демократическая верхушка или нет.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Однажды принесли мне кадровые документы на человека, которого собирались назначить начальником отдела одного из управлений администрации. Читая анкету, я обратил внимание на странную запись: „Родственников нет“.

Правда, указывались данные бывшей жены, но все-таки было странным, что у этого человека вообще отсутствовали родственники. Я его пригласил на беседу, стал расспрашивать. А он в ответ: „Ничего не знаю, ничего не помню. Жил в интернате“. Очень странно! Я обратился в Министерство безопасности к Вахромцеву. Они через некоторое время сообщили мне, что, оказывается, у этого человека и родители живы, и семь родных братьев с сестрами в полном здравии, а с бывшей женой проживают трос его детей. Да притом все за границей! Румянцев сообщил начальнику управления, который рекомендовал этого человека, что мы, мол, возражаем против его назначения потому, что кандидат на высокую должность явно лгал… Правда, было непонятно, для чего он это делал.

Через несколько дней Филатов позвонил Румянцеву и в самых резких топах потребовал разобраться с теми, „кто насаждает 1937 год“! Оказывается, начальник управления написал докладную записку руководителю Администрации, в которой представил все в искаженном свете. Наше мнение проигнорировали и назначение состоялось. А через полгода этот начальник отдела попался на взятке и его с треском выгнали из Администрации Президента, а потом еще долго с пим судились» *(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах — начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).*

Сначала Орлов попытался обсудить свои намерения с коллегами в Министерстве безопасности, но там только махнули рукой. Дескать, бесполезное дело! «Ни Ельцин, ни его ближайшее окружение на это не пойдут, поскольку у них еще свежи в памяти попытки КГБ установить за ними контроль, а в день объявления чрезвычайного положения 19 августа 1991 года — всех интернировать!»

Более плодотворным оказался разговор с Филатовым. Сергей Александрович, чувствуя, что утрачивает контроль за кадровой ситуацией и не может создать какой-либо мало-мальски надежной системы предупреждения проникновения криминала во власть, воспринял соображения Орлова с вниманием, хотя несколько раз поморщился, когда Андрей расписывал перспективы введения системы «обязательной проверки».

— А как с этим обстоит дело в странах с устоявшейся демократией? — спросил Филатов.

— У американцев, например, между Белым домом и ФБР есть соглашение о проверке на благонадежность лиц, выдвигаемых на высокие должности в правительственных учреждениях США.

> **ДОКУМЕНТ: «Проверка анкетно-биографических данных и личной жизни кандидатов, претендующих на работу в Белом доме, в том числе в… госдепартаменте, министерстве обороны, финансов и некоторых других ведомствах, имеющих отношение к обеспечению национальной безопасности страны, на языке ФБР [59] называется специальным расследованием… Его задача обеспечить высшее руководство точной и полной информацией об особенностях характера, репутации, политической лояльности, связях с различными организациями претендента на государственный пост… Организацией проверки занимается служба специальных расследований, которая входит в состав Управления уголовных расследований ФБР…»** ***(Из «Справки по материалам открытой печати по вопросу подбора кадров на должности, находящиеся под политическим патронажем Белого дома». 1992 год).***
>
> **СТАТЬЯ: «…Главная цель проверки — обеспечить президента и его ближайших помощников объективной и полной информацией о характере, лояльности, репутации и связях претендентов на высшие и средние руководящие посты в федеральном правительстве, на основании которой президент смог бы принять официальное решение о назначениях на должности. При этом важно, чтобы ФБР проявляло полную беспристрастность к кандидатам и оставалось вне политики…»** ***(Из статьи В. Андреева «О процедуре проверки кандидатов на высшие посты в администрации США». Газета «Новости разведки и контрразведки», № 6–7,1993 год).***

Орлов стал приводить примеры из практики работы режимных органов Франции, Германии и Великобритании, но Филатов его остановил:

— Ладно, я согласен. Готовьте записку на имя Бориса Николаевича.

Этот разговор состоялся всего лишь три дня назад. И теперь

Андрей распечатывал подготовленную им записку. Из принтера поочередно медленно выехали три листка, которым, как надеялся Андрей, предстояло сыграть ключевую роль для воссоздания системы противодействия коррупции на новом витке истории нашей страны.

Неожиданно распахнулась дверь, и на пороге кабинета показался коллега Андрея Хрупов. Орлов едва успел перевернуть вверх чистой стороной только что отпечатанные листки, что, впрочем, не осталось незамеченным вошедшим.

— Все скрытничаешь, Нетрович? Интригуешь?

Андрей смутился:

— Почему интригую? Просто выполняю поручение.

— Знаю, знаю, эти поручения. У вас, у чекистов, опыт большой!

— Что-нибудь нужно, Илья Сергеевич? А то я очень занят.

— Одну бумагу хотел показать, но вашей части.

— Что за бумага?

— Да в убойном отделе дали. На, почитай. Отдать тебе не могу, извини. У тебя свои секреты, у меня — свои.

Андрей взял в руки листок, который протянул ему Хрупов, стал читать. Это была страница, вырванная из тетради в клетку, на которой корявыми буквами был написал текст без начала и конца. Похоже, фрагмент какого-то заявления или сообщения, полученного от негласного источника. В нем говорилось о сходке криминальных авторитетов, имена которых Андрею ни о чем не говорили, о каком-то киллере, которого наняли для убийства владельца фирмы, что-то не поделившего со своими конкурентами.

— Нет, это не по моей «епархии»! — Андрей оторвался от чтения и с удивлением посмотрел на Хрупова. — Это ваши, милицейские дела.

— А вы читайте, читайте дальше! — Хрупов ткнул пальцем в листок.

Но и дальше Орлов не заметил ничего, что привлекло бы его внимание. Криминальные разборки, бандитские сходки и наемные убийцы — все это не входило в компетенцию Министерства безопасности, тем более, что в информации не фигурировали ни военные объекты, ни иностранные граждане, ни даже какие-либо чиновники или военнослужащие — все то, что могло явиться хоть каким-то поводом для работы чекистов.

Андрей бегло пробежал информацию до конца и хотел было уже вернуть листок Хрупову, как взгляд его наткнулся на перечисление нескольких московских адресов, в которых якобы проживают объекты, «представляющие интерес». Для кого, из

содержания информации ясно пе было. В числе этих адресов значился дом Орлова на улице Крылатские Холмы. И хотя там не был указан ни номер корпуса, ни номер квартиры, все это показалось Орлову не простым совпадением. Тем более что Хрупов, заметив проявленное Андреем внимание к последним строчкам тетрадной страницы, сразу изменился в лице — оно расплылось в довольной улыбке, в то время как глаза продолжали оставаться колючими и злыми.

— Илья Сергеевич, здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать Министерство безопасности! — Стараясь не подавать виду, что обратил внимание на указанный в записке адрес, Орлов вернул листок Хрупову.

— Ну что ж, Андрей Нетрович, мое дело показать!

— Спасибо, — Андрей протянул руку к лежащей на столе записке, всем своим видом давая понять, что разговор окончен.

— Тогда я пошел. — Хрупов убрал листок в кожаную папку и уже в дверях бросил напоследок: — В криминальном государстве живем! Бандиты творят что хотят! Ни в чем не повинные люди гибнут!

Когда за Хруповым закрылась дверь, Орлов продолжил работу с запиской Президенту — снова перечитал се, расставил недостающие запятые, поправил форматирование текста и снова отправил на печать. Затем поднял трубку прямого телефона с руководителем администрации:

— Сергей Александрович, записка готова.

— Хорошо, доложите завтра в девять. Может быть, сразу подпишу у Бориса Николаевича. Я ему уже говорил, он в курсе.

14 апреля 1993 года, среда, утро

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

Филатов погрузился в чтение подготовленной Орловым записки Президенту, которую он до этого вопреки установленным правилам никому не показывал. Собственно, сделал это он по прямому указанию руководителя Администрации Президента, который понимал, начни согласовывать эту записку, опа вообще не доберется до Ельцина, застряв в дебрях правовой казуистики и откровенного саботажа. Ведь далеко не все были заинтересованы в наведении порядка с подбором и расстановкой кадров, что неминуемо сузило бы возможности «нашпиговывания» верхних эшелонов власти «своими людьми», главной задачей которых становилось создание целой системы личного обогащения кучки нуворишей. Поэтому на обратной стороне стояла только одна подпись — «Орлов».

Филатов несколько раз перечитывал записку, возвращаясь то к одному, то к другому месту, время от времени морщась и тяжело вздыхая. В конце концов он подписал ее своей немного странной подписью, похожей на две слепленные друг с другом закорючки, в которых совершенно не угадывалась буква «Ф».

ДОКУМЕНТ:

«Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину Об обязательной проверке лиц, назначаемых в органы исполнительной власти Российской Федерации

Формирование нового, основанного на демократических принципах государственного аппарата, требует кардинального пересмотра существующего порядка подбора и назначения кадров в органы исполнительной власти. Успех реформ и эффективность преобразований в экономике во многом зависит от того, насколько компетентными, честными и преданными интересам России оказываются лица, назначаемые в Администрацию Президента Российской Федерации и Аппарат Совета Министров — Правительства Российской Федерации, на руководящие должности в министерства и ведомства, исполнительные органы власти на местах.

Более чем двухлетний период функционирования повой исполнительной власти показал, что иногда в управленческих структурах оказываются случайные люди, но своим деловым качествам и квалификации неспособные занимать ответственные государственные должности. Имеют

место факты назначения на должности в органы исполнительной власти лиц, занимающихся противоправной деятельностью, в том числе в сфере коммерции; передающих служебную информацию иностранным гражданам, в том числе установленным разведчикам зарубежных стран; граждан, личные интересы которых противоречат интересам общества и государства.

Следствием этого может стать развитие процессов коррозии органов исполнительной власти, проникновение коррупции и иностранных спецслужб в ключевые сферы жизнедеятельности государства.

Практически во всех зарубежных странах, имеющих глубокие корни демократизма, существует вместе с тем достаточно жесткая система подбора кадров на государственную службу. Особенно это касается высших органов государственной власти и управления. Достаточно упомянуть одно из первых поручений Президента США Клинтона о тщательной предварительной проверке всех служащих, оформляемых в его Администрацию… Ныне действующий нормативный документ ФБР США о проверке государственных служащих устанавливает 12 направлений их изучения, предусматривающих, в частности, выяснение следующих факторов: профессиональные и предпринимательские интересы, способные помешать выполнению кандидатом своих служебных обязанностей; получение и использование кредитов; обстоятельства, которые могут быть использованы в целях компрометации или оказания давления; участие в судебных слушаниях в качестве ответчика; любые контакты с представителями других стран.

В целях ограждения исполнительных органов власти от проникновения коррумпированных и иных преступных элементов, создания надежной системы подбора кандидатов для назначения в Администрацию Президента Российской Федерации, Аппарат Совета Министров — Правительства Российской Федерации, на руководящие должности в министерствах и ведомствах, исполнительные органы власти на местах предлагается, в условиях отсутствия законодательного регулирования этого вопроса, ввести в действие порядок, предусматривающий тщательную предварительную проверку кандидатов на работу в исполнительные органы власти.

Определить, что такая проверка проводится в порядке и объеме, предусмотренном для оформления допуска к

государственным секретам и осуществляется в отношении всех лиц, принимаемых на работу в исполнительные структуры, за исключением высших должностных лиц государства. Для проверки должны привлекаться, помимо федеральных органов государственной безопасности, органы внутренних дел и налоговой службы.

Предлагается поручить Государственно-правовому управлению и Управлению кадров совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами в двухнедельный срок подготовить проект Указа Президента Российской Федерации но данному вопросу.

Руководитель Администрации Президента

Российской Федерации С. Филатов» ***(Записка руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.А. Филатова Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину; 13 апреля 1993 года).***

— Я попробую сегодня доложить Борису Николаевичу. Идите, я вам позвоню.

Андрей не ожидал, что разговор так быстро закончится и от Филатова не поступит каких-либо новых заданий. Последнее время он бывал у Сергея Александровича почти каждый день, и каждый раз получал от него различные поручения, как-будто он выступает не в единственном лице, а в его распоряжении десятки, а может быть, и сотни исполнителей, готовых по первой же команде приступить к выполнению важного задания. У руководителя администрации, но-видимому, сложилось превратное представление и о механизме взаимодействия Орлова с министерством. Ему, наверное, казалось, что но первому же требованию Андрея кто-то немедленно проведет проверку и изучение каких-либо фактов, что Орлова без промедления ознакомят с любой информацией, которая ему потребуется. Сказать, что это было не так — ничего не сказать.

Органы безопасности, наученные горьким опытом взаимодействия с партийной властью на стадии развала государства, не хотели больше стать заложниками чьих-либо интересов, старались избегать ситуаций, которые могли поставить их в сложное положение. Учитывая, что министр безопасности Баранников и руководитель

Администрации Президента Филатов находились, мягко говоря, в конфронтационных, если не сказать больше — во враждебных отношениях, и отражали интересы противостоящих друг другу группировок, то можно понять чекистов, которые испытывали серьезные сомнения, следует ли вообще выдавать какую-либо информацию, которая может быть использована в

борьбе за влияние на Президента.

— Что-нибудь еще? — Филатов заметил, что Орлов медлит.

— Да, Сергей Александрович. Сегодня исполнился месяц, как я работаю в Администрации Президента…

— Поздравляю, — Филатов едва заметно улыбнулся.

— Нет, я не об этом. Просто хочу довести до вашего сведения, что за это время ко мне уже было два подхода: один — с коррупционным предложением, другой — в форме скрытой угрозы.

— Да? А в чем это выражалось?

— Мне предложили регулярно получать продовольственные наборы от одной фирмы в обмен на то, что я не буду, как они выразились, «копать» под одного человека. А я их послал куда подальше.

— О ком шла речь?

Орлов назвал имя крупного чиновника. Филатов как-то неопределенно кивнул. Андрей так и не понял, то ли в знак одобрения его отказа от проднабора, то ли соглашаясь с тем, что «копать» под этого человека действительно не следует.

— Так, — проговорил задумчиво Филатов. — А угроза?

— Не то чтобы прямая угроза, но я понял, что мне намекают: «Остановись, а то будет плохо!» Передали листок, написанный каким-то бандитом, а в нем — среди других значится мой домашний адрес.

— Что, точный адрес?

— Нет. просто улица и номер дома.

— А может, это совпадение?

— Все может быть, Сергей Александрович.

— Хорошо, идите. И будьте осторожны!

— Постараюсь.

* * *

Только еще подходя к двери своего кабинета, Орлов услышал, как разрывается телефон прямой связи с Филатовым. Он быстро открыл дверь и схватил трубку.

— Андрей Нетрович, Президент согласился с вашими предложениями. Заходите, я верну вам записку для исполнения.

Орлов снова отравился в Кремль. Теперь настроение у него было приподнятым. Это объяснялось не только тем, что была одержана еще одна победа и теперь надо было закрепить ее конкретными правовыми и управленческими решениями, но и тем, что Андрей поверил в свои силы, в свою способность влиять

на принятие важных государственных решений. Это было ни с чем не сравнимое чувство причастности к движению колеса истории, к возрождению мощи некогда сильного государства. Только спустя месяцы и даже годы к нему пришло горькое осознание того, что события чаще всего развиваются по каким-то своим, зачастую неподвластным людям, законам. Казалось бы, очевидное для всех решение вдруг наталкивается на такие препятствия, которые со временем делают бессмысленными любые попытки для его реализации. С другой стороны, заведомо ложные шаги, явно обреченные на провал и неудачу, без всякого сомнения поддерживаются теми, кто должен десять раз взвесить, прежде чем принять решение.

* * *

Казалось, и у Филатова поднялось настроение. Возвратившись от Президента, он даже несколько расслабился, что было заметно по его довольно мягкой улыбке и спокойному голосу.

— Борис Николаевич внимательно прочитал записку, сказал при этом, что очень важно не перестараться с этой проверкой, чтобы не было возврата к прошлым методам политического сыска. Он, правда, высказал сомнение, что за две недели удастся подготовить проект указа, но согласился с поручением Управлению кадров и ГПУ[60].

ВОСПОМИНАНИЯ: «У меня сложилось впечатление, что системная проверка лиц, принимаемых на госслужбу, началась после какого-то документа. То ли это была чья-то инициатива, то ли прямое указание сверху… Мы изучали опыт других стран. Везде проводились проверки чиновников перед назначением и вновь принимаемых на работу! А у нас — нет! Звонили по разным каналам, узнавали хоть какую-нибудь информацию. Это было, вполне понятно, ничем не регламентировано. Поэтому мы ждали документ, который бы все ставил на свои места, но он все не появлялся…» ***(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

ВОСПОМИНАНИЯ: «Тогда в Администрацию брали только „своих“, бывало и жуликов. А Андрей

пытался с этим бороться. У него, в отличие от меня, задача была такая. Я просто консультировал: меня спрашивали — я отвечал, но сам не лез во все эти дела. Я свой шесток знал. Он — энтузиаст и борец, а у меня амплуа — советник, консультант… Я тоща ничего не знал и ни в чем не участвовал, в том числе в борьбе с коррупцией…» ***(Из воспоминаний Н.А. Русских, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).***

Филатов протянул Орлову записку. Наверху написанная размашистым и несколько корявым почерком стояла заветная резолюция: «Согласен. Б. Ельцин».

— Сергей Александрович, это очень большое дело! Я уверен, мы переломим ситуацию… — взволнованно начал Андрей, но Филатов его перебил:

— Я сообщил Президенту, что вас пытались подкупить и даже угрожали. Он сказал, чтобы я внимательно отнесся к этим вопросам. Скажите, Андрей Нетрович, а пистолет у вас есть?

— Что-о? Нет, вроде пока мне не требовался. Да и ходить на Старую площадь, а тем более сюда, с оружием…

— Я вам разрешаю. Если нужно — давайте позвоню Баранникову. Барсукову я скажу. Я понимаю, что вы рискуете. Вопросы, которые приходится вам решать, могут вызвать сопротивление сил, которые опираются на криминал. Будьте внимательны и осторожны!

Напоследок Филатов как-то но особенному крепко пожал Андрею руку и доверительно прошептал:

— А пистолет все-таки носите с собой!

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «В соответствии с запиской: „Согласен“ — поручение: Котенкову, Румянцеву, с привлечением специалистов.

Подготовка совм. с ГПУ и КУ [61] **+ дальнейшие согласования.**

Открывается возможность проверки, ограничений при приеме на работу. Во всех странах существует.

Сформировать группу с тем, чтобы найти прав, решение вопроса, чтобы соблюсти нормы Конституции.

ГПУ — сформировать группу —► включить в „Закон о гос-службе“. Совместно с Минюстом — поручить разработать форму обязательства. Уголочек

— норучспис Калмыкову[62]**»** ***(Из рабочего блокнота А.П. Орлова).***

* * *

Возвращался Орлов из Кремля со смешанным чувством удовлетворения и досады. Удовлетворения от того, что его работа была поддержана на самом высоком уровне, а досады — из-за довольно примитивных представлений высокого начальства о гарантиях обеспечения безопасности человека, вовлеченного в решение важнейших и, прямо скажем, небезопасных государственных^ задач. Филатову, по-видимому, казалось, что наличие под пиджаком личного оружия может реально защитить человека, который стал объектом повышенного интереса со стороны криминала.

21 апреля 1993 года, среда, утро

Москва. Линия метро филёвского радиуса

Расстояние до метро Андрей преодолевал за семь минут, четко рассчитывая каждый шаг и наверняка зная, что не опоздает. Служебная машина, в отличие от предшествующей работы в Министерстве безопасности, ему была не положена. Но право вызывать автомобиль у него все-таки было. Очень скоро он перезнакомился по телефону практически со всеми девушками-диспетчерами, не ленился сказать им пару любезностей или просто пошутить. Наверное, этим он отличался от многих сотрудников Администрации Президента, которым было предоставлено право пользоваться «вызывной» машиной. Девушки платили ему тем, что стали узнавать его по голосу и находить машину даже тогда, когда все были «в разгоне» и большинству «заказчиков» давали категорический отказ. Правда, пользовался Андрей автомобилем лишь по вечерам, особенно когда допоздна задерживался на работе. По утрам же Орлов добирался до работы на метро, просматривая газеты, которые покупал в киоске перед спуском в подземный переход, где находился вход на станцию «Крылатское».

Станция была конечной, и Орлов практически всегда успевал занять свое излюбленное место — у окна в торце вагона, где можно было удобно прислониться к двери и погрузиться в чтение. Раньше это были толстые журналы, публиковавшие новые литературные произведения, теперь — исключительно только газеты, поскольку Орлову с учетом его нынешней работы нельзя было пропустить ни одного существенного события, ни одной значимой публикации.

В «Аргументах и фактах» внимание Орлова привлекло интервью Ельцина под названием «Жизнь и политика». Через три дня, в воскресенье, в стране должен был состояться референдум о доверии Президенту. Запущенная борьба между Верховным Советом и Ельциным перешла в стадию открытой конфронтации, которая неизбежно вела к трагической развязке. Недовольство населения реформами, которые превратились в открытое разграбление страны и оставили миллионы людей ни с чем, грозило народным бунтом, который, как всегда это бывало в российской истории, мог смести на своем пути всех — и правых и виноватых. Кризис власти, сопровождающийся кризисом экономики, был налицо. Но Ельцин надеялся, и не без основания, что народ все-таки поддержит его. Для этого активно заработала мощная пропагандистская машина, буквально вбивая в головы

граждан готовый набор ответов — «Да-Да-Нет-Да».

Вопреки здравому смыслу на референдум было вынесено не два простых и понятных вопроса: «Доверяете ли вы Президенту?» и «Доверяете ли вы народным депутатам?», а целых четыре.

> **ДОКУМЕНТ: „29 марта 1993 года в целях преодоления политического кризиса в Российской Федерации, учитывая предложения Президента Российской Федерации о проведении референдума о доверии Президенту Российской Федерации, девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов объявил всенародное голосование — референдум по следующим вопросам:**
>
> **1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?**
>
> **2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?**
>
> **3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?**
>
> **4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?“**

Такой набор вопросов настолько запутывал обывателя, что он с трудом мог определиться, какой ответ давать на каждый из них, а подброшенная ему специалистами-политтехнологами речевка «Да-Да-Нет-Да», казалась самой удачной формой обозначения своей позиции.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция „Кунцевская“», — уведомил пассажиров бесстрастный женский голос. Но Андрей его не слышал, поглощенный чтением интервью Президента.

> **ИНТЕРВЬЮ: «Вопрос: Выступая перед интеллигенцией, вы говорили о том, что если референдум вас не поддержит, то придут другие силы и всем будет плохо. Как вы себе это представляете?**
>
> **— Возможно, придут реваншисты — те коммунистические силы, которые многое (или почти все) потеряли за последние полтора-два года. Что тоща? Бег на месте, но старой тропе к „светлому“**

будущему! Этот бег, безусловно, приведет к полному отказу от реформ.

Вопрос: А может, они снова сделают колбасу по 2.20?

— Если они откажутся от рынка и введут прежнее планирование, то смогут и ценник поставить — 2.20. По тоща и зарплата будет снова нищенская, рабская — и не смей „высовываться“ — помните? А сейчас средняя зарплата у шахтеров — 50 тысяч…

Вопрос: По-вашему, только коммунисты могут прийти к власти?

— Они наиболее сильны, оголтелы и организованны. Так что могут повести за собой определенную часть людей. Тот же Стерлигов уже заявляет: „Мы составляем списки тех, кого надо повесить за ноги, вниз головой“. Вот что они хотят.

Вопрос: Допускаете призыв к оружию, к расстрелам?

— Безусловно…

Вопрос: Какой вы ощущаете сегодня пашу страну? Расколотой, в противоречиях? Или наоборот — собирающей силы? Какая температура у нашего общества?

— Сейчас раскол есть только в верхнем эшелоне власти. Может быть, еще кое-где (меньше, чем в половине областей, краев) на уровне областных Советов и глав администраций. Во Владимире не видел ни одного красного флага. Ни Макашовых, ни Стерлиговых, ни Жириновских и близко не было. А „температура“ там чуть выше, чем в среднем по России. Обстановка у них просто хорошая…

Согласен, что сегодня пожилым людям, получающим пенсию 5–6 тысяч рублей, конечно, непросто прожить. И, тем не менее, разве можно сравнить это с тем, когда они получали 26 рублей? А ведь была такая пенсия. Как можно было прожить на эти жалкие рубли? Сейчас и молодежь воодушевилась, опа видит свое будущее. Хочет жить в обновленной России.

Вопрос: Коль мы заговорили о молодежи, то скажите, как вы относитесь к молодым коммерсантам? У старшего поколения они вызывают стойкую негативную реакцию.

— Негативную — потому, что старшее поколепие

в силу разных причин само не может заняться коммерцией. А молодые коммерсанты в основном люди умные, быстро соображающие, ну и, конечно, образованные…» ***(Из интервью Президента России Б.Н. Ельцина газете «Аргументы и факты». Апрель 1993 года, № 16).***

Прочитав эти строки, Орлов усмехнулся. Его непродолжительный опыт работы на Старой площади, позволяющий увидеть реальный образ этих самых «молодых коммерсантов», всеми правдами и неправдами стремящихся прорваться к рычагам управления, как средству личного обогащения, говорил об обратном. Нахрапистые, циничные, не обремененные моральными принципами и, большей частью, малообразованные, они совсем не походили на тот пасторальный образ, который представлялся Борису Николаевичу.

ИНТЕРВЬЮ: «…Вопрос: Борис Николаевич, обратимся к будущему. Каковы ваши планы консолидации нашего общества после референдума? Вы ведь все-таки не председатель какой-то, пусть самой прогрессивной партии, а Президент всего народа.

— Я постараюсь консолидировать всех, кроме экстремистов слева и справа. Потому что они наносят обществу много вреда. Борьба ведется бескомпромиссная, таких масштабов провокаций, такого потока лжи не было ни в одной предыдущей кампании. Чувствуется, что для них это последний бой…

Вопрос: А что вы можете сказать о доме, который для вас строят в Крылатском? Чего только об этом не говорят!

— …Эта коробка в Крылатском простояла 10 лет — без окон, без дверей… Там двадцать квартир. Никаких 500-метровых квартир, никаких бассейнов, о чем пишут, там и близко нет…

Я и сейчас, как был, так и остаюсь против привилегий, и не важно, кто их получает — депутаты или кто-то еще~» ***(Из интервью Президента России КН. Ельцина газете «Аргументы и факты». Апрель 1993 года, № 16).***

«Хорошо бы, чтобы так и было! — подумал Андрей. — Позиция Ельцина по поводу привилегий известна. Он об этом

говорил, когда еще был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Если бы эту линию ему удалось провести дальше, личным примером показывая, что даже самые высокие должности не дают права на исключительность! Но, как правило, это ни у кого не получалось. Впрочем, и до абсурда лозунг борьбы с привилегиями доводить нельзя. Человеку, ответственному за судьбу страны, региона, отрасли, должны быть предоставлены такие условия жизнеобеспечения, которые позволяют ему не отвлекаться на решение бытовых вопросов».

— А я тебе говорю, правду-матку режет! Он же — летчик, герой, врать не будет! — прервал размышления Андрея громкий голос стоящего к нему спиной мужчины в поношенной куртке, который обращался к своему собеседнику, развалившемуся на сиденье. Они, наверное, уже давно вели беседу, но Орлов только сейчас прислушался к содержанию разговора.

— Одиннадцать чемоданов компромата у «усатого»! Это же много!

— А ты, что, не видишь, что творится? Прямо-таки сицилийская мафия! Воруют на каждом шагу. Я /думал наверху там получше…

— Да, получше! Они эту приватизацию, знаешь, как используют!

«Все ясно. Говорят о выступлении Руцкого на Верховном Совете шестнадцатого апреля, — догадался Андрей. — Да еще вчера „Российская газета“ полный текст опубликовала».

— Ты слышал, что Руцкой говорит? На одной гуманитарной помощи наварили сорок миллиардов! Порт Находку продали за копейки! — возмущался тот, что в куртке.

— Да, а про эту… как ее? «Красную ртуть»! Ты слышал? Вообще ее нет в природе. А продавали за миллионы долларов!

— В общем, мужик жахнул! Всех вспомнил! Но это ему так не пройдет! Уберет Ельцин «усатого»!

— Как он его уберет? Он же вице-президент!

— Придумает, как! Если все, что Руцкой говорит, правда, все правительство может слететь! Да что правительство! Такая катавасия будет! Как бы опять переворот не сделали, как в девяносто первом!

— А кто «переворачивать» будет? Депутаты что ли? Ты посмотри на них — болтуны!

— Ну не скажи! Тулеев этот, из Кемерова, как сказал! Мол, «коллективный Распутин» все решает, а не Ельцин! А знаешь, как Распутин кончил?

— Как?

— Его сначала отравили, затем застрелили, а потом утопили!

— Зачем же так? Достаточно чего-нибудь одного!

— А он таким живучим оказался, что никакой яд не брал!

Невольно слушая этот разговор, Орлов еще раз убедился, что раздрай в высших эшелонах власти воспринимается многими людьми как противостояние тех, кто обогатился в ходе «дикой приватизации», и тех, кто выступает против разграбления национальных богатств и необузданной коррупции. Правда, такие оценки были свойственны больше людям старшего поколения, для которых развал СССР стал личной трагедией, крахом надежд на будущее и утратой многого из того, что составляло смысл их жизни. Молодое поколение, выросшее в годы горбачевской перестройки и впитавшее в себя «свежий ветер перемен», видело в этом противостоянии борьбу двух начал — «старого мышления» с ностальгией по прошлому и «нового мышления» с полной раскрепощенностью человека, которому теперь были открыты широкие возможности для самореализации, прежде всего в материальной сфере. Так сказать, «Отречемся от старого мира!» — только наоборот!

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция „Смоленская“», — сообщил женский голос. Но двери не могли сразу захлопнуться из-за мощного людского потока, который врывался в вагоны на станции «Киевская». Подталкивая друг друга, пассажиры заполняли все свободное пространство вагона, ворча, ругаясь, извиняясь, или просто бесцеремонно наседая на впереди идущих. Позиция, занятая Андреем в торцевой части вагона, была тем и выгодна, что заполняющая его плотная толпа не мешала ему продолжать чтение.

Расправившись с «Аргументами и фактами», Орлов развернул газету «Московский комсомолец», которую одни относили к «желтой прессе», а другие считали очень информированным изданием. Отчасти соглашаясь с первыми, Андрей больше все-таки склонился к мнению вторых. И не зря. В этот день газета преподнесла ему новость, которую увидеть на ее страницах он не ожидал. Скользя глазами но заголовкам статей, на третьей полосе он внизу увидел небольшую статейку с броским названием «Допуск шпионов в Кремль прекращен» и сразу принялся за чтение.

СТАТЬЯ: «Вес вновь поступающие на работу в аппарат Президента РФ сотрудники будут проходить специальную проверку. Об этом сообщил вчера на встрече с журналистами руководитель аппарата президента Сергей Филатов. Он же рассказал о том, что, но поручению Бориса Ельцина, готовится

распоряжение о проверке поступающих на работу не только в Кремль, но и во все органы исполнительной власти. Сергей Филатов признал, что существует утечка информации из Кремля, зарегистрированы и факты коррупции, а также случаи приема на работу в обход отдела кадров. Хотя в целом аппарат к президенту лоялен.

Возможно, готовящиеся распоряжения связаны с распоряжением Бориса Ельцина от 5 апреля „О временном прекращении приема сотрудников на работу“, которое президент подписал после заявления Геннадия Зюганова о наличии в Кремле „пятой колонны“. Скорее всего, се-то и будут выявлять.

В аппарате президента нам сообщили, что подобного рода проверки — это общепринятая мировая практика. Ведь работающие в Кремле имеют доступ к государственным тайнам. А пускать к ним абы кого себе дороже. Формы же проверки — дело специальных служб…» *(Статья «Допуск шпионов в Кремль прекращен». «Московский комсомолец», 21 апреля 1993 года).*

Орлов был крайне озадачен появлением такой статьи в газете до выхода указа Президента. Говорить во всеуслышание о том, что планируется проверка всех кандидатов на работу в высшие органы власти, значит вызвать ожесточенное сопротивление тех, кому эта мера будет как кость в горле. Ведь бесконтрольность в этих вопросах позволяла «нашпиговывать» структуры управления людьми, которых нельзя было никоим образом подпускать к выработке важных решений, а уж тем более предоставлять возможность им использовать неизменную чиновничью атрибутику — телефоны правительственной связи, удостоверения, спецталоны, служебные бланки, командировочные предписания — в целях, далеких от служебных интересов.

Тема «пятой колонны» в Администрации Президента неоднократно разыгрывалась в политическом пикировании между разными группами влияния, но Орлову этот тезис казался явно надуманным. Несмотря на кадровую пестроту, основная масса сотрудников была либо совершенно аполитична, либо состояла из сторонников действующей власти. Говорить о том, что где-то в недрах управлений администрации окопались враги, которые только и ждут, когда наступит момент, чтобы выступить против Президента, значит грешить против истины. По крайней мере, так

думал Андрей.

Докладная записка Президенту России, его согласие с подготовкой проекта указа, соответствующие поручения структурам администрации и, наконец, публикация в «Московском комсомольце» — все это вселяло в Андрея уверенность в том, что его работа в эпицентре российской власти становится небесполезной. Несмотря на сложность обстановки, попытки подкупить и оказать давление только усилили его настойчивость в достижении цели — создании системы, играющей роль эффективного заслона на пути криминала и коррупции. Благо в этом он мог опереться не только на своих коллег в Министерстве безопасности, но и новых товарищей в Управлении кадров Администрации Президента России.

Однако механизм противодействия созданию такой системы, несмотря на строгую конфиденциальность всей этой работы, был запущен на полную катушку. И только спустя почти три года об этом стало известию широкой общественности из статьи в «Московском комсомольце». Впрочем, вряд ли кто тоща обратил внимание на эту' скандальную публикацию.

> **СТАТЬЯ: «...В конце 1993 года два сотрудника администрации президента (откомандированные из Федеральной службы контрразведки) подготовили докладную записку о фактах коррупции среди чиновников администрации Ельцина и аппарата Черномырдина с конкретными примерами. Поскольку в то время они работали именно в составе администрации, то записку направили но инстанции — Филатову. Тот во время личной аудиенции вручил се президенту. Ельцин с интересом прочел (всегда интересно узнать что-то новое о своих подчиненных) и на полях написал нечто вроде „разработать проект указа“. Таким образом, докладная записка автоматически превратилась в поручение президента...**
>
> **Филатов приказал Управлению кадров разработать проект указа. А дальше все было делом техники. Управление кадров указы хоть и пишет, но не так часто. К тому же все бумаги, подготовленные для президента, должны проходить юридическую экспертизу в Государственно-правовом управлении. И оставалось только рубить проект указа, подготовленный в одном подразделении, руками другого, что нетрудно, — недаром говорят: „три**

юриста, четыре мнения…“» *(Из статьи И. Павлова «Опыт политического высиживания». «Московский комсомолец», 16 января 1996 года).*

Несмотря на явные хронологические и содержательные неточности, имевшиеся в этой статье, одно оказалось бесспорным — от памятной записки, подготовленной Орловым и резолюции на ней Президента Российской Федерации, до реального создания полноценного механизма антикоррупционной проверки госслужащих, должны были пройти не месяцы, а годы. Андрей Орлов к апрелю 1993 года уже успел приобрести некоторый опыт и не был наивным человеком, но даже он не мог представить себе, насколько тернистым будет путь этого указа.

1 мая 1993 года, суббота, день

Москва. Октябрьская площадь

Григорий старался держаться чуть в стороне от толпы, которая увеличивалась буквально на глазах. День был солнечным, теплым, воздух был наполнен запахами весенней свежести и приближающегося лета. Вся площадь пестрела красными флагами и транспарантами, в петлицах, на куртках и плащах виднелись красные банты, многие держали красные флажки с надписью «1 Мая». Кое-где мелькали непривычные глазу черно-желто-белые полотнища «Фронта национального спасения». Из динамиков передвижной радиоустановки доносились звуки советских маршей и патриотических песен — «Москва майская», «Катюша», «Широка страна моя родная». Настроение у всех было приподнятое, как обычно всегда бывало на первомайские праздники.

Митинг уже был в самом разгаре. Сменяющие друг друга ораторы у подножия памятника Ленину клеймили почем зря действующую власть, вокруг бывшего председателя Верховного Совета СССР Лукьянова, лидера коммунистов Зюганова и бывшего председателя КГБ Крючкова[63] собирались небольшие группки, которым они излагали свою позицию. Помимо старшего поколения, в числе которого было немало ветеранов с орденскими планками, на площади было много молодежи. Попадались даже родители с маленькими детьми. Ведь Первомай был традиционно праздником для детей, когда они вместе с родителями ходили на демонстрацию, в парк или просто погулять по городу.

Григорий смотрел на разыгрывающееся на площади действие с едва скрываемым раздражением. Ему уже начинало казаться, что этим все и закончится, и толпа, послушав своих кумиров и выразив солидарность с их точкой зрения, разойдется. И тогда вся подготовка, на которую положено немало сил и денег, пойдет насмарку.

К нему подошел одетый в черную куртку молодой человек с короткой стрижкой и сказал с едва заметным прибалтийских акцентом:

— У нас вес готово. Ребята выдвинулись на позицию. Четыре пузыря в багажнике, ящики с железяками в грузовике.

Григорий поморщился:

— Не кричи! Я все слышу.

Для непосвященных сказанное было непонятным, но Григорий и парень в куртке знали: под «пузырями» понимались

канистры с бензином, под «железяками» — стальные подшипники.

— Когда будем начинать?

— Не терпится? Подожди, сейчас решат, куда пойдут дальше. Тогда и мы определимся.

Один из ораторов, кажется, это бы лидер «Трудовой России» Анпилов[64], воскликнул: «Наша сила — в движении! Идем на Ленинские горы, товарищи!»

«Так, значит ни на Крымский мост, ни в сторону Якиманки. Ну что ж, мы и к этому готовы!» — промелькнуло в голове у Григория.

Дело в том, что коммунисты, члены организации «Трудовая Россия» и лидеры «Фронта национального спасения» рассчитывали провести первомайскую демонстрацию на Красной площади, как это было из года в год в советские времена. Однако московская мэрия не разрешила собираться оппозиции в самом сердце столицы, предложив взамен площадку у Центрального дома художников рядом с Крымским валом. Организаторы митинга с этим предложением не согласились, и вопрос о том, где конкретно будет проходить митинг, остался висеть в воздухе.

Праздничное шествие начиналось на Октябрьской площади, где собралось не менее трех тысяч человек. Традиционные маршруты следования демонстрантов к центру города — по Якиманке через Большой Каменный мост и через Крымский мост по Садовому кольцу — были перекрыты грузовиками, кордонами милиции и ОМОНом. Оценив ситуацию, организаторы митинга приняли решение не лезть на рожон, а отправиться по Ленинскому проспекту на Воробьевы горы. К этому и призвал собравшихся Виктор Анпилов.

— Ну вот, теперь все понятно! Дуйте к Нескучному саду! Разбивайтесь на три группы — и вперед! Связь держим через старших групп. Главное — разозлить и тех и других, чтобы они начали дубасить друг друга. И при этом никто из наших не должен попасться! Ни один человек! Ясно?

— Все понятно. Действуем, как договорились.

Парень в куртке исчез в толпе, а Григорий, пристроившись к группе молодежи, идущей под транспарантом «Да здравствует советская социалистическая Россия!», пошел вместе со всеми по освобожденному от транспорта проспекту. Продолжала звучать бравурная музыка, некоторые группы пели песни, выкрикивали праздничные лозунги. Все это скорее напоминало первомайскую демонстрацию советского времени, нежели акцию протеста против властей.

СТАТЬЯ: «…Настроение у всех праздничное. Люди приоделись, особенно нарядны и красивы сегодня женщины и дети. То и дело вспыхивают шутки, смех, звучат песни. Паша „женская колонна“ все время забегает вперед, и распорядитель из Союза офицеров умоляет: „Ну, пожалуйста, дорогие женщины, выровняйтесь, сбавьте шаг“. Мы выравниваем ряд, а потом снова невольно вырываемся вперед… весело, во весь голос поем трогательную песню из тех, счастливых лет: „Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я“.

Впереди показалась площадь Гагарина. На полотнище, протянутом между домами над проспектом, но синему полю с цветочками приветствие: „С праздником, дорогие россияне!..“» *(Н. Гарифуллина «Обагренный Первомай». «Советская Россия», 4 мая 1993 года).*

По мере движения по Ленинскому проспекту толпа увеличивалась в размерах, к ней примыкали все новые и новые участники шествия, стала возникать какая-то наэлектризованность, взвинченность. И уже тысячи возбужденных голосов начали скандировать лозунги против Ельцина.

«Молодцы, — отмстил про себя Григорий. — Толпе надо вовремя подбросить нужный слоган, и она будет с упоением повторять его. Хорошо работает группа Сивого».

1 мая 1993 года, суббота, день

Москва. Площадь Гагарина

Почти трехкилометровое расстояние от Октябрьской площади до площади Гагарина передовая колонна манифестантов преодолела за полчаса. Уже подходя к площади, участники шествия увидели, что она наглухо перегорожена силами правопорядка. Между двумя домами сталинской постройки, подковообразно охватывающими площадь по обе стороны Ленинского проспекта, стояла плотная цепь ОМОНа в белых и черных касках. Почти у всех в руках были щиты. Позади этой цепи — стоящие поперек проезжей части впритирку друг к другу грузовики, облепленные сотрудниками милиции в касках, с дубинками и щитами, готовые тут же поддержать первую цепь заграждения. А дальше — еще грузовики, поливальные и пожарные машины, водометы, служебные автобусы и сотни, сотни стражей порядка.

В разношерстной толпе легко растворились боевые группы националистов, которым накануне была поставлена задача спровоцировать столкновения манифестантов с представителями власти. Правда, некоторых из участников шествия и провоцировать было не надо, они сами уже были готовы к «последнему и решительному бою». Возбуждение толпы, приближающейся к милицейской баррикаде, достигло наивысшего предела, так что достаточно было небольшой искры, чтобы все вспыхнуло пламенем взаимной ненависти. И такую искру должны были высечь отряды Григория, причем не только в переносном, но и в самом прямом смысле. Для этого ими были заготовлены три канистры бензина, которыми можно было поджечь не один автомобиль, и два ящика с сотнями подшипников, обернутых в промасленную бумагу, — хороший заменитель булыжника — «оружия пролетариата».

«Женщин и детей — внутрь колонны! — раздался голос в мегафоне. — Мужчины — вперед! Могут быть провокации!»

Это прозвучало для одних как предупреждение, впрочем, не возымевшее никакого воздействия на толпу, а для некоторых как команда: «К бою!» Еще немного и передовая колонна демонстрантов, крепко сцепившихся друг с другом руками, буквально врезалась в цепь ОМОНа. Началась потасовка, очень быстро перерастающая в ожесточенную схватку. Мужчины, размахивая флагами, пытались прорвать милицейскую цепь, но с ходу это оказалось невозможным. Омоновцы, прикрываясь щитами, отбивались от наседающих демонстрантов дубинками, а

толпа, тем не менее, все увеличивалась за счет прибывающих со стороны Октябрьской площади. В считаные минуты атмосфера на площади накалилась до критического уровня. Какое там праздничное настроение! Слова патриотических песен и звуки маршей теперь заглушал рев толпы, в котором тонули призывы остановиться и прекратить столкновение. Первомайская демонстрация, мирно начавшаяся на Октябрьской площади, переходила в новую фазу — силовое противостояние демонстрантов со спецназом милиции.

Особенно рьяно, вызывающе агрессивно действовали молодые мужчины в первых рядах атакующих. Они сразу стали вырывать у милиционеров щиты и дубинки, норовили ударить их по голове, повалить на землю. Те в свою очередь не скупились на ответные удары, и очень скоро потасовка превратилась в кровавое побоище. Демонстранты, которым удавалось преодолеть первую цепь, карабкались на кузова грузовиков, вступая в схватку с находившимися там милиционерами. Повсюду слышались крики, свист, ругань, стоны… И над всей этой вакханалией, как горькая насмешка, на длинной растяжке висел лозунг: «С праздником, дорогие россияне!»

«Все идет как по писаному, — отметил про себя Григорий, прижавшись к стене дома у самого угла, откуда легко можно было ретироваться в сторону Нескучного сада, путь к которому не был перекрыт кордонами милиции. — Теперь осталось только поджечь пару автомашин да придушить пару стариков! И тогда…»

Что будет «тогда», Григорий не успел додумать. Из-за второго ряда грузовиков по демонстрантам ударила мощная струя водомета, а вслед за ней пожарная машина извергла из своего жерла струю грязно-белой пены. К ней подключилась вторая, затем третья. Вступившие в рукопашную схватку с милицией демонстранты, облитые с ног до головы пеной, стали похожими на монстров из американских фильмов ужасов. В ход уже шли древки красных флагов, острые металлические наконечники знамен, которые превратились в смертоносное оружие, напоминающее пики средневековых рыцарей.

Под ударами милицейских дубинок падали на мостовую, зажав голову или лицо, демонстранты, среди которых было немало людей старшего поколения, в том числе женщин. Уворачиваясь от ударов древками флагов, спотыкаясь и теряя фуражки, разбегались ребята в милицейской форме. В них уже летели камни, кирпичи, куски асфальта, образки металлических труб, палки…

Большая группа демонстрантов, перебравшаяся через баррикаду, раскачивала из стороны в сторону грузовик с

брезентовым верхом, пытаясь, наверное, опрокинуть его. Леденящие душу крики и визги женщин, истошные вопли и свист, ругань, рокот автомобильных моторов, гудки машин, скрежет железа и звуки бьющегося стекла — все слилось в единый гул побоища. Казалось, безумие охватило людей. Еще совсем недавно мирно беседующие друг с другом, поющие песни или что-то оживленно обсуждающие, они превратились в диких зверей, способных разорвать, уничтожить, раздавить того, кто окажется на их пути.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Мы были в шоке, когда смотрели с Олей вечерние новости. Все, что происходило на Ленинском проспекте, казалось нереальным, будто мы видим кадры кинохроники уличных столкновений демонстрантов с полицией где-нибудь в Чикаго, Белграде или Мадриде в 30-е годы. Революции 1905 и 1917 годов казались нам далеким прошлым. И только недавние события августа 1991 года в Москве, когда начались столкновения противников ГКЧП с войсками, а затем вакханалия разрушения памятников и захвата зданий партийных органов, свидетельствовали о новом повороте в истории нашей страны» ***(Из воспоминаний А.П. Орлова).***

Прибывшие милицейские подкрепления, казалось, способствовали перелому ситуации. Омоновцы бросились в контратаку, направо и налево нанося удары дубинками, прикрываясь щитами от града камней и летящих словно стрелы древков знамен с металлическими наконечниками. Здесь уж было не до того, чтобы разбирать, кто зачинщик, а кто простой обыватель, случайно попавший в толпу. Доставалось всем подряд. И вот уже беспомощно лежит на мостовой старик с орденскими планками, размазывая по лицу кровь, сочащуюся из разбитой брови, весь грязный, в пене, со слезами на глазах от боли и унижения. Рядом какой-то человек в темно-зеленом плаще стоит с поднятыми руками, как будто сдается в плен, а подскочившие к нему три омоновца в бронежилетах и касках наотмашь бьют его резиновыми дубинками по голове и спине. Жалкий и беспомощный, он пытается неуклюже защититься руками, но получает все новые и новые удары. Женщина с хозяйственной сумкой что-то осуждающее кричит в сторону милиционеров, один из них, самый молодой, отделяется от товарищей и как-то нехотя, почти мимоходом, отталкивает се дубинкой так, что она чуть не падает.

1 мая 1993 года, суббота, день

Москва. Лубянка. Министерство безопасности. Кабинет первого заместителя министра

Через каждые десять минут оперативный дежурный и начальник оперативно-поискового управления докладывали генерал-полковнику Голушко о развитии обстановки в районе Ленинского проспекта и площади Гагарина. Профессиональный контрразведчик и опытный руководитель, он понимал, что ситуация развивается по самому худшему сценарию. Озлобленная толпа, столкнувшаяся с беспрецедентно грубым подавлением со стороны сил правопорядка, массовые стычки, в результате которых уже появились пострадавшие, грозили превратиться в кровавое побоище.

Но повлиять на ход событий Голушко никак не мог — Министерству безопасности отводилась роль лишь стороннего наблюдателя, который не имел права вмешиваться в происходящее. «Ваше дело — отслеживать ситуацию» — была установка московских властей.

Когда Николай Михайлович получил очередной доклад о том, что происходит на месте столкновения демонстрантов с милицией, он позвонил Савостьянову, начальнику управления Министерства безопасности по Москве и Московской области, а одновременно с этим и заместителю Баранникова. Это был руководитель «демократической волны», в 1991 году назначенный лично Ельциным на этот крайне важный пост. Он не имел никакого профессионального опыта в сфере обеспечения безопасности, но зато пользовался исключительным доверием у новой власти и выполнял своего рода роль «демократического комиссара». В прошлом он был научным сотрудником одного из академических институтов, на волне протестной активности конца 1980-х годов стал заметной фигурой движения «Демократическая Россия», а впоследствии руководителем департамента в мэрии Москвы.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «…Я позвонил Савостьянову [65]. Говорю ему: „Там начали, вроде, с ветеранами не очень хорошо обращаться. Силовые действия ирименяют. Что же это творится? Это же Москва все-таки!“ А он отвечает: „Командует здесь мэр, Лужков“. Я ему: „Женя, ну все-таки надо как-то контролировать обстановку, чтобы не было взрыва…“» *(Из воспоминаний Н.М. Голушко, в 1993–*

1994 годах — министра безопасности).

Не удовлетворившись телефонным разговором с Савостьяновым, Голушко пригласил к себе другого заместителя, Сафонова[66] и предложил ему вместе сходить к Баранникову для того, чтобы обсудить создавшееся положение. Сафонов отличался исключительной коммуникабельностью, способностью расположить к себе собеседника. Эрудированный и ироничный, помимо богатого чекистского опыта, он имел опыт публичной деятельности, так как еще до августовского путча 1991 года стал депутатом Верховного Совета Российской Федерации.

— Анатолий Ефимович, пошли к Баранникову. Надо срочно что-то делать. — Голушко выглядел удрученным и озабоченным.

Пройти по ковровым дорожкам от кабинета первого зама до приемной министра было делом трех минут — всего лишь спуститься на один этаж ниже. Не останавливаясь в приемной, они зашли в кабинет Баранникова.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «…Приходим к Баранникову и докладываем. Что ж такое — очень резкие действия силовых структур. Баранников сказал: „Ничего, пусть немножко прижмут хвост…“» *(Из воспоминаний Н.М. Голушко, в 1993—1994годах— министра безопасности).***

Голушко и Сафонову стало очевидным, что «резкие действия» были не следствием самоуправства отдельных начальников, вызванным агрессивным напором толпы, а вполне продуманной акцией. Очередной виток конфронтации переходил в совершенно новую фазу, когда дело уже не ограничивалось шумными протестами и массовыми демонстрациями, а превращалось в вооруженные стычки между протестующими и силами правопорядка. Пока еще с использованием древков флагов и водометов. Но отсюда было уже недалеко до настоящего оружия.

Через некоторое время Голушко снова оказался в кабинете Баранникова. К его удивлению, там уже находился мэр Москвы Лужков. Кратко обсудив с руководителями Министерства безопасности создавшуюся обстановку, тот сказал фразу, которая надолго запомнилась Николаю Михайловичу: «Надо ударить, чтобы неповадно было!»

1 мая 1993 года, суббота, день

Москва. Площадь Гагарина

Как профессиональные метатели какие-то парни бросали из толпы камни в сторону наседающего ОМОНа, который пытался оттеснить демонстрантов к ограде сквера за углом дома. В милиционеров летели какие-то металлические предметы, которые, ударяясь по каскам, издавали глухой звук. На другой стороне проспекта двое мужчин разгоняли тяжелую резиновую покрышку от колес крупного грузовика и направили ее прямиком на милицейскую цепь, образующую сплошной ряд примкнутых друг к другу щитов. Ну прямо как псы-рыцари во время Ледового побоища! От удара колеса в цепи на некоторое время образовалась брешь, впрочем, в которую никто и не собирается проникать.

Появились первые раненые с той и другой стороны. Их несли на руках, волокли на кусках брезента или на импровизированных носилках, сделанных из подручных средств. Машины скорой помощи одна за другой отвозили раненых в больницы. Побоище входило в свою заключительную фазу.

> **ДОКУМЕНТ: «…В результате столкновения в течение двух часов с 12.35 до 14.35 первого мая пострадали и обратились за медицинской помощью 579 человек, в том числе 251 сотрудник органов внутренних дел. С площади Гагарина в медицинские учреждения города и МВД в течение 1–2 мая были доставлены и обратились самостоятельно 495 человек. Еще 84-м медицинская помощь была оказана на месте происшествия…»** ***(Из заявления Главного медицинского управления Москвы, телепрограмма «Вести», 2 мая 1993 года).***

Свежие силы милиции, влившиеся в уже изрядно потрепанные ряды своих товарищей, начали активную атаку на демонстрантов, вытесняя их с площади в обратную сторону. Поскольку самые активные из них уже перебрались через многоярусный милицейский кордон и находились но ту строну баррикады, они не могли принимать участие в рукопашной схватке. Здесь же оставалась менее активная группа демонстрантов, которая старалась избежать прямого столкновения с милицией.

Самой главной «боевой единицей» оказался грузовик,

оборудованный громкоговорящей установкой. Па его борту был прикреплен транспарант с белыми буквами по красному фону: «Страну спасет — диктатура рабочего человека!» В кузове «держали оборону» не менее двадцати человек. Они отбивались от омоновцев флагами, бросали в них какие-то коробки и ящики. Машина делала крутые развороты, расшвыривая в разные стороны блюстителей порядка и одновременно прикрывая бойцов армии демонстрантов.

В течение всего времени повсюду сновали операторы с тяжелыми камерами, которые испытывали на себе все прелести массовых беспорядков — им также перепадала порция милицейских дубинок и ударов по голове древками флагов. Для некоторых камни и железяки, брошенные демонстрантами, а иногда и возвращаемые им милиционерами, стали причиной тяжелых травм.

> **ВЫСТУПЛЕНИЯ: «Люди видели явную агрессивность отдельных групп мужчин, которые не митинговали, и знамена у них на Октябрьской площади были черно-желтые, а не красные. Они пытались опрокинуть автобус с ОМОНом, когда он появился на площади после ухода демонстрации. Они били, толкали, оскорбляли милицию уже на Октябрьской площади, еде не было никакого противостояния.**
>
> **Есть свидетельство о том, как была построена цепочка, но которой из-за магазина „Диета“ демонстрантам передавали камни. Те бросали их в ОМОН. Причем есть такое свидетельство, что камни нередко до ОМОНа не долетали, а попадали в тех, кто атаковал омоновцев. Есть свидетельство, что за оцеплением на площади Гагарина никакой драки не было. Те участники демонстрации, которые обошли оцепление, свободно там перемещались, вступали в пререкания с милицией, оскорбляли ОМОН, но никакого отпора не получали… Это говорит о том, что милиция и ОМОН не были настроены агрессивно по отношению к демонстрантам, кроме места, еде происходила свалка» *(Из выступления депутата Моссовета, представителя «ДемРоссии» Д.И. Катаева на заседании Малого совета 5 мая 1993 года)*.**

Скоро ярким пламенем запылала одна машина, затем вторая. Едкий черный дым заполнил Ленинский проспект, органично дополняя картину побоища. Демонстранты, избитые и грязные, с

кровоподтеками и ссадинами, отступили в направлении Октябрьской площади. Многие из них, не желая испытывать судьбу, отправились прочь через дворы близлежащих домов и скверы, кто в сторону Парка культуры, кто в направлении улицы Косыгина. Милиционеры, тоже изрядно потрепанные в схватке, некоторые без фуражек, в рваных плащах и кителях, нервно курили позади цепи ОМОНа. К месту баталии стягивалось подразделение конной милиции, оглашая окрестности площади Гагарина цоканьем копыт и фырчаньем лошадей.

> **ИНФОРМАЦИЯ: «Только что по каналам ИТАР-ТАСС пришло заявление пресс-секретаря Президента Российской Федерации. В нем решительно осуждаются организованные коммунистическими и национал-шовинистическими лидерами массовые беспорядки. Президент, говорится в заявлении, выражает глубокое сочувствие всем пострадавшим.**
>
> **Представитель Московского правительства Александр Брагинский расцепил события в Москве как хулиганские акции. Организаторы подобных акций будут привлекаться к ответственности, в том числе и уголовной. В свою очередь один из лидеров Фронта национального спасения и организаторов шествия Илья Константинов [67] в интервью „Интерфаксу“ расценил события в районе площади Гагарина как сознательную провокацию, направленную на то, чтобы парализовать всякое сопротивление. С сегодняшнего дня, — заявил Константинов, — началось настоящее сопротивление…» *(Телепрограмма «Вести», 1 мая 1993 года)*.**

Таких массовых беспорядков Москва не знала со времен революции 1905 года. Даже стотысячные митинги начала 1990-х с их остервенелыми криками «Долой КПСС!» не сопровождались побоищами и кровопролитием. В последующие дни газеты пестрели самыми противоречивыми оценками, хотя почти все сходились в одном — произошло нечто страшное.

> **СТАТЬИ: «Кровавое столкновение в Москве. Организаторы коммунистической демонстрации бросили толпу на цепи ОМОНа. Власти и силы правопорядка продемонстрировали непростительный непрофессионализм» *(«Независимая газета», 5 мая 1993 года)*. «Кровавая репетиция диктатуры», «А**

люди шли на праздник», «Попраны права человека» *(«Правда», 4 мая 1993 года).* «Мирную демонстрацию москвичей загнали в ловушку и устроили расправу», «Преднамеренная провокация» *(«Советская Россия», 4 мая 1993 года).*

Бывший председатель Верховного Совета СССР Лукьянов в тот же день написал стихи под названием «Первое мая 1993 года»:

«Кровавый май. Кровавая суббота.
Оскал щитов и выплески речей.
Немая милицейская пехота.
Стеклянные зрачки у палачей.
Проклятья, и отчаянье, и стоны,
И водометы, хлещущие в грудь.
Бесстыдство покровителей ОМОНа
И флаги, на которых — Мир и Труд».

Через несколько дней его «разоблачала» «Независимая газета»:

СТАТЬЯ: «…Полная прямая ответственность за все жертвы и последствия этого столкновения лежит на организаторах митинга. Если даже встать на их позицию (власти организовали провокацию, желая создать повод для введения чрезвычайного положения), то и тогда это не становится менее очевидным. Политики, собирающие десятки тысяч людей на политический митинг и предполагающие у властей готовность пойти на провокацию, не имеют права произвольно направлять эти десятки тысяч людей туда, куда им заблагорассудится. Тем более — толкать их на прорыв цепи вооруженных стражей порядка…

Анатолий Лукьянов уже успел написать стихи о «кровавом 1 мая». Интересно узнать, почему он сам не пошел на прорыв омоновских цепей, если повел туда других?..

К сожалению, не могу не возложить значительную часть косвенной ответственности за случившееся 1 мая на нынешние демократические власти и силы. С восторгом говорилось, что перед референдумом вновь удалось добиться политизации

населения страны. Взахлёб провозглашалась победа демократов над коммунистами на референдуме. Вот плоды и этой политизации, и этого восторга, и этого «захлёба» — унижая оппозицию, се «заводили» до безрассудства…" (*Я. Третьяков. "Чья вина — это очевидно. О чем г-н Лукьянов не сказал в своих стихах". "Независимая газета", 5 мая 1993 года).

Май 1993 года стал прологом страшной трагедии, до которой оставалось менее полгода, о чем не знали ни демонстранты, ни милиционеры, ни опытные политики.

3 мая 1993 года, понедельник, вечер

Москва. Рублево-Успенское шоссе.
Бывшая дача ЦК КПСС

— Даже и не вздумайте! Вы что, хотите провалить серьезное дело? Ради чего? Ради ваших глупых амбиций? Чего вы добились?

— Но, Михаил Юрьевич, мы…

— Что? Устроили кровавое побоище! Озлобили всех и вся! Дестабилизировали обстановку!

— Обстановка и без нас напряженная! Мы что, только подлили масла в огонь! Коммунисты, хотя и всем недовольны, но не лезут на рожон! Милиция сама тоже не стала бы бить! Вот мы и «подмогли»!

— «Подмогли», — передразнил Михаил Юрьевич. — А зачем?

— Мы же все-таки боевая организация! Нам надо тренироваться, набираться опыта борьбы…

— Ну и тренируйтесь на своей базе! Я же вам выкупил целый пионерлагерь!

— Михаил Юрьевич, это не то! Чтобы приобрести опыт, надо постоянно участвовать в… боевых операциях. Гитлер, например, специально создал отряды штурмовиков. Они почти каждый день дрались с коммунистами и социалистами…

— С социал-демократами.

— Что? Ну да, с социал-демократами. Их разгоняла полиция, и они дрались с полицейскими. Именно они помогли Гитлеру захватить власть.

— Помогли! Но ты лучше вспомни, как кончил Гитлер!

— Это уже совсем другое! Его предали!

— Нет, Гриша, нам не нужно будет захватывать власть, драться с полицией… то есть с милицией, и уж тем более с коммунистами, которые сейчас находятся в полной депрессии. Мы будем действовать совсем по-другому. *Я* тебе уже сотню раз говорил об этом. Мы внедрим во власть наших людей, мы поставим на ключевые посты тех, кто будет исполнять нашу волю, действовать в наших интересах. Нам не нужны для этого штурмовики, мы тихо, спокойно решим все задачи!

— Тихой сапой?

— Именно так! Ты же видишь, что коммунисты сейчас находятся в прострации: одни из них, в основном старики и фанатики, цепляются за коммунистическую идею и хотят все повернусь вспять, другие, их тоже немало, наоборот, — обрадовались, что открылись возможности личного обогащения, и теперь с комсомольским задором набивают себе карманы

зелеными. Либералы и всякие демократы, как бы они себя не называли, — это все те, кто не хочет возврата СССР, но не знает, как дальше жить. Мы, прагматики, поможем и тем и другим. Но главное — мы должны стать в этой стране полноправными хозяевами. Хозяина без собственности не бывает. Мы должны не только получить доступ к тому, что является неиссякаемым источником богатства, но и стать владельцами этой собственности. И здесь, Григорий, понадобитесь вы, крепкие ребята с армейской выправкой и строгой дисциплиной. Потому что любые богатства нуждаются в защите…

— Так что ж, вы в нас видите только охранников? — перебил Михаила Юрьевича Григорий. По всему было видно, что разглагольствования собеседника ему не по нутру. — Что ж, сейчас мы должны выполнить для вас всю грязную работу, а потом вы сделаете нас вахтерами?

— Ну почему, Гриша, вахтерами! Вы займете ключевые посты в Министерстве внутренних дел, Министерстве безопасности…

— А что! Я бы мог стать министром безопасности вместо Баранникова! Или, в крайнем случае, заместителем министра! — Наверное, Григорий представил себе, как он выходит из дверей… Нет! Как охранники открывают перед ним массивные двери, и он выходит прямо на Лубянскую площадь. На нем генеральский мундир… Нет! Он в штатском, но с папкой. Нет, не с папкой, а с портфелем! Стоп! С каким портфелем? Он же генерал! Скорее всего, у него в руках будет…

— Так что, Гриша, вам отводится далеко не второстепенная роль! — голос Михаила Юрьевича прервал приятные видения Григория. — Все вместе мы сформируем костяк новой системы управления, основанной на собственности. Это будет по-настоящему устойчивая система, застрахованная от переворотов и революций!

— Кем застрахованная, Михаил Юрьевич?

— Нами! Кем же еще?

Григорий поднялся с кресла, стоящего у журнального столика, подошел к книжному шкафу, открыл стеклянную дверцу. Две полки вместо книг были заняты бутылками дорогого коньяка, виски, красного и белого вина. Рядом стояли хрустальные бокалы и миниатюрные стопки.

— По коньячку?

— Что ты, Гриша? У меня сегодня еще деловая встреча.

— А я выпью.

Григорий наполнил стопку прозрачной жидкостью цвета темного янтаря и залпом опрокинул се. Затем крякнул, взял из вазы пригоршню очищенных земляных орехов.

— Гриша, ты что! Эго же не водка! Кто же пьет коньяк залпом. Это же благородной напиток интеллигентных людей!

— Ой, Михаил Юрьевич, не люблю это слово. От него несет слюнтяйством! Правильно сказал Гитлер: «Когда я слышу слово „интеллект“, моя рука тянется к спусковому крючку пистолета».

— Во-первых, это сказал не Гитлер, и не про интеллект, а про культуру. А во-вторых, почему ты так часто ссылаешься на Гитлера?

— Он добился для немецкого народа достойных условий жизни и уничтожал всех, кто ослаблял нацию! Он…

— Если ты, Гриша, и дальше будешь нести этот бред, нам с тобой будет трудно сотрудничать! — недовольно перебил его Михаил Юрьевич. — Ссылаться на Гитлера — дурной тон, тем более, когда в России сброшена большевистская диктатура и устанавливается демократический режим.

— Почему «бред»? Я недавно встречался с одними очень умными людьми. Это — молодые ребята, которые очень хорошо «шурупят» в экономике. Некоторые из них работают даже экспертами и готовят разные документы. Их собирают на одной правительственной даче, кажется в Волынском, и они день и ночь там судачат и строчат разные бумаги. Очень головастые ребята! Так вот, один из них говорил, что Россия должна пройти такой же путь, как Германия. На всех, на все сто пятьдесят миллионов ни жратвы, ни шмоток не хватит. Значит, что? Надо сократить население. Всех убогих, неполноценных, разных черномазых и чурок надо… — При этом он сделал жест рукой, не оставляющий сомнения в том, как следует поступить с этими людьми. Но тут же поправился: — Нет, не убить, конечно! Но сделать так, чтобы их стало на порядок меньше!

Собеседник Григория поморщился, демонстрируя свое отрицательное отношение к этим словам. Тот между тем продолжал:

— Если население России сократить вдвое, легче будет обеспечить его всем необходимым. А то расплодились, как в Африке! Эти эксперты говорят, что их поддерживают некоторые депутаты и даже в правительстве…

— Григорий, не о том думаешь! Нам надо решать главный вопрос — внедрять своих людей во власть. И делать это тихо, без шума, не привлекая внимания. А ты со своими… — Было видно, что Михаил Юрьевич пытается подобрать подходящее слово, чтобы не обидеть Григория, — …со своими боевиками лезешь в политику! Ну зачем вы превратили это шествие в бойню? Они бы поорали, помахали флагами и плакатами, да и разошлись бы! А вы спровоцировали столкновение с милицией, довели все до

крови! А это может привести только к одному — «закручиванию гаек» по всем направлениям, в том числе в кадровой политике. Это заметно усложнит решение нашей генеральной задачи.

— Вот вы все время говорите «мы», «наши задачи». А кто это «мы»? Вас я знаю. Есть кто-нибудь еще? У вас что, какая-то организация?

Михаил Юрьевич усмехнулся:

— Нет никакой организации. «Мы» — это люди, способные видеть перспективу, прагматики, готовые прийти на смену но любому случаю впадающим в истерику членам Верховного Совета, этим болтунам из Белого дома, бывшей партийной номенклатуре, маскирующейся под демократов, и новым чиновникам, не имеющим никакого представления об управлении государственной машиной. «Мы» — это профессионалы, которые могут одновременно решать сразу две задачи — грамотно управлять и стать классом собственников, что и обеспечит устойчивость всей системы. Понял?

— Не очень!

— Гриша, тебе это и не нужно! В общем, больше без моей санкции не ввязывайтесь ни в какие политические акции. Через неделю будет День Победы. Там опять намечается шествие, которое может привести к столкновениям коммунистов с милицией. Чтобы никаких провокаций! Понял? Пусть они сами разбираются друг с другом! А у нас свои задачи. Мы — решаем вопросы формирования системы управления, вы — помогаете нам в этом, находитесь в состоянии готовности к действиям, тренируетесь…

— Михаил Юрьевич, ну хотя бы «бабульки» подбросьте!

— Что?

— Денег, говорю, немного дайте, чтобы тренироваться.

— Так я же на прошлой неделе передавал через нашего человека.

— Маловато что-то! Траты большие! Пионерлагерь, который вы нам купили, приводим в порядок. Тир там делаем.

— Ладно, Гриша, послезавтра присылай кого-нибудь из своих. Поможем! Только ты не забывай, что я тебе сказал. Будь готов действовать, но не ввязывайся в авантюры!

— Понял, — без особого энтузиазма ответил Григорий.

3 мая 1993 года, понедельник, вечер

Москва. Смоленская площадь.
Старинный особняк

Этот миниатюрный зал-салон в наибольшей степени располагал к уединению, доверительному разговору и общению. Он именовался библиотекой, хотя в нем находилось всего два книжных шкафа, за стеклами которых угадывались очертания дорогих корешков. В центре стоял небольшой овальный столик из элитных пород дерева, который с трех сторон окружали мягкие диваны с цветастой обивкой, а с четвертой — в стене был встроен камин из темного с прожилками мрамора, но обеим сторонам которого стояли невысокие двустворчатые тумбы. Интерьер дополняло большое зеркало в резной багетной раме, пара эстампов да старомодные торшеры с абажурами кремового цвета. Впрочем, обращали на себя внимание и миниатюрная скульптура, изображающая первого президента Соединенных Штатов Джорджа Вашингтона, да маленький звездно-полосатый флажок на металлической подставке.

В салоне библиотеки разговаривали двое мужчин — один худощавый в строгом костюме-тройке, говорящий с заметным акцептом, другой — совершенно безликий человек в дорогом, ладно сидящем костюме, больше молчаливо слушавший своего собеседника. Это была встреча одного из высокопоставленных дипломатов, сотрудника американского посольства Харриса, и уже известного нам Михаила Юрьевича.

— Вы совершенно правы, господин Ткаченко. Сейчас самое время делать все для того, чтобы процесс становления демократии в России стал необратимым. Мы, дипломаты, внимательно наблюдаем за тем, что происходит у вас. После 1991 года вы сделали громадный скачок вперед — демонтировали большевистской режим…

— С вашей помощью, господин Харрис! — вставил Михаил Юрьевич.

— Что вы, что вы! Мы тут ни при чем! Во внутренние дела вашей страны мы не вмешиваемся!

— Я знаю.

— Но нам очень важно, с кем мы будем иметь дело. Важно, какие люди работают в органах государственной власти, какие люди управляют экономикой, какие люди следят за соблюдением закона. Знаем, что вы очень активно занимаетесь этими вопросами. И задачи ставите амбициозные.

— Да, мы четко формулируем наши задачи и добиваемся их

решения.

— Нам импонирует как раз именно это! Но одновременно с этим нас несколько настораживает, что к решению благородных задач выстраивания новой системы управления вы привлекаете сомнительные, с нашей точки зрения, структуры…

— Что вы имеете в виду? РНА?

— Да.

— Мы не привлекаем их как структуры, а только опираемся на некоторых людей, которые входят в эту организацию. Эффективных, способных людей.

— Да, да, мы знаем. Господин Ткаченко, мы очень ценим контакты с вами и готовы их развивать и дальше. Но мы не будем взаимодействовать с теми, кто вступает в конфликт с законными властями. Первомайский праздник показал, во что может' вылиться идеологическая конфронтация, если масло в огонь будут подливать провокаторы. Я правильно сказал по-русски: масло в огонь?

— Абсолютно правильно. Мы уже сделали соответствующие выводы.

— Очень хорошо.

— Господин Харрис, я как-то вам говорил, что мои друзья создали фонд, который будет заниматься поиском людей для продвижения их во властные структуры. Они назвали этот фонд «Кадры для демократии».

— Очень интересно! — В глазах американца блеснула искра неподдельного интереса. — Чем же будет заниматься этот фонд?

— Сначала подбирать людей, которые но своим качествам могут занять разные государственные посты, потом их профессиональной подготовкой, затем…

— Извините, господин Ткаченко, что означает «профессиональная подготовка»?

— С ними будут работать наши люди — политологи, психологи, экономисты, юристы. Они будут обучать их основам многоукладной экономики, знакомить с зарубежным опытом госуправления и тому подобным.

— А что это будут за люди, которых вы будете обучать?

— Здесь у нас четкий подход: они ни в коем случае не должны быть представителями старой партноменклатуры, это раз. Второе— это должны быть молодые люди, успевшие в период перестройки и после 1991 года, уже в новой России, добиться заметных успехов — создать хорошо развивающуюся фирму, совместное предприятие, открыть свое дело, приватизировать крупные промышленные объекты, то есть стать эффективными собственниками. И наконец, эти люди должны быть

однозначными приверженцами демократии.

— Прекрасно, господин Ткаченко. Это как раз полностью совпадает с нашими представлениями. Для нас даже удивительно, что в России в столь короткий срок появились люди, мыслящие так прогрессивно.

— Прагматично.

— Да, да, прагматично, — усмехнулся американец. — Скажите, господин Ткаченко, а этот ваш фонд будет готовить специалистов, как это у вас говорится, широкого профиля?

— Разумеется, мы же не знаем точно, кем они будут работать. Они должны быть готовы занять любой важный пост.

— Великолепно! Вот это — подход! Вы, наверное, знаете об опыте наших ученых из Института Крайбла, о том, что с прошлого года активно развивается сотрудничество между российскими организациями и нашим Агентством по международному развитию. Мы ищем достойных партперов в решении вопросов становления демократии в России, готовы им помогать в информационном плане и, конечно, материально. У нас уже накоплен большой опыт поддержки демократии в африканских и азиатских странах, мы начинаем активно работать в странах Балтии и бывших государствах Варшавского Договора.

— Я слышал об этом, господин Харрис. И мы были бы очень признательны, если бы…

— Господин Ткаченко, если мы начнем с вами сотрудничать, мы должны быть уверены, что деньги американских налогоплательщиков будут потрачены не зря.

— Конечно, уж в этом вы можете не сомневаться!

СТАТЬЯ: «Господин Крайбл… основал в 1986 году свой институт, единственной целью которого был развал „Советской империи“. Он своих целей не скрывал и не камуфлировал, а так прямо и заявлял: все силы, энергию и деньги положит на алтарь развала. Сразу после этого стал создавать сеть представительств в СССР и странах Восточной Европы (сейчас их около двадцати, а к середине 1993 г. он намерен уже удвоить их количество) и вербовать агентов. Подготовка агентов началась с обучения, ибо, как сказано в документе, которым мы располагаем, доктор Крайбл сразу понял, что обучение было ключом, помогающим людям „Советской империи“ осуществить переход к демократии…» ***(Из статьи Ю. Голика, II. Эпгвера и др. «Агенты влияния». «Советская Россия», 21 ноября 1992***

года).

— Вопрос о выделении средств для российских организаций для нас очень важен. Если этот ваш фонд…

— «Кадры для демократии».

— Да, да, «Кадры для демократии». Если он будет соответствовать нашим интересам и взглядам, возможно, мы примем решение выделить ему грант. Мы готовы будем вам предложить наши методики работы с перспективными кадрами, которые уже апробированы в ряде стран. Кроме того, у нас есть эксперты, которые смогут совместно с вашими специалистами развернуть систему подготовки — проведение семинаров, тренингов, различных экспертных встреч и «круглых столов».

— Конечно, господин Харрис. Я все это передам моим друзьям. А скажите, на какие суммы можно рассчитывать?

— Пока говорить об этом преждевременно. Подготовьте подробную справку. Мы посмотрим, посоветуемся с экспертами. Само же решение будет приниматься, как вы понимаете, в Вашингтоне.

— Я ручаюсь, господин Харрис, за своих друзей. Они не подведут. С вашей помощью мы создадим новую российскую управленческую элиту. Это будут люди, заинтересованные в развитии отношений с вашей великой страной, в укреплении демократии и…

— Не надо пафоса, господин Ткаченко. Нам будет достаточно, если в российской власти будут находиться люди, с которыми можно будет иметь дело, и не только в политическом плане. Вы меня поняли?

— Конечно, можете на нас рассчитывать.

Ответив так, он вместе с тем не был уверен, что правильно понял американца.

«Что он имеет в виду? — напряженно думал Михаил Юрьевич. — „Не только в политическом плане“. Похоже, он намекает на какой-то глобальный совместный бизнес! Американцы — деловые люди, цену деньгам знают, напрасно ими не сорят. Или, может быть, он рассчитывает с нашей помощью собрать какую-то важную информацию? Причем „не политическую“. А какую? Военную?»

У Михаила Юрьевича все похолодело внутри. Он испугался самой этой мысли, что не ускользнуло от американца. Заметив в глазах своего собеседника тревогу, Харрис усмехнулся и как можно более доверительно сказал:

— Господин Ткаченко, это совсем не то, о чем вы подумали! Нам не нужно никаких ваших секретов — ни военных, ни

политических. СССР полностью проиграл холодную войну, а американская демократия подтвердила свое превосходство. Большевистская империя рухнула, как это давным-давно предсказывали наши политики, тот же Бжезинский, например. Да у вас и не осталось никаких секретов! Поэтому не пугайтесь, господин Ткаченко, ничего противозаконного мы от вас не ждем. Просто мы хотим помочь новой России возродить свою экономику и вернуться в ряд мировых держав!

«Конечно! Вы только об этом и думаете! А сами как коршуны набросились на то, что осталось от СССР, стали протягивать руки к самым лакомым кускам! Ну, ничего! Мы тоже не лыком шиты! Свое не упустим!» — подумал Михаил Юрьевич, но при этом подобострастно ответил американцу:

— Поверьте, мы очень ценим вашу поддержку. И готовы оказывать всяческое содействие вашим благородным намерениям.

Харрис усмехнулся и, глядя в упор на Михаила Юрьевича, проговорил:

— Вы говорите так, будто сидите в Кремле! Может быть, вы и себя не забудете продвинуть на какой-нибудь государственный пост!

— А почему бы и нет?

Они оба громко рассмеялись.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Учитывая благоприятные для американских спецслужб условия, возникшие в нашей стране после горбачевской перестройки и развала Советского Союза, в Лэнгли [68] сделали ставку на создание в Российской Федерации и других странах СНГ, а также в Прибалтийских государствах проамериканского лобби в законодательной и исполнительной власти, в кругах интеллигенции, в промышленных, коммерческих, банковских сферах, в среде лидеров политических партий и движений, в средствах массовой информации… Нетрадиционные источники— это, в сущности, доверительные контакты, марионетки, не всегда послушные своим хозяевам и не всегда осознающие, что имеют дело со спецслужбами, но всегда преследующие свой интерес и действующие в угоду американским целям» *(Из книги Р.С. Красильникова — до 1991 года начальника «американского» отдела КГБ СССР «Призраки с улицы Чайковского». Москва, 1999 год).***

Прощаясь в холле, от которого устланная ковром лестница вела к главному входу; американец крепко пожал руку

посетителю и напоследок сказал:

— А с националистами, пожалуйста, поосторожнее. Использовать их можно, и даже нужно, но только для того, чтобы расчистить дорогу к государственным постам подлинным демократам, понимающим главенствующую роль США в современном мире!

На том они расстались. Господин Харрис прямиком направился в кабинет посла, который с нетерпением ждал завершения встречи с «источником важной информации», а Михаил Юрьевич, воодушевленный беседой с американцем, решил пройтись пешком по Воеводину переулку, недавно переименованному в переулок Каменная слобода, затем по Садовому кольцу в сторону Нового Арбата, и уже оттуда вызвать автомобиль.

«Как у американцев все просто получается! — внутренне возмущался Михаил Юрьевич. — Они хотят, чтобы у нас правили „подлинные демократы“, признающие „главенствующую роль США“, да еще, чтобы они не были ни коммунистами, ни националистами! Они совершенно ничего не понимают в российской жизни! Наверное, поэтому проспали переворот девяносто первого года. У нас все переплетено до неузнаваемости! Бывшие рьяные коммунисты вдруг стали радикальными демократами, вчерашние бандиты превратились в коммерсантов, тупые недоумки встали под флаги националистов, а отъявленные безбожники обернулись глубоко верующими людьми. Все перемешалось, и теперь трудно понять, на кого можно опереться. Но господин Харрис прав в одном: с националистами надо быть осторожными!»

Так размышлял Михаил Юрьевич, пересекая Садовое кольцо по пешеходному переходу, проложенному над новоарбатским туннелем.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу: — Хорошие вы парни, ребята. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться. Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки. Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху…» ***(Из книги Ю.И. Дроздова, бывшего начальника управления ЛГУ КГБ СССР. «Вымысел исключен. Записки***

начальника нелегальной разведки». Москва, 2009 год).

14 мая 1993 года, пятница, вечер

Москва. Крылатское, Осенний бульвар.
Телефонная будка у входа в магазин «Универсам»

— Гришенька, мы так не договаривались! Ты мне что обещал? Что будет все сделано наилучшим образом! А теперь что? Мне говорят, что этот «Центр», который мы с таким трудом создавали, могут ликвидировать! Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Его не ликвидируют, а, наверное, переведут.

— Что значит «переведут»?

— Ну, уберут со Старой площади.

— «Уберут», — передразнил собеседник. — А на кой ляд этот «Центр», если он не будет размещаться в админи… на Старой площади?! Какой толк будет от него? Таких организаций в Москве, как эта, как грибов! Весь смысл в том, что… Ладно, что говорить! Ты сам все соображать должен! Делай что хочешь, но «Центр» должен остаться на месте! Понял меня?

— Понял, — без энтузиазма ответил голос в трубке.

Мужчина, давший отповедь своему собеседнику, в раздражении

хлопнул дверью телефонной будки и направился к припаркованной на обочине машине. Вслед ему смотрел неброского вида парень, который в течение всего телефонного разговора стоял рядом с будкой и копался в хозяйственной сумке.

19 мая 1993 года, среда, день

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

— Нет, нет! Даже не просите! Ничего поделать не могу. Борис Николаевич уже принял решение. Три дня им, чтобы выехать из 10-го подъезда! Что?.. Никакого Аркадия Моисеевичах не знаю!.. Нет, никто не звонил!.. Я еще раз вам повторяю: Президент четко сказал, чтобы духу их не было через три дня! Ясно? До свидания!

Филатов едва сдержался, чтобы не бросить трубку.

«Что творится? Кто-то в обход его, руководителя Администрации Президента, вселяет в помещения администрации какой-то Центр анализа и прогнозирования! Неизвестные люди, делая вид, что являются крупными госчиновниками, разворачивают бурную деятельность по сбору информации, выступая от имени государства и Президента! Фантасмагория какая-то! А эти звонки! Сегодня уже третий звонок с просьбой не выгонять Центр из администрации, в том числе один звонок от вице-премьера! А ему-то что? Нет, просит за какого-то Аркадия Моисеевича, которого я в глаза не видел, чтобы он вместе с Центром остался на месте!»

Сергей Александрович был раздражен до предела. Прошло всего пять месяцев, как он стал руководителем Администрации Президента, а уже столько проколов! Он обещал Ельцину, что поставит работу аппарата на должную высоту. «А что получается? То утечки информации, то пропажи документов, то какие-то проходимцы начинают действовать от имени администрации! Полный бардак!»

Филатов остро переживал за состояние дел на самом верхнем этаже государственного управления. Он искренне хотел превратить Администрацию Президента в эффективный инструмент реализации политики главы государства и не рассматривал ее как простую бюрократическую структуру типа канцелярии. Хотя некоторые из ближайшего окружения Ельцина думали иначе, отводя администрации роль заурядной конторы, обеспечивающей движение документооборота и ведущей график работы Президента.

Сергей Александрович вспомнил, как Президент всего пять месяцев назад предложил ему уйти из Верховного Совета и стать руководителем его администрации. Отношения Филатова с Хасбулатовым обострились до крайности, и предложение Ельцина было как нельзя кстати. Именно тогда глава государства обозначил ключевые направления в деятельности своей

администрации — организация работы аппарата, взаимодействие с парламентом, создание государственной службы и кадровая политика. А это уже больше смахивало на функции ЦК КПСС, чем на задачи, решаемые «бюрократической конторой».

Приступив 22 января к своим обязанностям, Филатов довольно быстро понял, что главная проблема лежит в плоскости «человеческого фактора» — наличии большого числа некомпетентных в профессиональном отношении руководителей разного уровня, пришедших на ареопаг российской власти вместе с демократической волной, которая, с одной стороны, смыла опытных специалистов, а с другой — наводнила староплощадские кабинеты серой массой неспособных, случайных, безответственных людей. Неповоротливая, неуклюжая управленческая структура, возникшая на развалинах высшего партийного штаба, была неспособна полноценно выполнять функции обеспечения деятельности Президента и нуждалась в радикальном преобразовании. В короткие сроки Филатов образовал несколько новых управлений, создал мощные аналитические структуры, которые должны были восполнить дефицит интеллектуальной проработки государственных решений на самом верхнем уровне.

Но все отравляла распространяющая свои щупальца коррупция, которая сводила на нет любые начинания, планы и замыслы. Она как спрут обвивала структуры власти, захватывая кабинет за кабинетом, отдел за отделом, плацдарм за плацдармом, куда тут же подтягивала «своих людей», закрепляла коррупционные связи системой взаимных обязательств и интересов. Столкнувшись с этим, Филатов сначала был обескуражен, но потом, переговорив с Президентом, решил предпринять шаги, направленные на противодействие коррупции. Собственно говоря, Орлов и появился в Администрации Президента для реализации антикоррупционных планов Сергея Александровича.

ВОСПОМИНАНИЯ: «На работу в органы власти тоща приходил разношерстный контингент. Это были люди из коммерческих структур, которые непонятно зачем шли сюда. Были старые опытные чиновники, но и были совершенно непонятные люди. Почему? Зачем идут сюда? Мы докладывали руководству, но на это никто не реагировал. Было полно вакансий. Стояла задача, как можно быстрее заполнить штат, невзирая пи на что… Никакого фильтра пе было. Чаще всего делали шиворот-

навыворот — сначала принимали на работу, а потом проверяли…» ***(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах — специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).***

Спустя десять дней после назначения Орлова на должность первого заместителя начальника отдела в Администрации Президента в «Независимой газете» была опубликована статья Филатова под броским названием «Государство поражено заразой коррупции», в которой он наметил целую программу действий.

СТАТЬЯ: «Что же надо сделать в самое ближайшее время? С привлечением общественности определить перечень должностей, которые потенциально в наибольшей степени могут быть подвержены коррозии взяточничества, протекционизма, незаконного лоббизма и других проявлений коррупции. Кроме того, нужно максимально разгрузить эти должности от таких распорядительных функций, без которых можно обойтись или которые можно выполнять через другие механизмы и структуры. А самое главное, необходимо организовать тот самый двойной контроль за этими должностями…» ***(Статья С.А. Филатова, в 1993–1996 годах — руководителя Администрации Президента. «Независимая газета», 24 марта 1993 года).***

Но прошедшие после назначения Филатова на должность руководителя администрации месяцы, мягко говоря, не продвинули решение задач антикоррупционного противодействия на сколько-нибудь значимую величину, на что ему уже не раз пенял Президент. По-прежнему отмечались факты взяточничества, «внедрения» на государственные должности людей с сомнительной репутацией, утечки важной политической и другой конфиденциальной информации, смахивающие на целенаправленную торговлю секретами. Министр безопасности Баранников имел прямой выход на Президента, и Филатов зачастую даже не знал, что докладывает «главный чекист» главе государства о положении дел в администрации. Об этом он мог судить только по резко брошенной Борисом Николаевичем фразе липа: «Опять у вас бардак! Когда наведете порядок?» А ведь Филатов помнил, как Ельцин сказал по поводу возможных контактов с Баранниковым: «Прошу без меня не посещать этот дом».

Последний сюжет, связанный с Центром анализа и прогнозирования, который маскировался под подразделение администрации, выбил его из колеи. Такого нахальства и самоуверенности Филатов не ожидал — по сути дела, компания «Рога и копыта» не только обзавелась всеми атрибутами высшего органа управления, но и стала вести свой криминальный бизнес, ничуть не опасаясь разоблачения. Но защитников и ходатаев у этого Центра оказалось немало, да еще каких!

«Хорошо хоть, что Президент не узнал подробностей, а то получил бы еще один упрек в свой несостоятельности!» — подумал

Филатов. Потом, будто вспомнив о чем-то, нажал кнопку на пульте прямых телефонов руководителей подразделений Администрации Президента и включил громкую связь.

— Андрей Нетрович, вы уже полгода работаете в администрации, а результатов пока нет! — в заметном раздражении обратился он к Орлову. — Как мы с вами договаривались? Докладывать мне все факты коррупции и утечки информации. Но о многом я узнаю не от вас, а от Президента! Меня это совершенно не устраивает!

После небольшой паузы, в ходе которой Андрей осмысливал сказанное Филатовым, он ответил, медленно подбирая слова:

— Я работаю в администрации чуть больше двух месяцев.

— Да? А мне казалось, что вы у нас работаете уже давно.

— Не знаю, можно ли было сделать больше, но… Сергей Александрович, кое-что все-таки сделать удалось — предотвратили аферу Рыбина с удостоверениями, не допустили назначения на высокую должность двух человек, вы знаете кого, получили согласие Президента на проверку госслужащих, и… еще… с этим Центром…

— Знаю, знаю! — в раздражении перебил его Филатов. — Но у вас все как-то бессистемно, но старинке! Надо уходить от прежних методов работы! Более активно работайте! За вами же — министерство!

— Да, — без особого энтузиазма согласился Орлов. — Но я всего лишь прикомандированный сотрудник, а не руководитель ведомства.

— Работайте лучше! — холодно ответил Филатов и нажал кнопку отбоя связи.

19 мая 1993 года, среда, вечер

Москва. Улица Крылатские Холмы.
Квартира Орловых

— Сегодня, в день пионерской организации, будем готовить картофельные блинчики! — нарочито громко заявил Андрей, едва захлопнув за собой входную дверь. — У нас сметана есть?

— Андрюша, у меня же ужин ютов! — возразила Оля. — Мы только тебя ждали. Каша гречневая, твоя любимая! Сметана есть, но…

— Нет, нет, хочу деруны! — настойчиво сказал Андрей и добавил: — А Сережа будет мне помогать! Да? — Он посмотрел на девятилетнего сына. — Ты уже уроки сделал?

— Какие уроки, Андрюша, — улыбнулась Оля, — учебный год практически закончился!

— Ах, да! Ребята, ура! Через пять дней — лето! А там — отпуск! Еще немного…

— Что-то случилось, Андрюша? — Оля встревоженно посмотрела на мужа. Она уже знала, что за показной веселостью мужа обязательно должно скрываться что-то тревожное. Но Андрей, лишь шепнув ей на ухо: «Ничего, все в порядке», поцеловал ее в щеку и пошел мыть руки.

Ольга заметила изменения в настроении Андрея, которые происходили в последние два месяца. С одной стороны, с переходом на работу в Администрацию Президента Андрей как-то преобразился, чувствовалось, что он испытывает гордость за то, что ему доверено какое-то очень ответственное и важное дело. С другой стороны, Оля стала замечать, что муж чаще впадал в состояние задумчивости, иногда подолгу сидел, уставившись в одну точку и почти не реагируя на то, что происходит вокруг. Эго ей не правилось, и она всячески пыталась вывести его из оцепенения.

— Ребята, я уже обо веем договорился! — с нотками торжественности проговорил Андрей. — В отпуск иду в июле. Филатов и Баранников отпускают. Едем в новое место — на Балтийскую косу. До этого мы отдыхали на Куршской косе, а теперь на другой, Балтийской. Там погранзона и никаких домов отдыха и пансионатов нет.

— А где же мы будем жить? — с недоумением спросил сын.

— На погранзаставе.

— У пограничников?

— Да

— На самой-самой границе? Здорово! — Сережа с

восхищением посмотрел на маму, — Правда, мам?

— До отпуска, ребята, пока далеко! Еще Нина в пионерлагерь поедет. Ну что, будете делать деруны?

— Будем, будем! — поддержал папину идею Сережа.

— Тоща мы с Нилой подождем в комнате, а то тут у вас не продохнуть будет!

Уже через двадцать минут кухня наполнилась сизым дымом и громкими звуками шипящего на сковороде масла. Отец и сын, ловко орудуя половником и чапельником, выкладывали на сковородку очередную порцию мелко натертого картофеля, переворачивали один за другим шипящие на подсолнечном масле блинчики и складывали их в стоящую рядом кастрюлю. Резкие всплески кипящего масла, обжигающие брызги и едкий дым создавали отдаленное ощущение, что они работают' в горячем цехе металлургического завода, наполняли их гордостью за то, что через каких-нибудь полчаса в глубокой тарелке будет лежать горка румяных картофельных блинчиков, все усядутся за стол, а Оля с Ниной будут хвалить мужчин за чрезвычайно вкусный ужин.

Собственно говоря, традиция жарения картофельных блинчиков в семье Орлова начиналась от отца, который еще в детстве Андрея всегда сам готовил это блюдо, наполняя кухню чадом и громким шипением. Мама с улыбкой воспринимала кулинарные «подвиги» отца, но всегда хвалила его и никогда не запрещала маленькому Андрюше участвовать в этом действе.

Все так и получилось, как представлял себе Андрей — они все вместе сидели за столом, ели деруны со сметаной, разговаривали, смеялись шуткам Андрея. Краем глаза Орлов поглядывал на экран маленького телевизора, установленного на полочке в углу кухни. Девятилетий Сережа рассказывал что-то про только что вышедший на экраны кинофильм «Война роботов», который уже посмотрели на пиратских кассетах многие ребята из его класса.

— Папа, давайте посмотрим это кино. Это очень интересный фильм! Мне один мальчик обещал дать на время кассету. Там про то, как роботы…

— Подожди, Сережа! — Андрей, до сих пор с интересом участвующий в разговоре, вдруг сделал сосредоточенное лицо и прибавил громкость телевизора. — Подожди, минутку!

«…на заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности России по борьбе с организованной преступностью и коррупцией…» — доносился с экрана телевизора голос диктора.

Но Сережа не мог сразу остановиться — его крепко захватила мысль добиться от родителей согласия посмотреть новый фильм.

И, хотя он предполагал негативную реакцию отца, который очень не любил увлекательные фильмы про роботов, монстров и вампиров, сын все-таки рассчитывал, что ему удастся уговорить родителей, прежде всего, конечно, папу.

— Папа, там борются два робота-гиганта, один, который у бандитов, а другой… — продолжал Сережа.

— Подожди! — резко оборвал сына Андрей, вслушивающийся в речь диктора информационной программы. — Ты можешь хоть немного помолчать?!

«…организованная преступность и коррупция стали общегосударственной проблемой…» — продолжал диктор.

— Андрюша, ну зачем так грубо? — возмутилась Оля. — Ребенок тебе рассказывает…

— Ну подождите же вы про роботов своих! — Андрей с негодованием вскочил со стула и повернул ручку громкости до отказа. Кухню заполнил громогласный голос диктора, отчего даже задребезжали ложки в металлической чаше с индийским орнаментом.

«…Президент России Борис Ельцин потребовал от Министерства внутренних дел и Министерства безопасности большей решительности и принятия жестких мер в борьбе с оргпреступностью и коррупцией», — завершил свое сообщение о заседании Межведомственной комиссии диктор.

Царившее за столом пару минут' назад игривое настроение мгновенно улетучилось. Сережа, надув губы, ковырял вилкой недоеденный картофельный блинчик. Дочь Нина, демонстративно отвернувшись, смотрела в окно. Жена, досадливо покачав головой, попыталась снять напряжение:

— Так что ты Сережа говоришь? Фильм интересный? А что это за роботы? Они какие, большие?

Но обида на отца уже захлестнула девятилетнего мальчика, который, казалось, готов был расплакаться. Он только покачал головой и уставился в тарелку, продолжая ковырять вилкой блин. Потом медленно встал и, повернувшись к маме, сказал:

— Я больше не хочу!

— И морс не будешь? Я только что сделала. Очень вкусный! — попробовала как-то разрядить обстановку Оля.

— Нет, — покачал головой Сережа и, выйдя из-за стола, направился в детскую комнату Оля еще раз строго посмотрела на Андрея и покачала головой, как бы говоря: «Что ты наделал! Обидел ребенка!»

Вслед за Сережей из-за стола встала дочь, которой в марте исполнилось уже тринадцать.

— Мама, я тоже не хочу больше! — Она отодвинула тарелку с

недоеденными блинчиками и тоже ушла в детскую комнату. Андрей и Оля остались на кухне одни.

— Зачем ты так? — с упреком в голосе спросила Оля. — Ребенок хотел тебе рассказать, что его волнует, а ты!

— А что я? — В голосе Андрея чувствовалось сожаление от собственной несдержанности. — Я только попросил помолчать пять секунд, пока идет информационное сообщение.

— Что, очень важное, да? Настолько, что надо обидеть сына?

Андрей потупился, затем тоже отодвинул тарелку с блинчиками.

— Спасибо, наелся! — Он встал из-за стола и ушел в спальню.

— На здоровье! — холодно ответила Оля.

Так хорошо начавшийся вечер был безнадежно испорчен.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я не хотел тоща никого обидеть, но это все же произошло. Я — взрослый и, конечно же, мог призвать сына к тишине как-то иначе… Так, чтобы ему и всем остальным это не показалось грубым. Откуда им всем — и Сергею, и Нине, и даже Оле — было знать, насколько важным для меня было то сообщение по телевизору о заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Тоща мне казалось, я получал мощный импульс поддержки от самого Президента. Вкупе с установками Филатова и с опорой на решительных и последовательных сотрудников Министерства безопасности, таких как Вахромцев, и вправду можно было сделать реальные шаги по обузданию коррупции. Во всяком случае, мне так тоща казалось… Жаль, что многое из того, что я делал по службе, было в ущерб личной жизни и интересам семьи! Да к тому же еще все это приводило к большому нервному напряжению. Время от времени натянутая струна лопалась…» ***(Из воспоминаний А.П. Орлова).***

* * *

Когда Оля вошла в спальню, а это была самая маленькая комната в квартире, практически вся занятая широкой двуспальной кроватью и встроенным стенным шкафом для белья и одежды, Андрей стоял у окна. Перед ним на подоконнике

стояла пепельница и лежала пачка сигарет. Но курить он, видимо, не стал, так как вообще старался дома этого не делать. На работе и на улице — это, пожалуйста, а дома — ни-ни! Так было заведено давно, и Оля, которая не любила запаха дыма, была довольна тем, что в доме почти никогда не чувствовался запах сигарет.

— Андрюша, у тебя на работе что-то произошло? — Оля встала рядом с ним у окна.

— Нет. С чего ты взяла?

— Срываешься то и дело на нас. Вот Сережу обидел. Нехорошо! Если у тебя там что-то не так, не надо вымещать свои неприятности на семье!

Андрей молчал, не находя слов, чтобы возразить. Оля ушла на кухню, откуда послышался шум воды из крана и позвякивание столовых приборов — жена начала мыть посуду. Все разошлись в разные стороны, каждый думая о своем.

* * *

Сережа, чей назойливый рассказ о роботах стал поводом для вечернего разлада в семье Орловых, достал альбом, уселся на диван и принялся за свое любимое занятие — рисование. Еще совсем недавно главные сюжеты в его рисунках были связаны с ископаемыми животными — динозаврами, птеродактилями, саблезубыми тиграми. Все это было навеяно книгой Артура Конан-Дойля «Затерянный мир», которую папа и мама время от времени читали ему по вечерам на кухне, сидя на маленьком диванчике. Но теперь в рисунках Сережи преобладали рыцари в доспехах и Робокоп из американского фантастического фильма «Робот-полицейский». Они заполняли страницы альбомов и отдельные листы, вырванные из тетрадей для рисования. Сделанные карандашом, шариковой ручкой, фломастерами и реже акварельными красками, эти рисунки отражали мир фантазий, в которых жил девятилетний мальчик.

Собственно говоря, рисовать сейчас Сереже не хотелось. Он полистал свой альбом, с безразличным видом переложил несколько листков с рисунками. Потом достал секундомер, подаренный дедушкой на Новый год, пощелкал кнопками, то запуская, то останавливая ход стрелок.

«Почему он не хочет смотреть „Войну роботов“? — с досадой думал мальчик о реакции отца на его предложение. — Такой интересный фильм! Ему бы только политику эту смотреть! Даже слушать меня не стал! Ну и ладно! Завтра мальчик даст кассету, и

мы с Ниной посмотрим. Мама тоже с нами посмотрит».

Повернувшись к сестре, сидящей за письменным столом, Сережа спросил:

— Нина, мне мальчик завтра даст кассету. Будешь смотреть «Войну роботов»?

— Не буду!

— Почему?

— А мне это не интересно.

— Нет, интересно! — упрямо ответил брат, понимая, что Нина противоречит ему «из вредности». — Интересно! Вот так!

Он снова понажимал кнопки на секундомере. Тоненькая стрелка то замирала, то снова бежала, слегка потикивая.

«Смотрит одни новости, — продолжал мысленно осуждать отца Сережа. — Это нисколечко не интересно! И книги дарит неинтересные— „Куликовская битва“. Нет, одну хорошую Дед Мороз (ну это — папа, конечно!) подарил мне на Новый год — „Оружие“. Там есть все-таки картинки разных мечей, арбалетов, кинжалов. А может быть, мама уговорит его купить мне робота. Такого, как у Лешки. Ему родители купили. Почти как робот-полицейский. А у меня только точилка! — Сережа, пошарив в ранце, нащупал пластмассовую точилку в форме робота, повертел ее в руках и снова положил в ранец. — Вот вырасту, будут делать все, что захочу! Захочу — буду смотреть фильмы, хоть все время! Захочу — куплю себе большого электрического робота или настоящие доспехи из железа, такие, как мы видели с папой и мамой в музее. И пусть попробует он тоща мне что-нибудь сказать! Вот вырасту!» — Фантазии Сережи не хватало представить себе в полной мере, что будет, когда он станет большим, но будущее казалось ему прекрасным и свободным от любых ограничений.

* * *

Нина, вошедшая в детскую комнату буквально через минуту после Сергея, сразу села за письменный стол и начала разбирать свои школьные тетради и учебники, складывая их в фиолетовую сумку. Туда же отправился и дневник с наклеенной на обложку собачкой, а также пенал с ручками и карандашами. Потом Нина достала с книжной полки большую книгу в суперобложке с надписью «Брем. Жизнь животных». Несмотря на то что дочь получила ее в подарок от родителей почти полгода назад и уже неоднократно перелистывала, рассматривая гравюры и цветные рисунки, изображающие разных животных, она с удовольствием

каждый раз находила в этой книге интересные описания и наблюдения выдающегося ученого.

Нина любила животных, очень трепетно относилась к коту Тишке — любимцу всей семьи, всегда тянулась погладить котеночка или собачку, с удовольствием смотрела по телевизору передачи про животных и с самого раннего детства любила слушать рассказы о братьях наших меньших. Любимыми игрушками маленькой Ниночки были плюшевые мишки и большая мартышка с длинной шерстью, почему-то белого цвета.

Первый же разворот открытой книги пришелся на волка, готового вот-вот наброситься на свою жертву. Впрочем, у ног его уже лежал истерзанный жеребенок с тонкими беспомощно протянутыми ножками. Рисунок был красочный, и поэтому волк казался еще более страшным. Нина вспомнила, как очень давно они возвращались на поезде с папой из Калининграда. Только что родился Сережка, и на семейном совете Орловы тогда решили: папа с дочкой едут отдыхать на Куршскую косу, а мама остается в Москве с новорожденным. Хотя купе было четырехместным, они с папой до самой ночи оставались в нем одни.

И только ночью на какой-то станции в купе зашел изрядно выпивший мужчина. Он сразу, не раздеваясь, повалился на полку и заснул. Ниночка ничего этого, естественно, не знала и преспокойно спала под стук колес. И только когда попутчик громко захрапел, с рыком выдавливая из себя громоподобные звуки, девочка проснулась и с тазами, полными ужаса, спросила отца:

— Папа, это волк?

— Ну что ты, Ниночка, какой это волк! Это же дядя. Он спит и немножко храпит. Спи, не бойся. Я с тобой.

Нина тоща долго не могла уснуть, каждый раз вздрагивая от грозного рычанья и прижимаясь к папе, который лежал тут же на нижней полке. Вес это Нина мгновенно вспомнила, взглянув на рисунок волка в книге Брема.

«Он рычал на нас сегодня как этот волк! — Вернулась она в мыслях к сегодняшнему происшествию на кухне. — Как он заорал на Сережку! Вымещает на нас свои неприятности. Подумаешь, но телевизору там что-то говорят! Значит; надо кричать? Он нас с Сергеем никогда не понимал, ни в чем. Да, у него и нет никакого желания нас понять! У него свои проблемы — всякие там совещания, встречи, какие-то документы. Он показывает всем, что такой добрый, а на самом деле он злой. На своих подчиненных на работе он, наверное, голос не повышает, а на нас орет!»

Нина пролистала несколько страниц книги, наткнулась на гравюру, изображающую кошку с котятами, которые уморительно

играли с клубком шерсти под ласковым взглядом матери.

«Вот мама. Это — совсем другое. Она добрая, всегда выслушает, когда грустно — пожалеет. А пана в отличие от нее — никогда. Увидит, что я сижу, задумавшись, и говорит, чего, мол, сидишь „в томлении“ или „с томным взглядом“. Противно! Ненавижу это слово! Да и ему не нужно, чтобы с ним делились. У него в голове только одна работа!»

Нина с досадой посмотрела в окно. Почему-то от этих мыслей ей стало грустно. Может быть, от того, что у нее не такой отец, как у других, как ей казалось — черствый и бесчувственный. Она считала, что у него на первом месте — работа и увлечения, а семья — так, дополнительная обуза.

«И чего мама в нем нашла? Если б ни ее характер! Другая бы женщина с ним не выдержала! Всегда подстраивается под него. Чего он хочет, то и делает. Вот когда-то вместе с ним Библию читала, изучала итальянский язык, запоминала столицы и страны, города всякие! А нужно ей это было? Конечно, нет! Только ради него, потому, что он хотел этого!».

Рассуждая так, Нина скользнула взглядом по книжной полке, прикрепленному к стене большому плакату с породами собак.

«Все хочет нас с Сережкой заставить изучать то, что ему нравится! Книга всякие подсовывает, игры тупые — то в города, то эти уже надоевшие „застольные викторины“ А какой он для нас авторитет? Никакой! Может быть, там, у себя на работе, а для нас… Я лучше спрошу совета у чужого человека, чем у него. Да и может он посоветовать что-нибудь стоящее?»

Нина еще долго сидела за столом, машинально рассматривая книгу «Жизнь животных» Брема и предаваясь грустным размышлениям, вызванным произошедшим на кухне конфликтом.

Книгу эту папа долго искал накануне Нового года по книжным магазинам, чтобы затем положить в подарочный мешок, который должен был принести Дед Мороз ровно в двенадцать часов ночи.

* * *

«Что же это такое? Все было хорошо и вдруг… Своим криком он все испортил. Подумаешь, какое-то сообщение по телевизору! Их вон сколько! Каждый день чего-нибудь передают. Из-за этого кричать на детей! — Оля закончила мыть посуду и поставила на плиту чайник. — Надо как-то исправлять положение. Позову всех пить чай. Скажу Андрею, чтобы помирился. А то все разошлись по ушам!»

Оля достала с полки вазочку, наполненную разноцветными лимонными дольками из мармелада, и пакетик сушек, усеянных маковыми зернышками. Чай в семье Орловых всегда любили. Это повелось еще от бабушки, которая сделала традицией чаепитие в их семье. Правда, бабушка предпочитала сладостям микроскопические, наколотые щипчиками кусочки сахара, который пила вприкусу с очень крепко заваренным чаем. Бабушка умерла три года назад, но уже укоренившаяся традиция осталась на долгие годы.

Оля зашла в детскую комнату, в которой уже было достаточно темно. Нина, включив настольную лампу, сидела за письменным столом и просматривала какую-то книгу. Сережа, усевшись в *углу* дивана, занимался с подаренным дедушкой секундомером.

— Ребята, пошли пить чай! — как будто ничего не произошло, сказала Оля.

— Не буду! — буркнул в ответ Сережа.

— Я тоже не хочу, — вслед за ним отказалась Нина.

— Пошли, пошли! Я уже чайник вскипятила. Есть мармелад, сушки очень вкусные! Не упрямьтесь.

Настойчивость Оли возымела действие — сначала Нина, а потом и Сережа, отложив свои занятия, отправились на кухню вслед за мамой. Только Андрей продолжал оставаться в спальной комнате. Когда Оля вошла туда, муж все в той же позе стоял у окна. Хотя уже стало смеркаться, свет он не зажигал.

За эти несколько минут в голове у Андрея пронеслось несколько мыслей, которые, казалось, мешают одна другой. Чувствуя, что он сделал что-то не так, не желая того, обидел сына и нарушил так хорошо начавшийся вечер за домашним столом, Андрей, тем не менее, никак не мог понять, почему ее настойчивая просьба помолчать хоть отцу минуту, вызвала такую реакцию. Все сразу обиделись и разошлись по своим комнатам.

«Я же попросил только дать мне послушать сообщение. Так. Сообщение… Да, да, информационное сообщение. Сегодня состоялось заседание Межведомственной комиссии по коррупции. Значит, Филатов все-таки смог убедить Ельцина провести его! Это здорово! Может быть, теперь и „мой“ указ Президента но проверке скоро выйдет! — Андрей поймал себя на мысли, что назвал указ о проверке чиновников „своим“. — Ну а какой же он? Мой и есть! Я докладывал Филатову записку по этому вопросу, я же и готовлю текст указа. Если удастся его провести, то… То будет поставлен реальный заслон коррупции. Да и не только ей. Заработает механизм, который не позволит всяким проходимцам присасываться к власти. Только бы хватило решимости у них!»

Андрей вспомнил, как несколько дней назад Филатов послал его к начальнику Управления по обеспечению деятельности Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. После того как вице-президент Руцкой выступил с сенсационными разоблачениями крупных государственных чиновников и заявил о том, что у него имеется «одиннадцать чемоданов компромата» на них, а Верховный Совет тут же принял соответствующее постановление, Президент Ельцин отдал распоряжение в короткие сроки проверить эти факты.

ДОКУМЕНТ: «Распоряжение Президента Российской Федерации от 19 апреля 1993 года № 261-рп»:

«Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Контрольному управлению Администрации Президента Российской Федерации совместно с органами прокуратуры провести проверку фактов коррупции и хищений, приведенных вице-президентом Российской Федерации Руцким А.В. в выступлении на заседании Верховного Совета Российской Федерации 16 апреля 1993 года.

Министру безопасности Российской Федерации, министру внутренних дел Российской Федерации, начальнику Контрольного управления Администрации Президента Российской Федерации еженедельно докладывать о ходе проверки и мерах, принимаемых в обеспечение экономической безопасности России.

Президент Российской Федерации

Б.Ельцин».

Однако заявление Руцкого о наличии у него «чемоданов компромата» вызвало неоднозначную реакцию в обществе.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Факты, изложенные Руцким относительно экономической преступности, в том числе под прикрытием должностных лиц, были ужасающими… В конце доклада Руцкой заявил, что у него есть „еще десяток чемоданов“ с фактами…і£от эти слова, относительно „чемоданов Руцкого“, были превращены… в какой-то фарс, даже артисты со сцены распевали издевательские песенки с

упоминанием „чемоданов Руцкого“. Гора родила мышь. Доклад Руцкого превратился в фарс…» ***(Из книги РЖ Хасбулатова «Преступный режим». Москва, 2011 год).***

Но 29 апреля Ельцин отстранил Руцкого от руководства Межведомственной комиссией и подписал указ о том, что руководить ею будет' сам. Вскоре Президент освободил своего «заместителя» и от остальных поручений, но сути дела, поставив Руцкого в положение «свадебного генерала». Организовывать же работу Межведомственной комиссии по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Ельцин поручил достаточно известному в юридических кругах адвокату Захарову, который отличился в роли обвинителя на заседаниях Конституционного Суда, рассматривающего «дело КПСС». Именно к нему и отправил Филатов Орлова, подчеркнув при этом:

— Вам надо познакомиться. Делаете одно дело и должны помогать друг другу.

Встреча с Захаровым оставила у Орлова смутное ощущение того, что никакой помощи от него начальник управления не ждет, да, собственно, и сам помогать Андрею в его работе тоже не собирается. Захаров окружил себя тройной зоной охраны, и Андрею несколько раз пришлось объяснять его помощникам, что встреча происходит по прямому указанию руководителя Администрации Президента, что у Андрея нет с собой холодного и огнестрельного оружия, а также электрошокеров и газовых баллончиков. Пару раз бдительные охранники прощупали одежду Орлова, попросили открыть и внимательно осмотрели кожаную папку с документами.

Наконец, когда Орлов преодолел все кордоны и попал в приемную Захарова, его попросили подождать некоторое время и только после этого разрешили пройти в кабинет начальника грозного управления. Андрей до сих пор не мог отделаться от недоумения, вызванного той встречей. В громадном кабинете был полумрак, свет исходил только от светильника, стоящего на журнальном столике рядом с большим радиоприемником. Некоторое время Орлов стоял в нерешительности, поскольку не видел самого Захарова, и только спустя минуту заметил в глубине темного пространства какое-то шевеление. Еще немного и стала различима фигура невысокою, достаточно грузного человека, который, приблизившись, протянул Андрею вялую руку и громко зевнул.

— Садитесь сюда, — Захаров указал на кресло, и сам уселся поодаль. При этом он включил приемник и повернул ручку

громкости. Кабинет наполнили какие-то латиноамериканские мелодии. — Так лучше, — кивнул в сторону радиоприемника Захаров, имея в виду, видимо, что громкая музыка обеспечит большую конфиденциальность разговора. — Ну, что у вас там?

Орлов стал рассказывать о поставленных перед ним задачах, о проблемах, с которыми столкнулся, о готовящемся проекте указа Президента о проверке госслужащих. Захаров молча сидел напротив Ал/фея и, казалось, внимательно слушал. Правда, лицо его было едва различимо из-за довольно тусклого света лампы. Время от времени он задавал шепотом какой-нибудь вопрос, но музыка заглушала его голос, и Орлов вынужден был несколько раз переспрашивать собеседника. Впрочем, того, видно, мало заинтересовали ответы Андрея, потому что через некоторое время он услышал сначала едва заметное сопение, а затем настоящий храп. Орлов выждал некоторое время, покашлял из вежливости, стараясь разбудить Захарова. Тот вздрогнул, попытался продемонстрировать внимание, но спустя мгновение снова захрапел.

Визит Орлова к Захарову продолжался не более четверти часа, но никакого диалога не получилось. Орлов сначала пытался пробудить интерес собеседника к затрагиваемым им вопросам, но очень скоро понял, что Захаров либо смертельно устал и не мог совладать со сном, либо то, *что* говорил ему Андрей, было совершенно неинтересно. Перед уходом Орлов кашлянул погромче, Захаров встрепенулся и, пожимая руку Андрея, напоследок сказал:

— Да, все это очень важно. Давайте будем координировать нашу работу. Мы должны помочь Президенту.

Последняя фраза почти дословно повторяла то, *что* сказал Орлову Филатов на первой встрече с ним в своем кабинете еще в марте.

* * *

Все это Андрей вспомнил, стоя у окна и вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

«Почему они все рассердились на меня? — задавал себе вопрос Орлов, возвращаясь к семейной размолвке. — Неужели пе могут понять? Ладно, дети! А Оля! Она-то знает; чем я занимаюсь, и если я прошу помолчать, когда по телевизору передают важное сообщение… Какие проблемы?! Объяснила бы Сереже, а она туда же: „Грубо разговариваешь с детьми“, „Вымещаешь плохое настроение на детях“. И все-таки… Все-таки,

наверное, я неправ. Надо было как-то помягче сказать, — с горечью думал Орлов. — Плохое настроение? Наверное. А почему? Вроде, все идет как надо. Ах, да! Филатов упрекнул, что результатов моей работы не видно, что работаю бессистемно, „по старинке“. Думает, что за моей спиной вся структура безопасности и могу решить все вопросы. А на самом деле — все как раз наоборот. Он же сам хотел, чтобы я был независим от Баранникова. Что, кстати, невозможно в принципе! А теперь я — как отрезанный ломоть. Считают, что я ушел на очень хлебное место — высокая зарплата, надбавки всякие, пайки, особое обслуживание! А ничего у меня этого нет. Может, у кого-то и есть, но не у меня! Чувствую, что даже свои на Лубянке иногда косо смотрят, может быть, кто-то даже не доверяет. А Виктор Михайлович Зорин![69] Тот прямо с издевкой сказал: „Ну ты теперь, Андрей, приближенный к Президенту. Куда уж нам!“»

ВОСПОМИНАНИЯ: «Весь период работы в администрации— это было для меня большое испытание. Оторвавшись от „альма матер“, от коллектива, в котором работал, от привычной, хотя и очень сложной обстановки последних месяцев, я попал в еще более трудные для меня условия. В коллективе Управления кадров меня считали человеком „оттуда“, который решает какие-то секретные задачи в интересах своего ведомства. А отношение к органам безопасности у многих было, мягко скажем, неприязненное. По-видимому, это отражалось и на отношении ко мне лично, несмотря на то, что я старался быть в меру открытым…

В министерстве же меня считали „ушедшим на другую работу“, и мало кто вообще представлял, чем я там занимаюсь. Теперь все мои рабочие контакты выходили либо на уровень руководства ведомства, либо ограничивались одним из отделов Управления но борьбе с контрабандой и коррупцией. Поистине возникла ситуация, когда я стал „свой среди чужих и чужой среди своих“. К сожалению, и дома не всегда все было гладко…» *(Из воспоминаний А.П. Орлова)*.

— Андрюша, пойдем пить чай, — прервала его размышления жена.

— Не хочется что-то, — тихо ответил Андрей. Ему действительно не хотелось идти на кухню, чтобы сидеть там со всеми в полной тишине или в своеобразной изоляции, когда Оля и дети будут разговаривать между собой, как будто его нет с

ними, будто он пустое место.

«Что-то у меня не получается. Все силы уходят на эту работу, на решение „важных государственных задач“, будь они неладны! Весь день держусь, а прихожу домой… Пружина распрямляется! А ради чего все эго? Чего стоят мои потуги противостоять каким-то проходимцам? За последние несколько лет их столько расплодилось! Ну, отобью одного-другого, а десятки все равно пролезут. Комитет так напугали в девяносто первом, что до сих пор не очухался. Реорганизации, проверки, аттестации, переназначения — сколько это может продолжаться? Сотрудники спецслужбы должны быть уверены в завтрашнем дне, в том, что их не подставят под „политический молот“, не сдадут, не сделают козлами отпущения! А один в поле не воин. На кого опереться, кому доверять как себе, кто не предаст в трудную минуту?»

— Пошли пить чай, Андрей! — твердым голосом сказала Оля и взяла Андрея за руку. — Пойдем, не упрямься! — Она притянула его к себе, обняла и теперь совсем по-другому, уже едва слышно прошептала: — Устал? Неприятности, да? Не переживай, все наладится.

В этих простых словах, произнесенных женой, было столько тепла, сочувствия и спокойствия, что Андрей ощутил облегчение, как будто с плеч спал тяжелый груз, тяготивший его последние несколько дней.

«Все наладится, все наладится», — мысленно повторял он вслед за женой.

13 июля 1993 года, воскресенье, день

Московская область, поселок Непецино.
Пионерлагерь «Метеор»

— Нинуля! — Оля прижала дочку к себе. — Ну вот мы и приехали. Видишь, с нами — дядя Слава и тетя Наташа. И Анечка тоже.

Андрей с Олей и Сережа приехали вместе с друзьями в пионерлагерь управделами Президента, где уже вторую неделю находилась

Нина. Отправлялась дочь туда неохотно, хотя все на работе у Андрея расхваливали этот пионерлагерь, ведь еще совсем недавно там отдыхали дети номенклатурных работников ЦК КПСС. Но то ли два года разгрома партийной инфраструктуры сделали свое дело, то ли Нина очень тосковала по дому, но Андрей с Олей стали получать от дочери довольно грустные письма,

> **ПИСЬМО: «В этом лагере очень скучно. Но мы иногда ходим с девочками на речку, на озеро. Наблюдаем за лягушками, как они надувают свои щечки. Рассматриваем улиток, прудовиков. Лазаем но деревьям. Короче, нока все в полном порядке. Я хочу сказать, что 13 будет родительский день. Приезжайте! Очень жду вас!»** ***(Из письма Нины Орловой из пионерлагеря «Метеор» 6 июня 1993 года).***

> **ПИСЬМО: «Дорогие: Папа, Мама и Серёжа! У меня все хорошо. Вот только уже четвертый день идут дожди. Плохая погода… Приезжайте ко мне обязательно. Света сказала, что вам должны сообщить, что будет от работы автобус прямо до сюда. Тринадцатого — родительский день. Приезжайте обязательно, мне без вас скучно! Когда приеду, если можно будет, то состригу челку, а то у меня голова болит от хвостиков…**
>
> **P.S. Если вы приедете, то привезите что-нибудь поесть: печенье, яблоки, конфетки. А то все время хочется чего-нибудь пожевать… ПРИЕЗЖАЙТЕ!»** ***(Из письма Нины Орловой из пионерлагеря «Метеор» 10 июня 1993 года).***

Читая эти грустные послания, Андрей вспомнил, как девять лет назад, когда Оля ложилась в роддом, ожидая появления на свет сына, они решили отправить четырехлетнюю Нину на загородную дачу от детскою садика, так как се не с кем было оставить. Папа и дедушка работали, а бабушка, которая на самом деле была для нее прабабушкой, летом выезжала на дачу к своему сыну, дяде Андрея. По сути дела, сложилась совершенно безвыходная ситуация.

Вроде поначалу было все хорошо. Ниночка с удовольствием посидела с мамой и бабушкой на лавочке в ожидании автобуса, вместе с другими детьми уселась на свое место, радостно помахала рукой в окошко. И автобус уехал.

Спустя пару недель, моща Оля еще лежала в роддоме, Андрей поехал проведать дочку. Взял с собой гостинцы — пакетики черешни и клубники да горсть конфет к чаю. Пройдя с километр через лее от подмосковной платформы Красково, он оказался в расположении загородных детских дач, среди которых довольно быстро отыскал ту самую, где должна была находиться Пилочка. Сначала он долго ожидал, когда детей приведут с прогулки, потом ждал, пока они обедали, и только тоща ему привели дочку. Она выглядела испуганной и бледной. Почему-то на ней было надето то самое синее платьице, в котором она уехала из дома, хотя времени прошло довольно много. Оля очень скрупулезно собирала ее чемодан, точно сверяя все со списком обязательных для выезда вещей. Как оказалось, за все это время никто даже не попытался ребенка пи разу переодеть или сменить ему белье.

Нина, как только увидела папу, вцепилась в него мертвой хваткой, не отпуская от себя ни на минуту. Она была очень похожа на маленькую обезьянку, запустившую свои цепкие ручки в мамину шерсть. Только в данном случае это был нала, и вцепилась она ему в руку. Он, держа на коленях, кормил ее ягодами, которые Ниночка с удовольствием ела, не переставая при этом спрашивать:

— Папа, а ты не уйдешь?

— Куда же я уйду, Нинуля? — успокаивал папа дочку. — Я специально приехал навестить тебя.

Но Нина не унималась и через каждые пять минут задавала один и тот же вопрос:

— А ты не уедешь?

При этом она умудрялась одной рукой есть ягоды, а другой крепко-накрепко держать папину руку так, что Андрею даже стало больно. «Наверное, у меня будет синяк в этом месте», — подумал он.

Время шло, и расставаться все-таки было необходимо. Но

Ниночка никак не хотела отпускать папу, продолжая полушепотом спрашивать:

— Ты не уедешь?

Глаза девочки были влажными, казалось, еще немного и она заплачет. И от этого у Андрея защемило сердце. «Боже мой! — подумал он. — Да я бы хоть сейчас ее забрал отсюда! Нельзя же так мучить ребенка!» Но он понимал, *что* сделать этого по известным причинам не сможет. Да и Ниночке надо было побыть на свежем воздухе, решили Орловы еще на семейном совете.

Как ни хотела дочка отпускать папу; но все-таки пришлось эго сделать. Правда, помогла воспитательница, которая взяла Нину за руку и повела на полдник, сказав, что к чаю дают очень вкусные булочки с повидлом. Как будто все понимая, Ниночка покорно пошла с воспитательницей, на прощание только спросив:

— Папа, а ты завтра приедешь?

Что на это мог ответить Андрей? Он только кивнул, а сам твердо решил забрать дочку отсюда. В общем, это и было сделано ровно через неделю, после того, как Андрей рассказал все Оле. У нес тоже на глазах выступили слезы, и они приняли единодушное решение привезти дочь домой. Когда они вместе с дедушкой возвращались на электричке в Москву, радости ребенка не было предела. Нина всю дорогу что-то рассказывала, смеялась и даже пыталась спеть про голубой вагон.

И вот теперь, спустя девять лет с того памятного дня, когда Андрей ездил в подмосковную загородную дачу в Красково, они, теперь уже все вместе, приехали в пионерлагерь, чтобы проведать Нину, в которой теперь уже трудно было узнать ту маленькую испуганную девочку в синем платьице с влажными от слез глазами.

На удивление Андрея, в пионерлагере было практически невозможно найти кого-нибудь, кто мог бы принять решение отпустить Нину пообщаться с родителями за пределами территории лагеря. Воспитатели, как сказала одна девочка, разъехались но домам, а пионервожатые были на каком-то совещании. Дети были предоставлены сами себе, занимались, кто чем хотел, выходили за забор на речку, наблюдали за лягушками и улитками, как Нина писала об этом в своих письмах.

Андрей, Оля и Сережа приехали вместе с друзьями, которые были на своей матине. Со Славой Андрей дружил третий год, после того, как судьба свела их в российском КГБ, а затем и его преемнике — Агентстве федеральной безопасности, в самое трудное для органов безопасности время. Но с ликвидацией этой структуры и образованием Министерства безопасности Слава после целой серии всяких передряг и пертурбаций оказался на

улице и теперь искал для себя достойное применение.

Пухленькая Анечка, дочка Славы и Наташи, была ровесницей Нины, и, хотя их отношения нельзя было назвать дружбой, поскольку они встречались редко, девочки тянулись друг к другу.

Безуспешно пытаясь найти какое-нибудь начальство, Андрей и Оля решили: раз нет никого, кто может дать разрешение, тоща мы выйдем за пределы лагеря без разрешения. Так и сделали. Они расположились на берегу неширокой реки с берегами, поросшими густой травой и кустами. Сережа туг же принялся обследовать окружающую местность, а затем влез на дерево и сверху наблюдал за происходящим. Оля расстелила покрывало, стала вынимать из пакетов овощи, фрукты, бутерброды, сладости. Наташа помогала ей «накрывать на стол». Андрей со Славой разводили костер, а Нина с Аней о чем-то секретничали. Потом девочки стали играть в бадминтон, а Оля достала две аппетитные запеченные курочки, которые она предусмотрительно приготовила накануне.

Все оживленно разговаривали, шутили, смеялись. Был жаркий день, но от реки тянуло прохладной свежестью, летали бабочки, стрекотали кузнечики и где-то вдали квакали лягушки. Казалось, мир прекрасен, и все вокруг создано для того, чтобы наслаждаться этим миром — солнцем, водой, шелестящей зеленью.

Наверное, у каждого, кто сидел тоща на лужайке, были свои заботы и проблемы, но в эти минуты они будто отошли на задний план. Но не у всех! Если бы тоща кто-нибудь внимательно посмотрел в таза Нины, то увидел бы в них глубоко спрятанное чувство грусти и тревоги. Привыкшая прятать свои чувства не только от окружающих, но и от самых близких людей, она не подавала вида, что ей уже невмоготу находиться в этом пионерлагере, нет сил делать вид, что все в порядке, что ей здесь хорошо и весело.

Нина улыбалась шуткам дяди Славы, поддерживала разговор с Аней, пикировалась с Сережей, общалась с мамой и папой, но при этом думала о своем: «Если уж они сдали меня в лагерь, то лучше бы не писали и не приезжали. А так только травят душу! Пока никого не видишь — спокойно, хорошо, даже не думаешь о доме. Зачем только родители разрывают детскую душу?»

Аня подарила Нине маленького желтого цыпленка в яичной скорлупе. Он был такой беззащитный и хрупкий, что у Нины от одного взгляда на него наворачивались слезы. «Что они смеются? — думала Нина, глядя на родителей и их друзей. — Конечно, им радостно, что они уезжают, а мне плакать хочется! Неужели они не понимают, что наносят глубокую рану ребенку?!»

Потом они пекли картошку, но Нине и это очень увлекательное и вкусное занятие не доставляло радости. Она почти все время молчала и как-то виновато улыбалась. Особенно ее раздражало, что папа взял с собой кинокамеру, и все время снимал их встречу, норовя нацелить глаз объектива именно на нее. Она вообще не любила сниматься, а тут, когда она едва сдерживала слезы, попытка запечатлеть ее на кинопленку казалась ей дополнительной формой издевательства.

«Ему бы только заснять все, и совершенно наплевать на мое настроение, на мои чувства! А потом будет хвастаться перед всеми, показывая свои фильмы. А люди не будут подавать виду, что на самом деле он выглядит смешно и даже тупо!» — думала Нина об отце.

Потом, когда вся компания засобиралась, быстро сложив покрывало, посуду и остатки трапезы, а затем подъехала на машине к корпусу из светлого кирпича, Нина торопливо попрощалась со всеми, будто действительно куда-то спешила. Чувство горечи и невысказанной обиды охватило ее. Она уже не мота притворяться и чувствовала, что еще немного и заплачет. Нина резко повернулась и, не оборачиваясь, побежала вдоль стены корпуса, потом зашла за угол и исчезла из виду.

Андрей еще долго смотрел в ту сторону, куда убежала Нина, даже включил камеру, рассчитывая ненароком снять на пленку, как она входит в корпус. Но сделать это было уже невозможно. То ли она уже успела забежать по ступенькам внутрь здания, то ли вообще решила не показываться смотрящим ей вслед родителям.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я тоща очень переживал за Нину. Хотя она внешне не проявляла свои чувства, но в глазах читалась грусть и обида. Я вспомнил время, когда сам ездил в пионерский лагерь, и каждый раз это было для меня тяжелым испытанием. Когда папа и мама приехали первый раз ко мне в родительский день, я еле сдерживал слезы. Просить, чтобы меня забрали оттуда, я не мог, потому, что уже понимал — должен выдержать. Но однажды меня все-таки забрали с собой. Это было еще, когда мы жили в Печорах неподалеку от Пскова. Мне тоща казалось, что лагерь находился очень далеко. Он был километрах в пятидесяти на территории Эстонии. Когда мы возвращались на военном уазике домой, я был самым счастливым человеком на свете» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Весь день пребывания в пионерлагере, все время встречи с

дочерью Андрея не отпускало ощущение, будто он вернулся на девять лет назад, когда Ниночка была еще совсем маленькая и он ездил к ней на загородную детсадовскую дачу в Красково. Он несколько раз пытался успокоить ее какими-то бодрыми словами, мол, еще немного, закончится смена, ты вернешься домой… Но каждый раз он натыкался на холодный взгляд дочери. Как же ему тоща хотелось, чтобы она вцепилась ему в руку и спросила, как тоща: «Папа, ты не уйдешь?»

18 июня 1993 года, пятница, день

Москва. Измайловский остров.
Городок имени Баумана

Два человека неспешным шагом ниш по тропинке вдоль реки Серебрянки, соединяющей Серебряно-Виноградный пруд и огибающей Измайловский остров с юга. Высокие деревья, заросли кустов, разнотравье, пение птиц — все это создавало умиротворяющую атмосферу полного спокойствия. Казалось, что большой город находится где-то очень далеко, так как сюда почти не доносился шум машин. Разве только время от времени был слышен приглушенный стук трамвайных колес да едва различимый скрежет вагонов метро на изгибе эстакады, постепенно спускающейся к туннелю. Да и людей здесь практически не было видно, хотя рядом возвышались сооружения, очень напоминающие Кремль в миниатюре. Правда, все здания были из белого камня, заметно потускневшего и покрытого зеленоватым налетом и пятнами плесени.

Худощавый мужчина в дорогом сером костюме говорил с заметным акцентом, из чего можно было предположить, что он иностранец. Его собеседник, на котором были коричневые брюки и рубашка на выпуск с коротким рукавом, был определенно русским. В руках у него был полиэтиленовый пакет с яркой надписью «Макдоналдс». Он то и дело подобострастно поддакивал иностранцу и каждый раз, когда тот что-то говорил ему, кивал головой. Впрочем, этого никто не мог видеть, так как на тропинке они были одни, с одной стороны у них была затянутая ряской у берега водяная гладь реки, а с другой — зеленые заросли, через которые едва проглядывали каменные стены. Сюда горожане, как правило, приходили лишь в выходные дни, чтобы искупаться, побродить по дорожкам по периметру острова или позаниматься спортом — здесь были две волейбольные площадки и футбольное поле.

От «материка» остров отделяло три моста — один, основной, — там, где возвышалась старинная чугунная арка неподалеку от Покровского собора, занятого какими-то конторами, другой — рядом с плотиной и шлюзом, позволяющим поддерживать надлежащий уровень воды в пруду, а третий — арочный мостик через Серебрянку в западной части острова. Такое расположение мостов было чрезвычайно удобным для того, кто хотел незаметно «исчезнуть» с острова, войдя на него с одной стороны и выйдя с любой другой.

Для двух оживленно разговаривающих между собой мужчин

Измайловский остров был прекрасным местом для конфиденциальной беседы, позволяющим вовремя заметить за собой наружное наблюдение и избежать неприятностей. А они могли бы возникнуть, хотя бы из-за того, что именно обсуждали здесь сотрудник американского посольства господин Харрис и уже известный нам Михаил Юрьевич.

— Вы поймите, господин Ткаченко, очень скоро ситуация у вас в России снова может выйти из-под контроля. Мы не имеем права на это смотреть, как это у вас говорят, «сквозь пальцы». Слишком много сил положено на то, чтобы у вас установилась демократия и Россия встала на цивилизованный путь развития.

— Я это понимаю, господин Харрис. Но никакая работа не может выполняться без денег. Нам нужны серьезные средства, чтобы развернуть работу в полном объеме. Вы обещали…

— Я ничего вам не обещал, а только говорил, что мы постараемся поддержать становление гражданского общества в России. Для этого государственный департамент США выделяет немалые деньги. Но и вы, господин Ткаченко, должны помочь нам сориентироваться в происходящих процессах. У вас везде есть свои люди. Поговорите с ними, как они оценивают обстановку, какие видят пути разрешения конфликта между Ельциным и парламентом. Ведь противоречия зашли слишком далеко. Вы, наверное, уже слышали, что вчера президенты Украины и России подписали соглашение по Крыму, согласились, что он остается полностью за Украиной. И это при сопротивлении Верховного Совета!

— Слышал, конечно, господин Харрис. Я поручил одному из своих людей, очень грамотному аналитику, подготовить ответы на вопросы, которые вас интересуют. Вот, пожалуйста! — Он вынул из полиэтиленового пакета, в котором лежала целая пачка свежих газет, стандартный конверт и передал его американцу. — Здесь несколько справок — биографические данные и характеристики вновь назначенных руководителей, анализ противоречий между структурами исполнительной и законодательной власти, прогноз развития обстановки на август — сентябрь.

— А приватизация? Это очень важно.

— Да-да, и, конечно, справка о первоочередных объектах, которые подлежат приватизации. Правда, здесь у нас появились осложнения… Пока не знаю, как будем собирать эту информацию в дальнейшем.

— Какие осложнения?

— Накатили на группу наших специалистов по приватизации, выселили их из помещения, и вообще…

— Будьте аккуратнее! В конфликт с властями не вступайте!

— Боже упаси!

— Вот для этого и надо иметь своих людей на всех ключевых постах. Тоща никто не выселит ваших специалистов!

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Сотрудники американской резидентуры в 1993 году просто распоясались. По телефону они договаривались со своими источниками о встречах, на которых и получали нужную информацию. Это был верх наглости! Они забыли о какой-либо осторожности, действовали нахраписто и уверенно. Помню, один такой разведчик спрашивает своего собеседника: „А тебе что-нибудь нужно?“ Тот в ответ: „Принесите блок хороших сигарет и бутылку виски. Этого будет достаточно!“ Д ля меня это был шок!

Министр безопасности Баранников был человеком выдержанным и неэмоциональным. Однажды я принес ему информацию о том, что спецслужбой США в одном из швейцарских банков были открыты счета на нескольких российских чиновников… Виктор Павлович обхватил голову руками и сказал одну-единственную фразу: „Боже мой, как страшно!“» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992–1993 годах — начальника управления Министерства безопасности).*

Ткаченко и Харрис немного помолчали. У арочного мостика они повернули направо и через некоторое время вышли к восточным воротам измайловского «кремля».

— А вы знаете, господин Ткаченко, когда были построены эти ворота?

— Понятия не имею!

— Плохо, свою историю надо знать! Эти ворота были построены в XIX веке. А в центре острова с XVII века находилась царская резиденция — деревянный дворец, кажется, он потом сгорел или был сломан. Но самое интересное место здесь — это Мостовая башня.

— Как вы говорите — Мостовая?

— Да, она стояла рядом с мостом. Поэтому и Мостовая. Построена в 1674 году!

— Вы, господин Харрис, знаете такие вещи, про которые я даже не слышал!

— Это издержки вашего советского образования. Большевики не хотели знать ничего про времена царей. К сожалению, у нас в

Вашингтоне таких памятников нет… Москва — город выдающихся архитектурных сооружений.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой… Руководство ЦРУ планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам занять административные должности в аппарате управления…»** ***(Из книги Р. С. Красильникова, до 1991 года — начальника «американского» отдела КГБ СССР. «Призраки с улицы Чайковского». Москва, 1999 год).***

За разговорами они незаметно прошли через внутренний двор, затем через восточные ворота к Покровскому собору, темно-серые купола которого господствовали над окружающей местностью, и распрощались радом с чугунной аркой. Американец отправился к своей автомашине, оставленной неподалеку от станции метро «Измайловский парк», а Михаил Юрьевич прошествовал к Мостовой башне, посрамленный Харрисом в незнании достопримечательностей Москвы. Ни тот ни другой не обратили внимания на парня и девушку, которые стояли, обнявшись, у перил плотины. Как только дипломат и его собеседник исчезли из виду, они помахали друг другу рукой и разошлись в разные стороны. Несмотря на исключительные трудности, выпавшие на долю органов безопасности в начале 1990-х годов, российские контрразведчики продолжали решать оперативно-служебные задачи, надеясь, что их работа поможет защитил" государство от наглого враждебного вмешательства, как это происходило на протяжении всей предшествующей истории нашей страны.

3 июля 1993 года, суббота, день

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.
Кабинет руководителя Администрации Президента

В приемной руководителя Администрации Президента было непривычно пусто. Была суббота, но для многих сотрудников администрации это был рабочий день. По всей видимости, Филатов собирался на какое-то совещание и никого не принимал. Никого, кроме Орлова, которому он назначил встречу именно на это время.

Сотрудник Главного управления охраны, именовавшийся «прикрепленным», светловолосый парень с открытым лицом, оторвался от чтения книги и приветливо кивнул Андрею, затем подошел, пожал руку. Одна из секретарей Филатова, миловидная женщина средних лет, сосредоточенно стучала по клавиатуре, поглядывая на экран монитора. Завидев Андрея, она улыбнулась:

— Андрей Петрович, Сергей Александрович говорит по телефону. Подождите, он сейчас вас примет!

Орлов присел за стол, взял в руки яркий журнал, которых было на нем немало, положил перед собой палку с документами.

Вдруг «прикрепленный» слегка встрепенулся, на мгновение прижал руку к уху, затем, что-то шепнув секретарше, встал. Буквально через минуту дверь распахнулась и в приемную вошел… Президент. Его сопровождал только охранник, который держался чуть поодаль. Ельцин окинул взглядом кабинет, слегка кивнул Андрею и прошел прямо в кабинет Филатова. Охранник же подошел к «прикрепленному» Филатова, они обменялись рукопожатием и стали о чем-то разговаривать в полголоса.

Минут через десять Президент вышел из кабинета. Выглядел он явно раздосадованным. Ни на кого не гладя, он быстро, твердо ступая но ковру, проследовал к двери. Эго удивительно, но охранник успел распахнуть дверь приемной и выйти в коридор за секунду до своего шефа. «Вот это — высший пилотаж!» — подумал Орлов.

Филатов встретил Орлова фразой, которая могла отбить у него всякое желание не только докладывать какие-то острые проблемы, но и вообще всякую охоту работать дольше. Сказал он ее без всякой улыбки и выглядел довольно хмурым:

— От вас у меня портится настроение. Вы у меня ассоциируетесь с неприятностями.

Андрей не знал, как реагировать на это, и только пожал плечами. Дескать, вы сами даете мне поручения, результат которых вряд ли располагает к повышению настроения.

— Ну, что там у вас? Узнали что-нибудь?

Именно этого вопроса Орлов ждал, так как всего пару дней назад Филатов дал ему очень странное поручение. Странным оно было как по содержанию, так и но форме. Сергей Александрович поручал узнать, кто такой Бирштейн и какое он имеет отношение к министру безопасности, то есть непосредственному начальнику Орлова. Такая постановка вопроса взволновала Андрея, гак как ставила его, сотрудника Министерства безопасности, в двусмысленное положение. Выяснять какие-то вопросы, связанные со своим непосредственным руководителем, действуя за его спиной, а тем более собирать информацию о его связях, было чревато тяжелыми последствиями для самого Орлова и, кроме того, с его точки зрения, дурно пахло. Андрей попытался тоща даже возразить руководителю администрации, но когда Филатов добавил, что это поручение исходит от самого Президента, Орлов молча согласился выполнить его.

Не менее странной была форма, в которой руководитель администрации сообщил все это Андрею. Филатов почему-то встал из-за стола, отошел к окну, прибавил громкость телевизора, жестом подозвал Орлова и шепотом сказал:

— Попробуйте осторожно узнать все о Бирштейне, это глава фирмы «Сиабеко», и его связях с Баранниковым. Только об этом никто не должен узнать. Разумеется, прежде всего, сам Баранников.

Орлов впервые не знал, как поступить, и только доверие, сохранившееся между ним и рядом сотрудников Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией, позволило ему кое в чем разобраться.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «3.07. К встрече с Филатовым.

1. „Сиабеко групп“ (Торонто) Бирпггейн Борис Иосифович.

= с 1987 г. — посреднические операции (сталь, одежда, продукты, бритвы) — млн долл.

= отделения в Торонто, Цюрихе, Нью-Йорке, Вепе, Израиле, Гонконге

= на содержание представительств в Москве — 1 млн долл…» *(Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 3 июля 1993 года).*

Этот Бирпггейн, являвшийся бывшим соотечественником, оказался очень ловким и предприимчивым дельцом, провернувшим не одну сомнительную операцию. Его авантюристические наклонности и чрезвычайная активность в контактах с политическими и государственными деятелями ряда

стран привели к тому, что он попал в поле зрения органов безопасности. Орлов не мог знать, как Бирпггейн вошел в доверие к Баранникову, но факт этот был уже известен. Болес того, Андрею доверительно сообщили, что Бирпггейн знаком и с самимПре-зидентом. А это совершенно меняло дело. И Орлов почувствовал, что может стать пешкой в какой-то неведомой ему игре, что его используют для решения вопросов, о существе которых он и понятия не имеет.

Орлов рассказал Филатову, что удалось ему узнать по данному поводу, но не стал распространятся относительно возможного знакомства Бирпггейна с Президентом, так как это, разумеется, не подтверждалось никакими документами, да и у самого Андрея вызывало сомнение.

А зря! Последующие события и ставшая известной спустя некоторое время информация подтвердили это обстоятельство.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «…Мы приехали на дачу к Баранникову, зашли в дом, я поздоровался с супругой Виктора Павловича. Неожиданно Барапников представляет мне человека старше средних лет с улыбчивым лицом, который протягивает руку и говорит: „Борис Бирштейн“… Баранников стал представлять гостя. Он сказал, что Борис Бирштейн — блестящий бизнесмен, политик, наш соотечественник, который сделал чрезвычайно много для России…**
>
> **В разговоре он демонстрировал свои связи с бизнесменами и политиками мира — невзначай упоминал имена президентов, министров, глав корпораций… Так Баранников познакомил меня со своим другом Борисом Бирштейном» *(Из книги КН. Ельцина «Записки Президента». Москва, 1994 год).***

Бирштейн, по ощущениям Орлова, представлял собой классический образец международного авантюриста, пытающегося втереться в доверие к сильным мира сего и на этой основе провернуть очередную махинацию типа аферы с «красной ртутью» или чего-то вроде этого. Кроме того, явную настороженность вызывала напористость Бирштейна в установлении контактов с российскими спецслужбами. Бывший руководитель российского КГБ генерал Иваненко, с которым Андрей сохранял дружеские отношения, рассказал ему, что еще в 1991 году четыре раза встречался с Бирштейном и в конце концов убедился, что это — «пустышка». Тот постоянно твердил о своей готовности к взаимодействию в обмен на предоставление льгот

его фирме «Сиабеко», освобождение се от уплаты налогов на сделки, заключаемые с российскими структурами. В общем, типичный случай авантюриста.

Все было бы не так страшно, если бы Бирштейн не был связан с руководителем ведомства, сотрудником которого был Орлов. Более того, Андрей, как человек, способный мыслить аналитически, сразу предположил, что без личной заинтересованности Баранникова тут не обошлось. Но в разговоре с Филатовым, естественно, он не упомянул о своих подозрениях. Да, это, как оказалось позднее, и не требовалось. Филатов к этому времени уже все знал.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Они выкладывают материалы — счета, чеки, накладные, показывающие, что в Москве и Цюрихе на жен В.П. Баранникова и А.Ф. Дунаева израсходованы фирмой „Сиабеко“ значительные суммы, исчисляемые в сотнях тысяч долларов… Фирма „Сиабеко“ принадлежала некоему Александру *(так в тексте. — Авт.)* Бирштейну, человеку с запутанной биографией… который был в близких отношениях с Баранниковым и активно внедрялся в высшие круги российской власти…

…Когда я был на докладе у президента… пришлось доложить, что привезены материалы на… Баранникова. Президент побледнел и переспросил:

— На кого?

— Па Баранникова…

— И что там?

— Похоже, взятки.

Борис Николаевич обхватил руками голову и припал к столу. Так он сидел минуты две, покачивая головой. Потом сказал:

— Все нужно тщательно проверить» *(Из книги С.А. Филатова, в 1993–1996 годах — руководителя Администрации Президента. «Сергей Филатов: совершенно несекретно», Москва, 2000 год).*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Это была скрытая форма коррупции. А может быть, даже не скрытая… Но надо иметь в виду, что Баранников к этому времени стал заметно укреплять свои позиции. Он был незаурядным человеком. По поручению Президента ездил за границу, выступал на важных совещаниях, обратил на себя внимание очень яркими

выступлениями в Верховном Совете. Баранников был энергичен и достаточно молод, но уже выдвигался на первые позиции. Его свежие, можно сказать, оригинальные мысли были для Ельцина как кость в горле. В качестве повода для его отставки тот воспользовался не только фактом поездки его жены за счет Бирштейна, но и событиями в московском погранотряде в Таджикистане…

Виктора Павловича подставили по полной программе. Вернее, он сам подставился. Оп — человек трагической судьбы» ***(Из воспоминаний Е.М. Бойкова в 1992–1993 годах — начальника управления Министерства безопасности).***

Орлов уже начал догадываться, что борьба с коррупцией, провозглашенная в стране, все больше и больше приобретает признаки политического и криминального противостояния, крупномасштабного сведения счетов между конкурентами, в том числе за влияние на первое лицо государства. Втянутыми в это противостояние оказались очень многие, в том числе те, кто даже пе подозревал, что его используют в целях, совершенно далеких от искоренения коррупционной скверны. Стать послушной шестеренкой в этой мясорубке Орлов не хотел, поэтому постарался сделать так, чтобы у Филатова не возникло желания втянуть его в «раскрутку» материалов по Баранникову. Может быть, это уберегло его пе только от неприятностей, но, кто знает, возможно, и чего-то более серьезного.

Доложив Филатову ставшие известными ему сведения, Орлов совершенно однозначно дал понять Сергею Александровичу, что не располагает возможностями для дальнейшего «изучения этого вопроса» и просит руководителя администрации считать его поручение выполненным. К тому же по графику Орлов рассчитывал уйти в очередной отпуск и попросил Филатова дать на это добро. То ли у того уже было достаточно информации, компрометирующей Баранникова, то ли он и впрямь не слишком доверял Орлову или даже подозревал его в двойной игре, но этим докладом все было закончено и больше к вопросу о связях Баранникова с Бирштейном он не обращался. Немного поколебавшись, Филатов согласился отпустить Орлова в отпуск.

Напоследок Сергей Александрович спросил Андрея:

— А где будете проводить отпуск?

— На Балтийской косе в Калининградской области. С женой и детьми.

— Если будет нужно, я с вами свяжусь. Как я вас найду?

— Через начальника управления Министерства безопасности.
— Хорошо. Счастливо отдохнуть.

* * *

Орлов не мог знать о том, как будут дальше развиваться события, и был рад хотя бы тому, что наконец сможет получить небольшую передышку в работе, в чем он сомневался до самого последнего момента. Вместе с тем позиция Ельцина в отношении Баранникова была уже сформирована, и спустя несколько дней он принял по нему вполне ожидаемое решение. Об этом Президент впоследствии вспоминал в своей книге.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В расписании следующего дня Баранников стоял на 11.00. Перед его приходом я попросил приехать министра юстиции Калмыкова, который вел непосредственную работу с материалами комиссии по борьбе с коррупцией. От пего я хотел услышать одно: есть ли хотя бы единственный шанс у Баранникова? Может быть, необходимо еще раз проверить подлинность документов, может быть, какие-то факты передернуты… Но Калмыков ничего утешительного сказать не мог. Он сообщил, что материалы, которые удалось изучить, привели его к единственному выводу: это коррупция в чистейшем виде.

Я отпустил Калмыкова. Через несколько минут в кабинет вошел Баранников. Он был бледен. Мы поздоровались. Я попросил его сесть. И сразу же начал этот тяжелый разговор. Спросил: правда ли то, что жена его ездила на деньги швейцарской фирмы за границу и что за три дня… истратила сотни тысяч долларов. Он, опустив голову, проговорил: да…

Когда Баранников закончил оправдываться, я сказал, что в три часа на коллегии министерства он будет снят с должности министра…» *(Из книги Б.Н. Ельцина «Записки Президента». Москва, 1994 год).*

27 июля 1993 года, вторник, утро

Калининградская область, Балтийская коса.
Пограничная застава

— Товарищ подполковник, вас разыскивает начальник заставы! Говорит, звонили из Москвы! — выпалил молодой солдатик-пограничник, запыхавшись от бега по морскому песку. Он неожиданно появился среда кустов и травы на дюне и, увидев у воды все семейство Орловых, устремился к ним. День стоял жаркий, солнце палило с самого утра, что было не типично для Балтийского моря, которое чаще всего приносит прохладный, а иногда даже холодный ветер.

— Сейчас иду! — ответил Андрей, многозначительно посмотрев на Олю.

— Опять отзывают? — с тревогой спросила она.

— Не знаю. — Орлов встал, отряхивая прилипший к ногам песок, ополоснул руки в набегающей волне. — Я сейчас приду. Собирайте, собирайте!

Еще вчера все договорились пораньше отправится на берег моря и очередной раз попытать счастья в сборе янтаря. Надежды на то, что «семейной бригадой» они найдут приличные куски янтаря, основывались на том, что два предшествующих дня морс штормило, а, как известно, именно после шторма на песке остаются вороха водорослей, щепок, большое количество ракушек и всего того, что море выбрасывает на берег.

> **ВОСПОМИНАНИЯ: «..Янтаря стало попадаться все больше и больше. Особенно там, где на берег были выброшены кучи мусора — тростниковые палочки, водоросли, щепочки и всякий другой хлам. И сверху, и рядом, а если разгребешь, то и внутри — блестят десятки, сотни, тысячи ярких переливающихся солнечных камешков — этого таинственного и чудесного минерала. Всех цветов и расцветок, гладких, острых, чисто отполированных и матовых, шершавых и грубых.**
>
> **Уже болит спина, уже ломят ноги, а ист сил оторваться от сбора этого завораживающего урожая, этой прелести моря, которая есть только здесь — в самом западном уголке России…»** ***(Из записной книжки А.П. Орлова. «На Балтийской косе. Лето 1993 года», день 18-й).***

Отпуск Орлова уже приближался к своему завершению. Пожив некоторое время в пансионате на знаменитой Куршской косе, они перебрались на другую, совершенно малоизвестную, Балтийскую косу, которую от материковой части Калининградской области в районе города Балтийска отделял широкий Балтийский пролив, а с другой стороны «отсекала» от суши российско-польская граница. Принадлежавшая полякам часть косы именовалась Вислинской и была превращена в курортную зону с гостиницами, гостевыми домами, кемпингами, обустроенными пляжами и хорошей автомобильной дорогой. Наша же часть косы с советских времен оставалась запретной зоной, где можно было находиться только при наличии соответствующего пропуска. Кроме поселка Коса напротив Балтийска, на этом уникальном полуострове протяженностью шестьдесят пять километров не было ни одного населенного пункта, ни домика, ни сарая. Лишь остатки немецких аэродромных сооружений с поросшей бурьяном посадочной полосой да погранзастава радом с контрольно-следовой полосой, пересекающей косу там, где пролегает государственная граница.

Андрей быстро оделся и направился в сторону заставы. Между двумя возвышениями прибрежной дюны, среди высокой травы пролегала тропинка, которая прямиком вела к деревянному домику, где жил со своей семьей — женой Инной и двумя малолетними детишками — начальник заставы старший лейтенант по имени Максим. Несмотря на то что ему было чуть больше двадцати трех лет; выглядел он настоящим командиром — подтянутый, аккуратный, основательный и строгий. Команды отдавал громко и четно, солдаты-пограничники слушались его беспрекословно.

Максим был не на шутку взволнован. Полчаса назад ему позвонил лично начальник погрануправления и спросил, можно ли подозвать к телефону Орлова. Узнав, что его нет в расположении заставы, генерал приказал найти и передать, что с ним хочет срочно переговорить кто-то из Москвы. Так как никто толком не знал, кем работает Андрей и какую должность он занимает, местные начальники могли предполагать что угодно. Во всяком случае, Максим как-то признался Андрею, что его намерение пожить несколько дней на заставе вызвало настоящий переполох. К приезду «советника Президента по пограничным вопросам» покрасили полы и подклеили обои в комнате, где собирались поселить семью Орловых. Начальника заставы строго проинструктированы, как себя вести, запретили обращаться с личными вопросами и вообще держаться на определенном удалении от «большого московского начальника», обеспечив при

этом необходимые условия проживания и отдыха.

Однако тревожные ожидания Максима, связанные с приездом Орловых, улетучились на второй день как московская семья приехала но вконец разбитой дороге на стареньком пограничном ЗИЛе, который ломался через каждые пять километров. Андрей Петрович и Оля, как они представились Максиму, оказались совершенно простыми, скромными людьми. Они привыкли довольствоваться малым и не выражали никакою неудовольствия по поводу отсутствия комфорта, к которому, как считал Максим, привыкли вес москвичи, а уж московские начальники тем более.

— Что случилось, Максим? Что за срочность?

— Звонил генерал, приказал найти вас и передать, чтобы вы срочно выехали в Калининград. Наша машина уже готова, а в Балтийске у парома вас будет встречать начальник разведки.

— Он не сказал, кто звонил?

— Сказал только, что из Кремля. Из приемной какого-то начальника.

— Филатова, наверное?

— Не знаю.

— Там мои на берегу…

— Не беспокойтесь, Андрей Петрович, я присмотрю за ними.

* * *

Через несколько минут Орлов уже трясся в кабине грузовика по ухабистой дороге, петляющей между сосен и елей. Время от времени она спускалась прямо к воде, и тогда машина ехала вдоль берега, шурша колесами но гальке и поднимая фонтаны воды. Тридцать с лишним километров они проехали почти за два часа. И это при том, что дважды в радиаторе закипала вода.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Свернули влево и через дюны выехали на берег моря, помчались по песку. Штормовое морс с ценной волной, кружащие чайки и бакланы, сосновый лее, то приближающийся к краю дюн, то отступающий от него. Красота!

Проехали наклонный створный знак, остов выброшенной на берег яхты… Машина то мчалась, спугивая стаи птиц, копошащихся у кромки воды, то сбавляла ход на вязком песке. Проехали пограничную вышку, еще один створный знак, вдали на море увидели крупные суда, стоящие на рейде…» ***(Из записной книжки А.П. Орлова. «Па Балтийской***

косе. Лето 1993 года», день 18-й).

27 июля 1993 года, вторник, день

Калининград, улица Генделя, дом 2.
Областное управление Министерства безопасности

После грузовика пограничный газик показался верхом комфорта, и уже через час Орлов был в городе. Машина остановилась у подъезда областного управления Министерства безопасности — здания из красного кирпича в стиле неоренессанса, расположенною в самом центре Калининграда. Дальше — мимо взявшего под козырек прапорщика и пожимающего руку дежурного на второй этаж — в кабинет начальника.

— Андрей Петрович, рад вас видеть! Как отдыхается? Извините, что оторвали от семьи! Но мы не виноваты! — радушно встретил Орлова генерал.

Отношение его к Андрею было особым, и объяснялось не только тем, что Орлов занимал высокий пост в министерстве, а теперь и в Администрации Президента. Было одно обстоятельство, о котором здесь, в Калининграде, знали лишь только они одни: Вячеслав Николаевич был назначен начальником управления в 1991 году по прямой рекомендации Орлова, после того, как он побеседовал с большинством сотрудников управления и «выявил» наиболее авторитетного и опытного руководителя, так сказать, «неформального лидера» коллектива. Время было тревожное, прежнего начальника, опытнейшего чекиста с большим стажем оперативной работы, ждала неизбежная участь освобождения от должности после того, как его обвинили в поддержке ГКЧП. В коллективе происходило брожение, некоторые сотрудники, после падения престижа службы и резкого ухудшения материального обеспечения, подумывали об уходе из органов. И новому начальнику предстояло не только сохранить дееспособность управления, но и развернуть его работу в новых условиях дикой приватизации, агрессивного рынка, широкомасштабного растаскивания имущества бывшего СССР и поднимающей голову коррупции.

— Вас просили позволить руководителю Администрации Президента.

— Я так и думал.

— А вы в курсе, Андрей Петрович, что Президент освободил Баранникова от должности министра?

— Нет! — Андрей даже не попытался выразить удивление. Визит к Филатову перед отпуском и та информация, которую Орлов узнал в ходе выполнения сто поручения, касающегося

Бирштейна, делали эту новость вполне ожидаемой. Более того, Андрей был убежден, что это решение неизбежно. Кроме того, он понимал, что Баранников не только оказался втянутым в сомнительные коммерческие сделки, но и вошел в конфронтацию с одной из группы влияния на Ельцина, что неминуемо ставило его под удар своего патрона. — Этого следовало ожидать. Хотя мне немного жаль: Виктор Павлович вопреки нашим предположениям, став полтора года назад министром безопасности, но большому счету ничего не сделал плохого органам. Хотя в то время мог вообще снести все — и структуру и кадры!

— Мы этого не знали! Пожалуйста! — Вячеслав Николаевич встал из-за стола и кивнул на телефон ВЧ-связи. — Мне… уйти?

Орлову почему-то было неудобно сказать «Да», и он лишь покачал головой, мол, ничего особо секретного в разговоре с Филатовым не видит.

Телефонисты очень быстро соединили Орлова с приемной Сергея Александровича, и через мгновение он услышал в трубке знакомый голос с едва заметной хрипотцой.

— Андрей Петрович, а вы где? Еще в отпуске?

— Да, у меня еще неделя. А что, надо срочно приехать?

Вместо ответа Филатов спросил:

— Вы слышали, Президент освободил Баранникова?

— Да, я знаю.

На том конце трубки возникла пауза, Филатов, видно, раздумывал, стоит ли продолжать разговор с Орловым и доверять ему, а также закрытой телефонной правительственной связи, какую-то информацию. Андрей ждал. Наконец Филатов сказал:

— Андрей Петрович, Президент назначил исполняющим обязанности Голушко. В ближайшее время он должен принять решение, кто будет министром. У нас две кандидатуры — Степашин и Голушко. Как вы считаете, кто из них предпочтительней?

Орлов ожидал от Филатова чего угодно, только не того, что тот будет советоваться с ним по столь щепетильному и, разумеется, конфиденциальному вопросу. Андрей даже некоторое время пребывал в замешательстве. Трудность ответа заключалась в том, что с обоими у него сложились хорошие отношения. Николай Михайлович Голушко был первым заместителем Баранникова, то есть вышестоящим руководителем Андрея. Будучи заместителем начальника управления, Орлов непосредственно докладывал ему различные документы, получал поручения и участвовал в обсуждении различных вопросов на совещаниях, которые проводил генерал-полковник Голушко. А с

Сергеем Вадимовичем Степашиным, который возглавлял Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета, Орлов был почти в дружеских отношениях, особенно после того, как они с Пашей Русских по его просьбе подготовили итоговый документ о парламентской проверке Министерства безопасности.

— Так какое ваше мнение? — в голосе Филатова прозвучали нотки нетерпения.

— Сергей Александрович, мне трудно вам советовать, но я выскажу свое мнение. Если исходить из того, кто больше соответствует курсу на демократизацию органов и развертывание их работы в новых условиях, кто имеет больше авторитета во властных структурах, то это, безусловно, Степашин. Но при этом следует считаться с тем, что Сергей Вадимович не имеет того профессионального опыта, который есть у Голушко. Поэтому он, я предполагаю, не будет принят коллективом и вряд ли сможет опереться на костяк опытных…

— Но Голушко — это пятое управление! — резко возразил Филатов.

«Им до сих пор мерещится призрак пятого управления, которое они связывают исключительно с борьбой с инакомыслием!» — с досадой подумал Орлов, а вслух сказал:

— Сергей Александрович, ну и что? Пятое управление, где Голушко был замом всего один год, занималось самыми разными вопросами — борьбой с террористами, религиозными экстремистами, анонимными угрозами… Что касается диссидентов — это всего лишь одна из многих задач. Поэтому…

— Поэтому вы предлагаете назначить Голушко. Но нас не поймет демократическая часть общества!

— Почему? Голушко был начальником Кемеровского управления, председателем КГБ Украины, в Министерстве безопасности уже полтора года. Я его знаю лично. Много с ним общался. Настоящий профессионал, порядочный человек…

— Значит, вы против Сергея?

Андрей краем глаза увидел, что начальник управления смущенно показывает жестами, что готов выйти из кабинета. Но Орлову было не до него. Впрочем, он даже не заметил, как тот вышел.

— Я не против Степашина. Просто я считаю, что в настоящий момент его назначение не будет поддержано внутри министерства.

— Хорошо. Спасибо, я вас понял, — как показалось, недовольно проговорил Филатов и, наверное, уже собирался положить трубку.

— Сергей Александрович, мне вылететь в Москву? — упредил

его Андрей.

— Не надо. Догуливайте отпуск. Если будет нужно — я позвоню.

На этом разговор был окончен. От него у Орлова осталось двойственное ощущение. С одной стороны, ему льстило, что один из самых влиятельных людей в государстве, человек, отвечающий за кадровые назначения, советовался с ним по такому исключительно деликатному вопросу, как назначение министра безопасности. Это говорило о том, что Филатов все-таки увидел в Орлове достаточно компетентного человека, что он доверяет Андрею и готов выслушать его аргументы. С другой стороны, Орлова беспокоило то, что разговор это происходил как бы за спиной людей, которых он уважал и, более того, его «вынуждали» сделать трудный выбор между ними. Ему казалось, узнай любой из них об этом, изменил бы свое отношение к Андрею. В худшую сторону.

* * *

Орлов, конечно, не мог знать, что происходило в это время в Москве. А там с утра началось заседание Совета безопасности. Буквально за двадцать минут до начала Президент позвонил Филатову. Об этом Сергей Александрович потом вспоминал в своей книге.

> **СВИДЕТЕЛЬСТВО: «…В 10.40 раздастся звонок президентского телефона. Поздоровавшись, Борис Николаевич произносит:**
>
> **— Ну, что будем делать с Баранниковым?**
>
> **— Теперь нужно снимать, Борис Николаевич. Баранников начал сбор компромата на членов комиссии и уже завел несколько уголовных дел. Он теперь не остановится ни перед чем. Не снимите — он со всеми счеты сведет, а вас предаст, если уже пе предал.**
>
> **— Хорошо. — Президент положил трубку…**
>
> **В 11.40 еще один звонок президентского телефона, быстро снимаю трубку.**
>
> **— Я подписал указ об освобождении Баранникова. — И телефон отключился»** ***(Из воспоминаний С.А. Филатова, в 1993–1996 годах — руководителя Администрации Президента. «Сергей Филатов: совершенно несекретно», Москва, 2000 год).***

ДОКУМЕНТ: «Указ Президента Российской Федерации от 27 июля 1993 года № 1142»:

«О Бараипикове В.П.

За лично допущенные парушения этических норм, а также за серьезные недостатки в работе, в том числе по руководству Пограничными войсками Министерства безопасности Российской Федерации, освободить В.П. Баранникова от должпости министра безопасности Российской Федерации.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин».

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Полагаю, уход Виктора Баранникова был предрешен еще в марте 1993 года. Тоща для подавляющего большинства людей даже не в стране, а в самом Кремле мпогие вещи были не ясны. А Баранников уже тоща видел, к чему идем. Попимал, что рушится само государство. И для многих из гайдаровского правительства он стал опасен…

Виктора Павловича снимали за два „преступления“. За личные вещи, что якобы приобрела его супруга во время ее вояжа в Швейцарию, и за то, что Министерство безопасности не предвидело событий в Таджикистане летом 93-го. Первой части вообще нет смысла касаться — сегодня яспо веем, что это хорошо организованное, простите, фуфло. Что касается второго обвинения… я ответственно заявляю — в июне 1993 года нашим управлением на имя Президента и в Совет безопасности был направлен документ, іде мы четко указывали период, когда может быть столкновение на таджикской границе с афганскими боевиками. И предлагали в связи с этим комплекс мер. Но никто палец о палец пе ударил!» *(Из воспоминаний К.Х. Ипполитова, в 1993 году — начальника Информационно-аналитического управления Министерства безопасности).*

Для Николая Михайловича Голушко снятие Баранникова тоже не было неожиданностью, поскольку он, разумеется, знал об имеющейся в отношении его шефа компрометирующей информации. Но он не ожидал, что это произойдет так быстро.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Перед самым отъездом в командировку утром я увидел Баранникова, который

пожаловался: „Идут накаты в СМИ на министерство, на меня лично. Веришь ли ты распространяемым слухам о моей коррумпированности?“ Я ответил, что „я не интересуюсь сплетнями. Если же они распространяются, — сделайте, Виктор Павлович, соответствующий вывод“.

С утра ничего не предвещало неожиданностей. Но, возвратившись вечером из поездки, я узнаю, что Ельцин пригласил в Кремль Баранникова, всех заместителей. Там же, в мое отсутствие, президент возложил на меня исполнение министерских обязанностей…» *(Из воспоминаний Н.М. Голушко, в 1993–1994 годах — министра безопасности. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год).*

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «У меня с Ельциным состоялся серьезный разговор. Он сообщил мне, что снял Баранникова, а меня назначил исполнять обязанности. Потом говорит: „Надо вкалывать!“ Я ему в ответ: „Борис Николаевич, мы привыкли именно так работать“.

Тогда Ельцин сказал: „Я тебя дня через два приглашу, и мы тогда подробно обо всем поговорим…“» *(Из воспоминаний Н.М. Галушко, в 1993–1994 годах — министра безопасности).*

Завершив разговор с Филатовым, Орлов поговорил с начальником управления, затем заскочил на рынок, где купил килограмм крыжовника, и в булочную-кондитерскую, где продавался традиционный калининградский лукум — нежная ароматная пастила в форме небольших прямоугольников, уложенных в коробку. Теперь уже на черной «Волге», которую дал Орлову начальник управления, он долетел до Балтийска меньше чем за час. Он поспел как раз к отходу парома, который пересекает Балтийский капал, а на той стороне Орлова уже ждал знакомый грузовик. Прошло чуть более семи часов как он оставил на берегу моря Олю и детей, собирающих «солнечный камень».

27 июля 1993 года, вторник, вечер

Калининградская область, Балтийская коса.
Пограничная застава

— А вот и я! — Андрей распахнул дверь в комнату. В руках у него был полиэтиленовый пакет с ягодами и конфетами. — И со мной гостинцы!

Оля сидела на диване и держала в руках книгу. Рядом примостилась Нина, а Сережа, который не мог долго находиться в одной нозе, расположился поодаль. В руке у него был зажат пластмассовый «человск-паук». Оля читала вслух ребятам книгу:

— «…Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид. На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу. Пожалуй, даже меньше. Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю. Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар…»

«Герберт Уэллс», — догадался Андрей. Книгу «Война миров» они начали читать перед самым отъездом в отпуск, даже решили продолжить чтение на отдыхе, но до сих пор это не получалось, так как вес дни были заняты прогулками вдоль моря, купанием в штормовых волнах, поиском янтаря, собиранием грибов и ягод. И только сегодня к вечеру Оля, видно, решила почитать ребятам, а те с удовольствием стали слушать.

— Что так поздно, Андрюша? Мы тебя ждали к обеду! Что-нибудь случилось? — участливо спросила жена.

— Ничего особенного. Баранникова сняли.

— А-а, понятно. А почему ты задержался?

Андрей с недоумением посмотрел на жену.

— Поняла, поняла. Долгая дорога. — Оля улыбнулась. — Машина опять ломалась?

— Ломалась.

— Голодный? Давай я тебя покормлю.

— Давай. Ребята, а потом будем есть что-то вкусненькое!

После того как родители вышли из комнаты, дети остались сидеть на диване. Сергей продолжал манипулировать пластмассовым «человеком-пауком», а Нина стала листать книгу.

— Папа привез что-то, наверное ягоды! — Сергей посмотрел на сестру. Нина невозмутимо продолжала листать «Войну миров».

«Оп взял и уехал куда-то! Бросил нас с мамой на берегу, — размышляла Нина. — Срочно ему нужно было позволить на работу! Какая работа! Он же в отпуске! А сам помчался в

Калининград. Что, ему за это больше денег заплатят? Нет! Ему просто так правится, что он такой незаменимый! И дома также. Другие отцы приходят вовремя, занимаются с детьми, а он приходит с работы поздно вечером…»

— Нина, давай поиграем во что-нибудь! — предложил Сергей. — В карты, например. Или в лото! Сейчас папа поест; и мы поиграем! Давай!

— Не хочу! Надоело это лото дурацкое! — Нина самане понимала, откуда у нес внутри растет раздражение. Вроде с утра было все в порядке, но потом… Сначала быстро, даже не предупредив, уехал папа. Потом испортилась погода, на морс задул сильный ветер, поднялась волна, и начался шторм. Они пришли домой и весь вечер просидели в четырех стенах. К моменту возвращения из города отца Нине уже наскучило и чтение книги.

«Мама говорит, что у папы очень сложная работа, что он занимается важным делом. Ему, конечно, пе до нас. Его не интересуют наши проблемы, зато он готов решать чужие проблемы. Вот поэтому его уважают и ценят на работе. Даже в отпуске не хочет быть с нами вместе! Гостинцы он привез!» — Такие невеселые мысли проносились в голове у дочери Андрея.

* * *

— Что там у вас случилось? Ты говоришь, Баранникова сняли? Это как, хорошо? Он, по-моему, к тебе плохо относился. Да? — Оля испытующе смотрела на Андрея.

— Да не в этом дело, Оля!

— А в чем? Чего они от тебя-то хотели? Ты же в отпуске!

— Конечно, в отпуске, но могли и отозвать.

— Ну, вот еще! Кстати, Андрюша, ребята очень обиделись, что ты неожиданно уехал. Они тебя ждали!

— Можно подумать!

— Ну ты же нас не предупредил!

— А я откуда мог знать? — воскликнул Андрей.

— Ну ладно, ешь! — Оля провела рукой по плечам Андрея, как бы успокаивая мужа. Она знала, что ее руки благотворно влияли на его настроение и снимали раздражение, производя при этом своего рода психофизиологический эффект.

* * *

В этот день Орловы собрали рекордное количество янтаря. Когда Оля с детьми вернулась в дом, каждый нес в руках по полиэтиленовому пакету, наполненному желтыми, коричневыми, красными, белыми камешками самых разных оттенков. От долгого сидения на песке у всех болели ноги и ломила спина. Если бы Андрей неожиданно не умчался в Калининград, наверное, янтаря было бы еще больше. Правда, тоща было еще непонятно, зачем им столько янтарных камешков. Просто трудно было остановиться и удержать себя от этого увлекательного поиска "сокровищ моря".

Только спустя несколько лет было найдено применение ссыпанным в стеклянную трехлитровую банку кусочкам янтаря. На большом куске фанеры из прессованной стружки Андрей нарисовал очертания старинного города, а Оля вместе с детьми в течение целого месяца сортировали янтарь по цвету и размеру. А потом была долгая работа но созданию янтарного панно — подгонка янтарных кусочков друг к другу, приклеивание их на доску, сушка, шлифовка, полировка. И наконец через полгода на стене квартиры Орловых на Крылатских Холмах появилась великолепная янтарная мозаичная картина, переливающаяся под лучами солнца и поражающая воображение всех, кто ее видел. Она стала семейной гордостью, но при взгляде на это мозаичное панно Орлов почему-то чаще всего вспоминал тот день, когда он вынужден был оставить на берегу моря самых близких ему людей и прервать азартный поиск "солнечного камня" по срочному вызову из Кремля.

19 августа 1993 года, четверг, день

Москва. Старая площадь. Администрация Президента. 6-й подъезд, коридор на седьмом этаже

— Паша, привет! — Орлов буквально нос к носу столкнулся с товарищем, которою он не ожидал увидеть здесь, в коридоре седьмого этажа административного здания на Старой площади, странно именовавшемся «шестым подъездом». — Я думал, что ты еще там, в Северной Осетии! — Андрей махнул рукой куда-то вдаль.

— Да нет, я приехал несколько дней назад. Ты, наверное, слышал, что там у нас произошло?

— Поляничко? [70]

— Да.

— Страшное дело! Такой человек погиб! У него же охрана.

— А ты знаешь, что я только чудом остался жив! Если бы не его необязательность!

— То есть?

— Ты же знаешь, я был его помощником и одновременно начальником оперативного управления главы Временной администрации, то есть Поляничко. Сочинял еженедельные докладные шифртелеграммы Ельцину, занимался всякой штабной работой… Утром первого августа я зашел к нему и говорю: «Мне надоело сидеть в кабинете. Насколько я знаю, вы едите в село Тарское». Он подтвердил, что отправляется туда в 15.00. Тоща я его попросил взять меня с собой… Село Тарское раньше называлось Ангушт[71]. Это название пошло от слова «Ингушетия», так как оно находится в предгорьях на границе с Ингушетией.

— А тебе-то зачем надо было туда?

— Ну, я же говорю — надоело сидеть за компьютером! Так вот; Поляничко согласился взять меня с собой. Ровно за три минуты до трех часов, не дописав докладную Ельцину, я вышел к подъезду и увидел, как бежевая «Волга» с черным номером «00–12», а за пей уазик охраны уже выезжают за КПП. *Я* расстроился тоща, вернулся, сел за компьютер. Но уже не дописывал докладную записку, а стал играть в карты…

— Выходит, повезло тебе! Дело случая! А что дальше?

— Слушай! Через двадцать минут прибежала секретарша: «Машину обстреляли, есть раненые!» Я быстро спустился на первый этаж, где сидела группа «Альфа». Зашел к ним и крикнул: «Тревога!». Через пять минут мы выехали на дежурной машине на место происшествия…

— Паша, в таких случаях говорят, что в рубашке родился!

— А у меня подобные ситуации были и раньше.

Раздался какой-то шум, взрыв хохота. По коридору шла группа молодых людей, о чем-то оживленно беседующих. Они проследовали мимо Орлова и Русских, размахивая руками и громко смеясь над тем, что рассказывал бородач в сером замызганном свитере. Андрей уловил окончание анекдота про Руцкого:

— …никогда не уступаю дорогу популистам и идиотам! А Ельцин посторонился и говорит: «А я уступаю!» — Вся компания дружно грохнула.

Если бы Андрей и Павел не посторонились, то эта группа вряд ли бы заметила препятствие на своем пути и сбила бы их с ног.

— Вот они, управленческие кадры новой России! — с иронией сказал Орлов.

Паша кивнул, потом, будто что-то вспомнив, спросил:

— А ты знаешь, какой сегодня день?

— Четверг, 19 августа. — Потом добавил — А, ты об этом! Путч, ГКЧП. Два года прошло, а кажется…

— Теперь принято спрашивать: «А где ты был 19 августа?»

— Я был в Белом доме, на Лубянке, и в городе, в «горячих точках», в том числе на Калининском проспекте у подземного туннеля! А где был ты, на даче? — Орлов ехидно улыбнулся.

— Нет, я 19 и 20 августа ходил в Белый дом, где познакомился с Иваненко. Он сидел в кабинете Бурбулиса…

— Ничего себе! Я ведь тоже там был! Почему мы с тобой еще тогда не встретились? — На лице Андрея было заметно удивление.

— Так вот, Иваненко сидел на подоконнике и курил. Я ему тоща сказал, что принес письмо от депутата Верховного Совета Алксписа, которому я помогал на общественных началах. Мне было понято, что путч этот продлится три-четыре дня, в крайнем случае, десять, не более. Я объяснял это Алкспинсу и боялся, чтобы его потом не посадили. Это была авантюра! Ельцин знал, что будет путч, Горбачев тоже знал, что будет путч!

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я подошел к Иваненко и передал ему заявление Алксписа, в котором говорилось, что он, Алкспис, поддерживает решительные действия, направленные на сохранение Советского Союза. Но вместе с тем, было сказано в заявлении, он считает, что эти действия должны быть строго законны. Поэтому он предлагает свое участие в предотвращении кровопролития. Иваненко прочитал это заявление, ухмыльнулся, покуривая на подоконнике, и

сказал: *„У нас контакты уже есть. Участие Алксписа здесь ни к чему!“»* *(Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992–1994 годах — специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).*

— Представляешь, потом меня заподозрили в том, что я был участником путча, начали таскать на допросы! Я, наоборот; был против путча… Я был против всего нечестного, что тоща делалось. А делалось нечестное с обеих сторон!

— Ладно, Паша, скажи лучше, что было дальше там, на дорого под Владикавказом!

— Они немного не доехали до места. Их обстреляли из двух стволов — пулемета Калашникова 7,62 и из автомата 5,45. Одна машина, это была «Волга», упала с обрыва и лежала в речке. За рулем был «альфист»… Он остался жив. А Поляничко и генерал, который с ним был, погибли. Я взял у раненого охранника автомат, вскочил на БТР, и мы организовали преследование. Но это было пустое! Уже темнело. Так я нечаянно остался в живых! — закончил свой рассказ Павел Русских.

— Да-а, Паша, слава Богу, что так получилось. А то с кем я буду предпринимать очередную авантюру?!

— Что, есть предпосылки?

— А ты не видишь! Вся эта катавасия между Президентом и Верховным Советом сама не рассосется! Что-то будет!

— Очередной путч?

— Кто его знает! Но все буквально дышит приближением… — Орлов замялся, не находя подходящего слова.

— Смерча! Нет, лучше — торнадо!

— А что это такое?

— Это такой ураган, который сметает все на своем пути. В виде хобота, который спускается к земле из облаков.

— Ну и картину ты нарисовал! Не приведи господь!

— И хобот этот пройдет но Москве, можешь не сомневаться! — совершенно серьезно сказал Паша. Но, увидев сосредоточенное лицо Андрея, который, наверное, уже представил эту страшную картину, засмеялся своим дурацким смехом.

На этом они расстались, еще не догадываясь, как скоро ураган придет в столицу, стремительно захватит, завертит их своим потоком, ставя перед очередным выбором, как поступить, чтобы не уронить честь и достоинство.

19 сентября 1993 года, воскресенье, вечер

Москва. Лубянка. Министерство безопасности. Кабинет министра безопасности

Генерал-полковник Голушко, всего лишь два месяца назад назначенный исполняющим обязанности министра безопасности после освобождения Баранникова, а со вчерашнего дня вступивший в должность министра, один за другим читал переданные ему помощником документы, сложенные стопкой на столе. За долгие годы службы на руководящих должностях он привык самым тщательным образом прочитывать каждый документ, прежде чем подписать или завизировать его. Нет, это объяснялось не недоверием к подчиненным, которые могли упустить что-то важное ниш, наоборот; включить в текст лишнюю информацию. Скорее всего, это была привычка вникать в каждое дело, за которое он нес ответственность. Но теперь, как министр безопасности, он отвечал за все в этом ведомстве и уже вряд ли физически мог бы пропускать через себя вес без исключения документы.

Николай Михайлович одну за другой стал читать шифровки, получаемые из территориальных органов безопасности, в которых сообщалось об оперативной обстановке, о тяжелых процессах, происходящих в экономике, о резком обострении межэтнических противоречий в ряде регионов, об активизации криминала, о поднимающей голову коррупции. Но мысли Голушко были далеко. Он еще никак не мог прийти в себя от событий, в эпицентре которых он оказался в последние дни. Несколько дней назад ему позвонил депутат Верховного Совета, о котором он неоднократно слышал, но с которым ему пока не доводилось встретиться. Это был Сергей Степашин, возглавлявший Комитет по обороне и безопасности — именно тот профильный парламентский комитет; который занимался, в том числе, вопросами Министерства безопасности. Голушко знал, что Степашин в 1991 году был назначен заместителем Иваненко, генерального директора Агентства федеральной безопасности, но пробыл в этой должности недолго и, вернувшись в Верховный Совет, снова возглавил один из самых влиятельных его комитетов. Но Голушко в это время был на Украине, и дорожки их не пересеклись.

Когда позвонил Степашин, Голушко ненароком подумал, что тот просто хочет поближе познакомиться с исполняющим

обязанности министра безопасности и, возможно, решить какие-то чисто депутатские вопросы. Но ошибся.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В сентябре 1993 года, когда я уже проработал с июля месяца исполняющим обязанности министра безопасности, мне позвонил Степашин и сказал, что якобы рассматривается вопрос о моем назначении и хотелось бы это все провести через парламент. Пе докладывая Ельцину, я решил пойти на встречу с депутатами…

Их было человек двадцать во главе со Степашиным. Встреча была в Белом доме… Она длилась примерно два часа. Я отвечал на большое количество вопросов достаточно откровенно. Я не жаждал назначения и чувствовал, что нам долго не продержаться… Но вердикт был такой: рекомендовать меня Верховному Совету для поддержки назначения на должность… Именно тогда я впервые увидел Степашина…» *(Из воспоминаний Н.М. Голушко, в 1993–1994 годах — министра безопасности)*.

А через некоторое время Николаю Михайловичу пришлось «держать ответ» перед Президентом. Состоявшийся разговор мог стать первым и последним, но Голушко удалось сохранить благосклонность Ельцина.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я доложил об этой встрече Ельцину. Первый вопрос, который прозвучал: „А *кто* тебе санкционировал это?“ Я говорю: „Вы знаете, я решил проверить себя и их“. Реакция Президента сначала была негативная: „Кто тебе разрешил? Эго моя прерогатива, мои полномочия как Президента!“ После того, как я все объяснил, он остался доволен, но все-таки сказал: „Тебе не надо было туда ходить“» *(Из воспоминаний Н.М. Галушко, в 1993–1994 годах — министра безопасности)*.

Дальше события развивались столь стремительно, что Голушко даже не успел в полной мере прочувствовать, как из исполняющего обязанности министра стал министром безопасности. Накануне его и заместителей министра Президент пригласил в свой кабинет в Кремль. Все понимали, что произойдет что-то важное, но никто из них не был в полной мере уверен, что Ельцин назначит именно Голушко. Слухи вокруг

назначения министра безопасности ходили разные, причем самые неожиданные. Если кандидатура Степашина еще воспринималась, как допустимая, так как он все-таки уже побывал в роли заместителя руководителя ведомства и немного покомандовал Санкт-Петербургским управлением, то всплывшая кандидатура Полторанина казалась настолько фантастической, что трудно было даже поверить в столь безрассудное кадровое решение. Полторанин, в советское время работавший главным редактором газеты «Московская правда», был рьяным сторонником Ельцина, министром печати и информации, а затем и заместителем председателя Правительства. Он «прославился» разоблачениями «партократов, окопавшихся в Верховном Совете», и вообще резкой критикой любых противников Ельцина. Представить Полторанина в рож министра безопасности было можно только в состоянии полной потери рассудка. Но в начале девяностых это могло быть вполне заурядным явлением и подобное кадровое решение Президента никто не исключал.

Но все оказалось более или менее благополучным. Через несколько дней после встречи Голушко с депутатами и его «объяснения» с Ельциным снова раздался звонок из приемной Президента. Сотрудник аппарата сообщил, что Борис Николаевич приглашает в Кремль Голушко и всех заместителей министра безопасности.

ВОСПОМИНАНИЯ: «…Ельцин сказал, что мы уже несколько месяцев работаем без руководителя. Поэтому я вас собрал, чтобы выяснить ваше мнение, кого назначить министром… Все поддержали мою кандидатуру. Других кандидатур не было… Последним был я. Поблагодарил и говорю Ельцину: „Я бы, Борис Николаевич, просил бы вас не назначать меня министром“. Тот удивился: „А почему?“ Я сказал о том, что есть молодые, которые готовы возглавить министерство. Ну и откровенно сказал, что я из той категории чекистов, за которыми след от деятельности органов, от которого я не откажусь. Я спросил Президента: „Почему вы, будучи демократичным президентом, назначаете меня? Что об этом подумает ваше окружение?“

Он высказался в таком клане, что его это не беспокоит. „Меня беспокоит больше, чтобы был работоспособным коллектив“, — подвел черту Ельцин… Вот таким образом и состоялось решение. Ельцин тут же подписал указ» *(Из воспоминаний Н.М, Галушко, в 1993–*

1994 годах — министра безопасности).

Голушко снова постарался сосредоточиться на тексте шифровки, которую держал в руках, но тут раздался зуммер громкой связи с приемной.

— Николай Михайлович, к вам Орлов.

«Ах, да! Совсем забыл: Андрей звонил утром и просил принять. Я обещал»

— Николай Михайлович, разрешите? — Андрей вошел в кабинет министра. Последние два года Орлов довольно часто общался с Голушко, предпочитая именно ему, а не Баранникову, докладывал, о поручениях Филатова, о проблемах, которые возникли перед ним в Администрации Президента.

Генерал-полковник Голушко, еще совсем недавно бывший первым заместителем министра безопасности, был известным в органах человеком. Прошедший путь от сотрудника Кемеровского управления КГБ до высшего руководителя спецслужбы, он был высоким профессионалом в прямом смысле этого слова, авторитетным и требовательным руководителем. На его долю выпало трудное время «раскассированния» КГБ СССР на самостоятельные спецслужбы новых государств, возникших на развалинах Советского Союза. Этот процесс застал его в должности председателя КГБ Украины, когда разброд и шатания разделили людей на «своих» и «чужих», на тех, кто остался верен своему прошлому, и тех, кто готов был перечеркнуть его и начать жизнь с «чистого листа». Николаю Михайловичу довелось даже три месяца поработать руководителем новой украинской спецслужбы — Службы национальной безопасности Украины, но затем он принял согласующееся с его взглядами и принципами решение и вернулся в Москву. А через четыре месяца стал первым заместителем Баранникова. И вот теперь, после того, как тот был освобожден от занимаемой должности, указом Президента назначен министром безопасности.

— Входи, входи, Андрей! — Голушко поднялся из-за стола, протянул Орлову руку. — Ну, как у тебя дела? Как с Филатовым, нашел общий язык? Вроде человек он нормальный.

> **ВОСПОМИНАНИЯ: «Тогда у меня были еще хорошие отношения с Филатовым. Нормальные. Личных не было. Хотя один раз он проявил инициативу и пригласил меня с женой поужинать. Жена не смогла, она тоща очень болела. Мне так поправилась жена Филатова, сама обстановка… Я, конечно, знал о его еще депутатской деятельности, творчестве…»** ***(Из воспоминаний Н.М. Галушко, в***

1993–1994 годах — министра безопасности).

— Вес в порядке, Николай Михайлович. — Андрей сделал паузу и сказал: — Поздравляю вас с назначением!

Голушко только махнул рукой.

— Поздравлять туг не с чем. Ну, так как с Филатовым?

— Вроде, все нормально. Мне кажется, Сергей Александрович мне доверяет. Правда… — Орлов замялся.

— Что?

— Правда, иногда некоторые поручения у меня вызывают… сомнения!

Голушко вопросительно посмотрел на Орлова.

— Например, но Бирштейну и его связи с Баранниковым, или…

— Ты, Андрей, лучше не лезь в эти дела. А то… — он как-то странно покрутил в воздухе рукой. — Понял?

По правде говоря, Орлов не совсем понял, что имел в виду Голушко, но кивнул головой.

— У тебя что ко мне? — Голушко с некоторых пор стал обращаться к Андрею на «ты», но не так, как это делал Баранников, грубовато и снисходительно, а доверительно и понимающе.

— Николай Михайлович, я сейчас готовлю проект указа Президента о проверке государственных служащих, принимаемых на работу или назначаемых на должность. Вы знаете, это по указанию Бориса Николаевича…

— Знаю, ты же мне докладывал!

— Если он будет издал…

Голушко с удивлением перебил Андрея:

— Что-то может помешать?

— Думаю, да! — продолжил Орлов. — Мне кажется, что немало тех, кто против такого указа. Ведь, с его изданием возникнет система, которая будет препятствовать приходу во власть разных… В общем, людей, не обладающих должными качествами.

— Скажи лучше, «проходимцев»! — с едва заметной улыбкой сказал Голушко. — Ты прав, противников у этого указа будет больше, чем сторонников. Но, работай! А наши юристы тебе помогут. И еще.

Андрей, я твои записки про совершенствование работы читал, но то, что ты предлагаешь, реализовать сейчас невозможно. Мы создаем отдел, который будет специально заниматься вопросами предупреждения коррупции в высших эшелонах власти. Вот с ним и будешь взаимодействовать. Мне и парня хорошего нашли,

который будет начальником этого отдела. Главное — успеть все сделать!

Тоща Орлов не придал значения этой реплике Голушко. И только спустя несколько недель он понял, что означала эта фраза. До перерастания конфронтации Президента с Парламентом в прямое силовое противоборство, но существу настоящей войны за власть, оставалось всего два дня.

СТАТЬЯ: «…Я нахожусь перед выбором — либо реализовать волю народа, выраженную на апрельском референдуме, либо позволять Верховному Совету дестабилизировать обстановку в обществе, блокировать реформу… Деятельность Верховного Совета носит антинародный характер, констатировал президент, добавив при этом: остается лишь сожалеть, что „Белый дом“ стал оплотом сил реванша… Он сказал, что для преодоления кризиса власти в ближайшее время проведет серию консультаций со специалистами и что план действий уже готов. Он охватывает примерно два с половиной месяца, сказал президент. Август я называю артподготовкой. Сентябрь — главный месяц, затем октябрь и, возможно, часть ноября…» ***(Из отчета о пресс-конференции Б.Н. Ельцина в Кремле, проведенной для российских и иностранных журналистов в день второй годовщины августовских событий. 19 августа 1993 года. «Известия», 20 августа 1993 года).***

ИНФОРМАЦИЯ: «Вероятнее всего, проект указа о роспуске съезда готовился в августе — начале сентября…

В сентябре же, после того как текст указа был подготовлен и собственноручно заперт Ельциным в сейф, начались совещания с участием силовых министров и иных силовиков.

Первое такое совещание началось в 12.00 в воскресенье, 12 сентября 1993 года, в Ново-Огареве. На совещании присутствовали Ельцин и его министры: Козырев (МИД), Грачев (МО), Ерин (МВД) и Голушко (МБ). Министры поддержали президента и поставили свои подписи под проектом указа…

14 сентября в 15.00 на президентском совете Ельцин предложил его членам подумать над вариантами возможных действий в случае сопротивления ВС РФ [72] **„конституционной**

реформе“, подчеркнув, что в сентябре — октябре необходимо „остановить разрушительное влияние двоевластия на Россию“» *(Из книги С Чорного «Тайны октября 1993 года». Москва, 2004 год).*

* * *

В тот день Орлов возвращался домой на метро. Несмотря на хорошие отношения с девушками-диспетчерами из гаража Администрации Президента, которые всегда с готовностью находили для него какую-нибудь свободную «Волгу», в этот раз ничего не смогли сделать — весь транспорт был занят на обслуживании какого-то важного совещания, то ли в Кремле, то ли еще где.

— Если подождете часок, найдем машинку! — предложила диспетчер. Но Андрей, поблагодарив, отказался. «Какие проблемы? Доеду на общественном транспорте».

На метро по филевской линии до Крылатского, считай, рукой подать — каких-нибудь сорок минут. А в десятом часу вечера на этой ветке вообще народу было не так уж много. Андрей стоял у двери, вглядываясь в темноту. Большую часть пути по этой линии поезд метро проходил но поверхности. Колеса вагона отстукивали дробь на стыках, за окном мелькали фонари и редкие прожектора, освещающие пути товарной станции, силуэты хозяйственных построек за высокими заборами, а вдали — едва различимые квадратики окон жилых домов, за каждым из которых были своя жизнь, свои надежды, радости и печали.

19 сентября 1993 года, воскресенье, вечер

Москва. Крылатское

От станции метро, расположенной на Осеннем бульваре в самом центре Крылатского, до дома — напрямик десять минут ходьбы мимо детского садика, в который еще недавно ходил Сережа, и гаражей ветеранов войны, возведенных ими рядом с домом в нарушении всех порядков и правил.

Когда Орлов поравнялся с длинным домом, торцом обращенным к улице, до его ушей донеслись звуки песни, которую он уже пару раз где-то слышал. Еще тоща ее слова поразили Андрея глубоким смыслом и пронзительно точным определением его собственного отношения к жизни. Эго были слова Юрия Левитанского.

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку—
Каждый выбирает для себя.

Андрей невольно остановился. Песня доносилась из окна на нервом этаже сквозь плотно завешанные шторы, через которые едва проникал свет.

Каждый выбирает по себе
Шпагу для дуэли, меч для битвы.
Слово для любви и для молитвы
Каждый выбирает по себе.

Он непроизвольно ощупал рукой пистолет в подмышечной кобуре. "Макаров" был на месте. Приятный холод металла вселял что-то вроде уверенности. Андрей хмыкнул и улыбнулся промелькнувшей мысли: "Эго мой меч для битвы, о котором так беспокоился Филатов!"

После памятного доклада Сергею Александровичу о возникшей потенциальной угрозе и его санкции на ношение оружия, включая правительственные здания, Орлов получил закрепленный за ним пистолет Макарова и теперь постоянно носил его с собой. Охрана на входе в здание администрации знала об этом и никогда не задавала лишних вопросов.

Андрей стаял в темноте перед чужими окнами, а оттуда продолжала литься мелодия песни:

Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе.

«Как предельно точно! — думал Андрей. — И щит есть, и меч, как будто, Левитанский посвятил эту песню чекистам! И даже наша явно скромная зарплата легко перефразируется в „заплату“. Только с „расплатой“ не хотелось бы торопиться! Ладно, надо идти! Чего стоять под окнами! Оля уже, наверное, волнуется. Я же не сказал ей, что еду своим ходом».

Орлов резко повернулся и быстрым шагом направился в сторону дома, силуэт которого уже был виден на фоне темного неба, а вслед ему продолжали звучать слова песни:

Каждый выбирает для себя
Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Ходьбы до дверей подъезда оставалось три минуты. Просторный лифт за несколько секунд поднимет его на свой этаж. Потом — звонок в дверь и встревоженное лицо жены:

— Что так долго, Андрюша? Я уже беспокоиться стала!

— Все в порядке! — скажет он и, как всегда, поцелует жену.

В этот поздний сентябрьский вечер они еще не знали, что через два дня будет обнародован Указ Президента за номером 1400, который объявит Верховный Совет вне закона, а после десятидневного противостояния начнутся массовые беспорядки на Октябрьской площади и Крымском мосту, на Смоленской площади и у мэрии — бывшего здания СЭВа, будет предпринята попытка захвата телецентра в Останкино, прольется кровь, а трассирующие пули будут прочерчивать яркие следы в ночном небе. А йотом будет штурм Белого дома, багровое зарево над центром Москвы и оседающие на пожухлые газоны и желтеющую листву хлопья черного пепла.

notes

Примечания

1

Филатов Сергей Александрович — в 1993–1996 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

2

Скоков Юрий Владимирович — в 1992–1993 годах секретарь Совета безопасности Российской Федерации.

3

Баранников Виктор Павлович — в 1992–1993 годах министр безопасности России.

4

Иваненко Виктор Валентинович — в 1991 году председатель КГБ (Агентства федеральной безопасности) РСФСР.

5

Погоний Яков Федорович — в 1992–1995 годах начальник управления Министерства безопасности России.

ЦК (сокр.) — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

СБ (сокр.) — Совет безопасности Российской Федерации.

8

Рабочий кабинет в 1-м корпусе Кремля, в котором в 30-е и 40-е годы XX века размещался В.М. Молотов, председатель Совета народных комиссаров СССР, нарком, затем министр иностранных дел СССР.

МВК (сокр.) — Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации.

10

Грачев Павел Сергеевич — в 1992–1996 годах министр обороны Российской Федерации.

Совбез (сокр.) — Совет безопасности Российской Федерации.

12

Гайдар Егор Тимурович — исполняющий обязанности председателя Правительства Российской Федерации (1992), консультант Президента России по вопросам экономической политики (декабрь 1992 — сентябрь 1993), первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1993–1994).

13

Бурбулис Генпадий Эдуардович — Государственный секретарь, первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), руководитель политологического центра "Стратегия" (с 1993 г.).

14

Руцкой Александр Владимирович — в 1991–1993 годах вице-президент Российской Федерации.

15

Хасбулатов Руслан Имранович — в 1991–1993 годах председатель Верховного Совета Российской Федерации.

16

Вольский Аркадий Иванович — в 1990–2005 годах президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

17

Шахрай Сергей Михайлович — заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), председатель Государственного комитета Российской Федерации по делам Федерации и национальностей (1993).

18

Петров Юрий Владимирович — в 1991–1993 годах руководитель Ад-министрадии Президента Российской Федерации.

19

Степашин Сергей Вадимович — заместитель министра безопасности России — начальник Управления МБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (1992), народный депутат Российской Федерации (1990–1993).

20

Голушко Николай Михайлович — заместитель, первый заместитель министра безопасности Российской Федерации (1992 — июль 1993), министр безопасности Российской Федерации (1993).

21

Барсуков Михаил Иванович — начальник Главного управления охраны России (1992–1995), директор Федеральной службы безопасности России (1995–1996).

22

Ковалев Николай Дмитриевич — в 1996–1998 годах директор Федеральной службы безопасности России.

23

Русских Павел Алексеевич — в 1992–1994 годах специалист-эксперт Государственно-правового управления Президента Российской Федерации.

ГБ (сокр.) — государственная безопасность.

25

ГКЧП (сокр.) — Государственный комитет по чрезвычайному положению — самопровозглашенный орган в СССР, выступивший в августе 1991 года против политики Горбачева.

26

Дом Советов — наименование здания Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной (Белый дом), в котором в настоящее время размещается Правительство Российской Федерации.

27

ГПУ (сокр.) — Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации.

28

Баранников Виктор Павлович — в 1992–1993 годах — министр безопасности Российской Федерации.

29

С назначением в 1992 году В.П. Баранникова министром безопасности в министерстве был образован т. н. Штаб, копирующий в некотором роде структуру МВД России.

30

Бакатин Вадим Викторович — в 1991 году директор Межреспубликанской службы безопасности. Передал американцам документацию о подслушивающих устройствах в здании посольства США в Москве.

31

В.П. — Баранников Виктор Павлович — в 1992–1993 годах министр безопасности Российской Федерации.

32

Голушко Николай Михайлович — в 1992–1993 годах первый заместитель министра, в 1993 году — министр безопасности Российской Федерации.

33

Петров Юрий Владимирович — в 1991–1992 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

34

Силаев Иван Степанович — в 1985–1990 годах заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро по машиностроению, в 1990–1991 — председатель Совета Министров РСФСР.

35

ООО (сокр.) — общество с ограниченной ответственностью; АОЗТ (сокр.) —~ акционерное общество закрытого тина.

36

УБТ — Управление по борьбе с терроризмом в Министерстве безопасности.

37

Убэтэпшики — сотрудники УБТ (Управления по борьбе с терроризмом) в Министерстве безопасности.

38

ГУО — Главное управление охраны — государственный орган, занимавшийся обеспечением безопасности и внутриобъектового режима в высших органах государствсіпіой власти в 1990-е годы.

39

АФБ — Агентство федеральной безопасности — наименование российских органов госбезопасности в конце 1991 года.

40

УБКК — Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности.

41

АФБ (сокр.) — Агентство федеральной безопасности — структура, в которую был преобразован КГБ РСФСР после упразднения КГБ СССР; просуществовала чуть более трех месяцев. Па смену АФБ пришло Министерство бсзопаспости Российской Федерации.

42

Серебряков Александр Николаевич — в 1992–1993 годах заместитель, затем начальник Финансово-экономического управления Министерства безопасности России.

43

Боннэр Елена Георгиевна — вдова академика А.Д. Сахарова, диссидентка, с которой А.П. Орлов по поручению руководства встречался в 1991 году.

Алмазов Сергей Николаевич — в 1992–1999 годах возглавлял Федеральную службы налоговой полиции. Вешняков Александр Альбертович — в 1994–2007 годах председатель Центральной избирательной комиссии России, которого в 2007 году сменил Чуров Владимир Евгеньевич. Боос Георгий Валентинович — заместитель председателя Государственной Думы в 2003–2005 годах.

45

Так до 1991 года именовались страны социалистического лагеря.

46

Бурбулис Геннадий Эдуардович — в 1991–1992 годах Государственный секретарь РСФСР, заместитель председателя Правительства Российской Федерации, с 1993 года — глава политологического центра "Стратегия".

47

Бабурин Сергей Николаевич — в 1991–1993 годах народный депутат РСФСР, в 1992–1993 годах — сопредседатель Фронта национального спасения; Алкснис Виктор Имантович — в 1989–1992 годах народный депутат СССР, в 1992–1993 годах — член Политсовета Фронта национального спасения.

48

Коржаков Александр Васильевич — в 1991–1996 годах начальник Службы безопасности Президента Российской Федерации.

49

Бабурин Сергей Николаевич — в 1991–1993 годах народный депутат РСФСР, в 1992–1993 годах — сопредседатель Фронта национального спасения; Алкснис Виктор Имантович — в 1989–1992 годах народный депутат СССР, в 1992–1993 годах — член Политсовета Фронта национального спасения.

50

Зорькин Валерий Дмитриевич — в 1991–1993 годах и с 2003 года председатель Конституционного Суда Российской Федерации.

51

Черномырдин Виктор Степанович — в 1992–1998 годах председатель Правительства Российской Федерации.

АТС-1, ЛТС-2 («вертушка») и ВЧ — телефоны правительственной связи (последний — междугородной).

ХОЗУ (сокр.) — Хозяйственное управление.

54

Баранников Виктор Павлович — в 1992–1993 годах — министр безопасности.

55

ВДНХ (сокр.) — Выставка достижений пародного хозяйства — до 1992 года название Всероссийского выставочного цептра (ВВЦ).

56

«Челноки» — торговцы, закупающие, как правило, за границей товары широкого потребления по низким ценам и реализующие их с наценкой.

57

Вульгарно-просторечное обыгрывание фразы "Компрометирующими материалами не располагаем".

ГРУ — Главное разведывательное управление Генерального штаба.

59

ФБР (сокр.) — Федеральное бюро расследований — американское ведомство при Министерстве юстиции США, осуществляющее контрразведывательную деятельность.

60

ГПУ (сокр.) — Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации — структурное подразделение Администрации Президента Российской Федерации.

61

КУ (сокр.) — Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации.

62

Калмыков Юрий Хамзатович — в 1993–1994 годах министр юстиции Российской Федерации.

63

Крючков Владимир Александрович — в 1988–1991 годах председатель КГБ СССР.

64

Анпилов Виктор Иванович — в 1992–1993 годах председатель Исполкома общественно-политического движения "Трудовая Россия", секретарь ЦК Российской коммунистической рабочей партии.

65

Савостьянов Евгений Вадимович — в 1991–1994 годах начальник Управления КГБ СССР (МБ России, ФСК Российской Федерации) по Москве и Московской области, в прошлом — активный член движения "Демократическая Россия". Принимал участие в опечатывапии зданий ЦК КПСС на Старой площади в августе 1991 года.

Сафонов Анатолий Ефимович — в 1992–1993 годах заместитель министра безопасности, народный депутат РСФСР.

67

Константинов Илья Владиславович — в 1992–1993 годах сопредседатель Фронта национального спасения.

68

Лэнгли — штаб-квартира Центрального разведывательного управления США в пригороде Вашингтона.

69

Зорин Виктор Михайлович — в 1992–1995 годах — начальник управления Министерства безопасности Российской Федерации.

70

Поляничко Виктор Нетрович — в 1993 году глава Временной администрации на территориях Ссвсро-Осетинской ССР и Ингушской Республики в ранге заместителя председателя Правительства Российской Федерации.

71

Лнгупгг — село на юге Пригородпого района Северной Осетии, названное так от долины Таре Аре, что означает по-ингушски "Долина Тараса".

ВС РФ (сокр.) — Верховный Совет Российской Федерации.